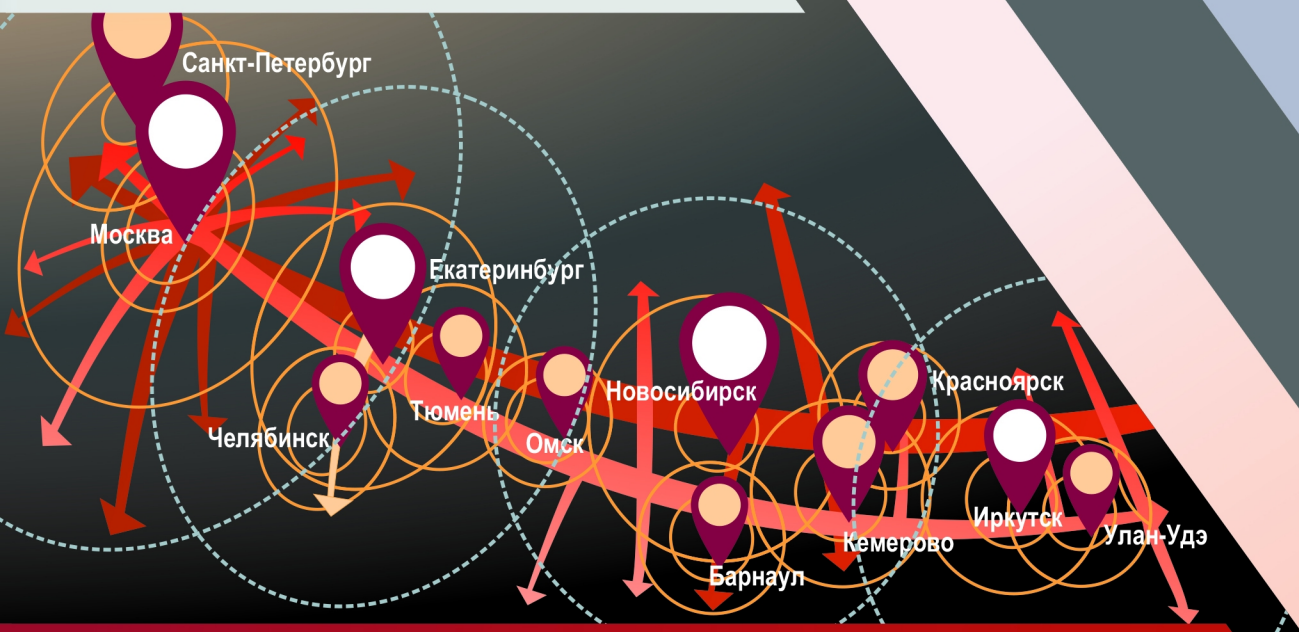

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

3 (45)
2026

TERRITORY DEVELOPMENT

Quarterly
scientific-practical journal

FOUNDED IN 2015

2026. № 3 (45)

EDITORIAL BOARD

Vladimir V. Glinskiy, Doctor of Sciences (Economics), Professor
(Novosibirsk, Russian Federation)

Leonid K. Bobrov, Doctor of Sciences (Engineering), Professor
(Novosibirsk, Russian Federation)

Nikolay I. Krasnyakov, Doctor of Sciences (Law), Associate
Professor (Novosibirsk, Russian Federation)

Vladimir F. Minakov, Doctor of Sciences (Engineering), Professor
(St. Petersburg, Russian Federation)

Lyudmila K. Serga, Candidate of Sciences (Economics), Associate
Professor (Novosibirsk, Russian Federation)

The point of view of the editorial board may not coincide with the point
of view of the authors.

Link to the journal "Territory Development" is mandatory when materials
are used.

© Siberian Institute of Management — branch of RANEPa

Founder
Federal State-funded Educational Institution
of Higher Education
"Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration"

"Territory Development" journal —
media partner of division
of the Russian Historical Society
(Novosibirsk)

Editor in chief
Leonid V. Savinov,
Doctor of Sciences (Political Science),
Professor

Assistant Editor
Sergey M. Koba

Editorial office address:
Nizhegorodskaya street, 6,
Novosibirsk, 630102

Phone: +7 (383) 373-12-18
rasv_ter@siu.ranepa.ru

Editors:
V. V. Popova
N. V. Ivanova

Technical Editor O. A. Gladunova

SibAGS Publishing House.
Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.

Release date 04.09.2026.
OCE print. Format 60x84 1/8.
Conventional printed sheet 16,27.
Publisher's signature 16,38.
Edition of 500 copies. Order 16.

The Journal is included in the Federal
Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass
Media Register.

Register number and date of registration:
ПИ № ФС77-81592
dated August 6, 2021.

Printed
on the printing facility
of the Siberian Institute of Management —
branch of RANEPa.
Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.
Subscription price 180.

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Ежеквартальный
научно-практический журнал

ОСНОВАН В 2015 Г.

2026. № 3 (45)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глинский Владимир Васильевич, доктор экономических наук, профессор (Новосибирск, Россия)

Бобров Леонид Куприянович, доктор технических наук, профессор (Новосибирск, Россия)

Красняков Николай Иванович, доктор юридических наук, доцент (Новосибирск, Россия)

Минаков Владимир Федорович, доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Серга Людмила Константиновна, кандидат экономических наук, доцент (Новосибирск, Россия)

Точка зрения редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов.

При использовании материалов журнала «Развитие территорий» ссылка на журнал обязательна.

© Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС

Учредитель
ФГБОУ ВО
«Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Журнал «Развитие территорий» —
информационный партнер отделения
Российского исторического общества
в г. Новосибирске

Главный редактор
Леонид Вячеславович Савинов
доктор политических наук, профессор

Ответственный секретарь
Сергей Михайлович Коба

Адрес редакции:
630102, г. Новосибирск,
ул. Нижегородская, 6.

Тел. +7 (383) 373-12-18
rasv_ter@siu.ranepa.ru

Редакторы:
В. В. Попова
Н. В. Иванова

Технический редактор *О. А. Гладунова*

Издательство СибАГС.
630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.

Дата выхода в свет 04.09.2026.
Печать ОСЕ. Формат 60x84 1/8.
Усл. п. л. 16,27. Уч.-изд. л. 16,38.
Тираж 500 экз. Заказ 16.

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер и дата регистрации:
ПИ № ФС77-81592
от 6 августа 2021 г.

Отпечатано
на полиграфической базе
Сибирского института управления —
филиала РАНХиГС.
630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.
Цена по подписке 180 руб.

EDITORIAL COUNCIL

Yuri I. Shokin, Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Valery A. Kryukov, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Vyacheslav I. Molodin, Doctor of Sciences (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Sergey M. Drobyshevsky, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Moscow, Russian Federation)

Ruben O. Agavelyan, Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Novosibirsk, Russian Federation)

Sergey V. Biryukov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor (Novosibirsk, Russian Federation)

Vladimir N. Borisov, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Moscow, Russian Federation)

Roman N. Borovskikh, Doctor of Sciences (Law) (Tomsk, Russian Federation)

Vladimir A. Volokh, Doctor of Sciences (Political Science), Professor (Moscow, Russian Federation)

Anna I. Guseva, Doctor of Sciences (Engineering), Professor (Moscow, Russian Federation)

Vladimir Yu. Zorin, Doctor of Sciences (Political Science), Professor (Moscow, Russian Federation)

Andrey S. Zuev, Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk, Russian Federation)

Nikolay E. Kalenov, Doctor of Sciences (Engineering), Professor (Moscow, Russian Federation)

Dmitry V. Kim, Doctor of Sciences (Law), Professor (Omsk, Russian Federation)

Irina V. Knyazeva, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Novosibirsk, Russian Federation)

Sergey V. Kodan, Doctor of Sciences (Law), Professor (Yekaterinburg, Russian Federation)

Kremer Raimund, PhD (Potsdam, Germany)

Chimiza K.-O. Lamazhaa, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor (Moscow, Russian Federation)

Arbahan K. Magomedov, Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor (Ulyanovsk, Russian Federation)

Izabella P. Malinova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor (Yekaterinburg, Russian Federation)

Lyudmila A. Mokretsova, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Biysk, Russian Federation)

Alexander V. Novokreschenov, Doctor of Sciences (Sociology), Professor (Novosibirsk, Russian Federation)

Roza A. Nurtazina, Doctor of Sciences (Political Science), Professor (Nur-Sultan, Kazakhstan)

Tatyana V. Poplavskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Minsk, Belarus)

Mikhail L. Pyatov, Doctor of Sciences (Economics), Professor (St. Petersburg, Russian Federation)

Olga V. Simagina, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor (Novosibirsk, Russian Federation)

Galina V. Timofeeva, Doctor of Sciences (Economics), Professor (Moscow, Russian Federation)

Baktykan M. Torogeldieva, Doctor of Sciences (Political Science), Professor (Bishkek, Kyrgyzstan)

Irbulat T. Utebergenov, Doctor of Sciences (Engineering), Professor (Almaty, Kazakhstan)

Tatyana E. Fasenko, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor (Novosibirsk, Russian Federation)

Alexey V. Fedyakin, Doctor of Sciences (Political Science), Professor (Moscow, Russian Federation)

Larisa L. Khoperskaya, Doctor of Sciences (Political Science), Professor (Bishkek, Kyrgyzstan)

Sergey N. Chirun, Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor (Kemerovo, Russian Federation)

Cheng Runyu, PhD (Shanghai, China)

Vladimir I. Shishkin, Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk, Russian Federation)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шокин Юрий Иванович, доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Крюков Валерий Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Молодин Вячеслав Иванович, доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Дробышевский Сергей Михайлович, доктор экономических наук, профессор (Москва, Россия)

Агавелян Рубен Оганесович, доктор психологических наук, профессор (Новосибирск, Россия)

Бирюков Сергей Владимирович, доктор политических наук, профессор (Новосибирск, Россия)

Борисов Владимир Николаевич, доктор экономических наук, профессор (Москва, Россия)

Боровских Роман Николаевич, доктор юридических наук (Томск, Россия)

Волох Владимир Александрович, доктор политических наук, профессор (Москва, Россия)

Гусева Анна Ивановна, доктор технических наук, профессор (Москва, Россия)

Зорин Владимир Юрьевич, доктор политических наук, профессор (Москва, Россия)

Зуев Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор (Новосибирск, Россия)

Каленов Николай Евгеньевич, доктор технических наук, профессор (Москва, Россия)

Ким Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Омск, Россия)

Князева Ирина Владимировна, доктор экономических наук, профессор (Новосибирск, Россия)

Кодан Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Кремер Раймунд, PhD (Потсдам, Германия)

Ламажаа Чимиза Кудер-Ооловна, доктор философских наук, профессор (Москва, Россия)

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, доцент (Ульяновск, Россия)

Малинова Изабелла Павловна, доктор философских наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Мокрецова Людмила Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор (Бийск, Россия)

Новокрещёнов Александр Васильевич, доктор социологических наук, профессор (Новосибирск, Россия)

Нуртазина Роза Ауталиповна, доктор политических наук, профессор (Нур-Султан, Казахстан)

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор (Минск, Беларусь)

Пятов Михаил Львович, доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Симагина Ольга Владимировна, доктор экономических наук, доцент (Новосибирск, Россия)

Тимофеева Галина Владимировна, доктор экономических наук, профессор (Москва, Россия)

Торогельдиева Бактыкан Макишевна, доктор политических наук, профессор (Бишкек, Кыргызстан)

Утепбергенов Ирбулат Туремуратович, доктор технических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

Фасенко Татьяна Евгеньевна, кандидат экономических наук, доцент (Новосибирск, Россия)

Федякин Алексей Владимирович, доктор политических наук, профессор (Москва, Россия)

Хопёрская Лариса Львовна, доктор политических наук, профессор (Бишкек, Кыргызстан)

Чирун Сергей Николаевич, доктор политических наук, доцент (Кемерово, Россия)

Ченг Жунью, PhD (Шанхай, Китай)

Шишкин Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор (Новосибирск, Россия)

CONTENTS

STATE AND CIVIL SOCIETY, IDEOLOGY AND POLITICS	8
Margolin A.M. HIGHER EDUCATION REFORM AS AN INNOVATION MANAGEMENT PROCESS	8
Vavilina N.D., Shpigunova Yu.M. STATE POLICY ON COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM: REGIONAL LEVEL	21
Bakhlov I.V., Bakhlova O.V. DYNAMICS AND AGENDA OF TWIN-CITY RELATIONS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN-BELARUSIAN INTEGRATION	40
Silvestrov S.N., Reshetnikov S.B., Kotova N.E. DYNAMIC RESOURCE IMBALANCE IN THE TRIAD OF "STRATEGIC PLANNING — BUDGETING — STRATEGIC MANAGEMENT": QUANTITATIVE STABILITY LIMITS AND SCENARIO ANALYSIS	53
TERRITORY: FACTS, ASSESSMENTS, PROSPECTS.....	62
Ovechkina N.I., Shmarikhina E.S. STATISTICAL ASSESSMENT OF THE QUALITY OF LIFE IN THE CIS COUNTRIES	62
Mirzekhanova Z.G., Koltsova A.A. ENVIRONMENTAL PROGRAMMES OF THE REGIONS OF THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT IN THE CONTEXT OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT TRENDS	72
ECONOMIC RESEARCH.....	88
Nagaeva O.S. INTERREGIONAL VALUE CHAINS AS A MECHANISM FOR TRANSFORMING THE EXPORT-RESOURCE DEVELOPMENT MODEL OF EASTERN SIBERIA.....	88
Popov E.V., Chelak I.P., Skvortsov M.M. STRATEGY FOR PUBLIC MANAGEMENT OF MAPPING THE ECONOMIC ECOSYSTEM OF A TERRITORY	102
INFORMATION SYSTEMS AND PROCESSES	120
Mikhailova S.S., Danilova S.D., Timofeev A.N. MODEL OF AN INTELLIGENT AGENT BASED ON FORMAL CONCEPT ANALYSIS AND DEEPSEEK FOR THE TASKS OF A REGIONAL SPATIAL DEVELOPMENT CENTRE	120
AUTHOR AFFILIATIONS.....	133
INFORMATION FOR AUTHORS	135

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА	8
Марголин А. М. РЕФОРМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПРОЦЕСС УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИЯМИ	8
Вавилина Н. Д., Шпигунова Ю. М. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ	21
Бахлов И. В., Бахлова О. В. ДИНАМИКА И ПОВЕСТКА ПОБРАТИМСКИХ СВЯЗЕЙ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	40
Сильвестров С. Н., Решетников С. Б., Котова Н. Е. ДИНАМИЧЕСКАЯ НЕСБАЛАНСИРОВАННОСТЬ РЕСУРСОВ В ТРИАДЕ «СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ — БЮДЖЕТИРОВАНИЕ — СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ»: КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПРЕДЕЛЫ УСТОЙЧИВОСТИ И СЦЕНАРНЫЙ АНАЛИЗ	53
ТЕРРИТОРИЯ: ФАКТЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ	62
Овечкина Н. И., Шмарихина Е. С. СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН СНГ	62
Мирзеханова З. Г., Кольцова А. А. ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В КОНТЕКСТЕ ТРЕНДОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	72
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	88
Нагаева О. С. МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКСПОРТНО-СЫРЬЕВОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.....	88
Попов Е. В., Челак И. П., Скворцов М. М. СТРАТЕГИЯ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАРТОГРАФИРОВАНИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКОСИСТЕМЫ ТЕРРИТОРИИ	102
ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И ПРОЦЕССЫ.....	120
Михайлова С. С., Данилова С. Д., Тимофеев А. Н. МОДЕЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО АГЕНТА НА ОСНОВЕ МЕТОДА АНАЛИЗА ФОРМАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ И DEEPSEEK ДЛЯ ЗАДАЧ РЕГИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ	120
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	133
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	135

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

STATE AND CIVIL SOCIETY, IDEOLOGY AND POLITICS

Развитие территорий. 2026. № 3. С. 08—20.
Territory Development. 2026;(3):08—20.

Государство и гражданское общество, идеология и политика
Научная статья
УДК 378.1
EDN AJPNJM

РЕФОРМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПРОЦЕСС УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИЯМИ

Андрей Маркович Марголин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, margolin-am@ranepa.ru

Аннотация. Планируемая реформа высшего образования затрагивает важные интересы всего общества, и необходимость ее проведения уже практически не вызывает сомнений. В статье рассматриваются инновационные механизмы достижения стратегических целей реформы, практическое применение которых может способствовать приобретению выпускниками вузов компетенций, позволяющих им эффективно решать проблемы повышения глобальной конкурентоспособности российской экономики, вносить существенный вклад в обеспечение технологического суверенитета страны.

Ключевые слова: реформа высшего образования, базовое и специализированное высшее образование, междисциплинарный подход, матричная структура управления программами высшего образования, минимальный и средний балл ЕГЭ, международные программы высшего образования

Для цитирования: Марголин А. М. Реформа высшего образования как процесс управления инновациями // Развитие территорий. 2026. № 3. С. 08—20. EDN AJPNJM.

State and civil society, ideology and politics

Original article

HIGHER EDUCATION REFORM AS AN INNOVATION MANAGEMENT PROCESS

Andrey M. Margolin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation, margolin-am@ranepa.ru

Abstract. The planned reform of higher education affects the vital interests of the entire society, and the need for its implementation is already virtually beyond doubt. The article examines innovative mechanisms for achieving the strategic goals of the reform, the practical application of which can help university graduates acquire competencies that enable them to effectively address the challenges of enhancing the global competitiveness of the Russian economy and make a significant contribution to ensuring the country's technological sovereignty.

Keywords: higher education reform, basic and specialized higher education, interdisciplinary approach, matrix structure of higher education programme management, minimum and average Unified State Exam score, international higher education programmes

© Марголин А. М., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

For citation: Margolin A.M. Higher Education Reform as an Innovation Management Process. Territory Development. 2026;(3):08—20. (In Russ.). <https://elibrary.ru/ajpnjm>.

Кто достиг высот образования,
должен заранее предположить,
что большинство будет против него.

*Иоганн Вольфганг Гёте,
немецкий поэт и писатель*

Введение

За последние годы в сфере образования произошли поистине революционные изменения: мел, доска и мокрая тряпка в руках преподавателя постепенно заменялись диапроекторами и кодоскопами, а затем и презентациями, подходы к подготовке которых непрерывно совершенствуются и уже включают использование технологий виртуальной и дополненной реальности. Для повышения качества учебного процесса широко используются геймификация, искусственный интеллект и машинное обучение, образовательные онлайн-платформы. Аналогичные процессы можно видеть в сфере проведения исследований и подготовки необходимой отчетности — путь от представления дипломных работ в письменном виде на бумаге до их набора на печатной машинке, на персональном компьютере, а теперь и с использованием возможностей искусственного интеллекта занял всего 50 лет. По сути, трансформация системы высшего образования укладывается в формулу «созидательного разрушения», предложенную почти 100 лет назад классиком теории инноваций Йозефом Шумпетером [1], и учитывает логику создания университетов мирового уровня [2—4].

Система высшего образования в России не может остаться в стороне от динамичных изменений и будет скорректирована как содержательно, так и организационно [5]. Контуры предполагаемых изменений в последние годы широко обсуждаются ([6—8] и др.). И это естественно, поскольку потребность в назревшей реформе, несколько упрощенно понимаемой как отказ от бакалавриата, обусловлена разными причинами.

Так, в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» особое внимание уделяется достижению таких целей, как технологическое лидерство и цифровая

трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы. При этом консенсус профессионального сообщества состоит в том, что традиционный подход — «4 года бакалавриата + 2 года магистратуры» — не дает возможности подготовить квалифицированного специалиста-созидателя, способного внести существенный вклад в обеспечение технологического суверенитета.

Корректировка существующей системы высшего образования с учетом динамично меняющихся потребностей работодателей предполагает как широкое вовлечение экспертов-практиков в разработку федеральных государственных образовательных стандартов и конкретных образовательных программ, так и повышение самостоятельности вузов. Показательно то, что по разным оценкам не по специальности работают от 25 до 50 % выпускников вузов.

Несмотря на интеграцию в Болонский процесс, российские дипломы признавались странами «золотого миллиарда» с большими ограничениями, а после начала СВО в 2022 г. Россия де-факто перестала в нем участвовать. По сути, цель получения диплома бакалавра утратила актуальность.

И если необходимость изменений в системе высшего образования практически не вызывает сомнений, то ответ на вопрос о том, как конкретно их проводить, сохраняет свою актуальность. Причем консенсус пока не найден [9—12], что и стало причиной пролонгации действия запущенного в 2023 г. пилотного проекта реформы до 2030 г. Безусловно, рассматриваемая реформа затрагивает огромное количество людей, и она очень сложна, поэтому использование старейшего принципа медицинской этики, приписываемое древнегреческому целителю Гиппократу «Не навреди» является в данном случае обязательным. В настоящей статье рассматривается ряд конкретных инновационных идей, которые, по мнению автора, могут способствовать повышению эффективности управления развитием высшего образования.

Общая логика планируемой реформы системы высшего образования

Вначале представим суть предстоящих изменений (табл. 1), затем — концепцию структуры нового федерального государ-

ственного образовательного стандарта, которую с высокой степенью вероятности и предполагается использовать на практике (табл. 2).

Таблица 1

Организационные изменения в системе высшего образования Organisational Changes in the Higher Education System

Существующие уровни высшего образования		Суть организационных изменений	
Название уровня	Срок обучения в очной форме	Название уровня	Срок обучения в очной форме
Бакалавриат	4 года	Базовое высшее образование	От 4 до 6 лет в зависимости от направления подготовки
Специалитет	5 лет		
Магистратура	2 года	Специализированное высшее образование	От 1 до 3 лет (в форме магистратуры, ординатуры или ассистентуры-стажировки)

Таблица 2

Проект структуры нового федерального государственного образовательного стандарта по базовому высшему образованию (ФГОС)

Draft Structure of the New Federal State Educational Standard for Basic Higher Education (FSSES)

Элемент структуры нового ФГОС		Характеристика структурного элемента	Примечание
ЕДИНОЕ ЯДРО	Социогуманитарная часть	Единая для всех специальностей (обязательные дисциплины — изучаются в обязательной последовательности и в обязательном объеме)	Примерный перечень дисциплин: История России, Основы российской государственности, Философия, Русский язык, Иностранный язык, Физическая культура и спорт, Безопасность жизнедеятельности
	Фундаментальная часть	Единая для каждой укрупненной группы специальностей	Перечень дисциплин определяется Федеральным учебно-методическим объединением (ФУМО)
Профессиональная часть		Гибкая в зависимости от профессии, отрасли и запросов рынка труда	Перечень дисциплин определяется вузом во взаимодействии с работодателями

Рассматриваемая модель имеет много достоинств, из которых следует отметить:

— наличие относительно небольшой (объемом до 30 зачетных единиц), но содержательной социогуманитарной части, позволяющей сформировать у всех без исключения студентов, независимо от выбранной ими специальности, достаточно широкий кругозор и критическое мышление, а также общее системное представление об истории и месте России в современном мире;

— единое понимание теоретических основ той профессиональной деятельности, которую студент считает для себя оптимальной (обеспечивается фундаментальной частью единого ядра);

— максимальное соответствие образовательной программы потребностям практики, разработка профессиональной части которой без участия работодателей станет практически невозможной¹;

¹ Было бы большим преувеличением считать, что в рамках действующей модели управления высшим образованием необходимость практической ориентации образовательных программ не принималась во внимание. В частности, один из механизмов решения этой проблемы заключается в том, что профессиональные компетенции выпускников, хотя и устанавливаются вузом самостоятельно, но должны быть обязательно «привязаны» к требованиям профессиональных стандартов, утверждаемых Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации (см.: постановление Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2023 г. № 580 «О разработке и утверждении профессиональных стандартов»).

— уделение внимания непрерывному повышению квалификации преподавателей, что особенно важно в условиях цифровизации всех сторон жизни общества;

— снижение административной нагрузки и бумажной работы преподавателей (например, за счет отсутствия необходимости разработки учебно-методических материалов по единому ядру — эти материалы будут доведены до вузов «сверху») и т. д.

Будущее за междисциплинарными программами высшего образования

Вместе с тем рассмотренный подход не является единственным и может быть содержательно дополнен. Дело в том, что ориентация на конкретные направления подготовки, предусмотренная структурой нового ФГОС (см. табл. 2), создает предпосылки для подготовки квалифицированного инженера, юриста, экономиста, социолога и т. д., но не в полной мере учитывает перспективы использования междисциплинарного подхода к разработке образовательных программ. А эти перспективы во многом связаны с современными тенденциями подготовки кадров для экономики страны. Так, на заседании Государственного совета, состоявшегося в Кремле 25 декабря 2025 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин специально обратил внимание на такое важное конкурентное преимущество человека, как умение работать в команде. Он, в частности, отметил, что в новом сезоне конкурса «Лидеры России» заявки на участие подаются не индивидуально, а именно в составе команды единомышленников.

Для формирования такой команды важно создавать условия, позволяющие выпускникам университетов объединять междисциплинарные знания из различных предметных областей для достижения общей цели. Опыт разработки и практической реализации соответствующих междисциплинарных программ бакалавриата накоплен, например, в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (далее — РАНХиГС, Президентская академия) и может быть адаптирован к требованиям нового ФГОС.

Коротко рассмотрим концепцию создания междисциплинарных образовательных программ на примере разработан-

ного в Президентской академии инновационного стандарта многопрофильного бакалавриата «Проекты устойчивого развития»¹. Эта концепция создает возможности подготовки кадров по шести направлениям подготовки и реализована на практике в течение пяти лет на примере трех из них: 38.03.02 «Менеджмент», 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление», 41.03.05 «Международные отношения» (рис. 1). Программы, интегрированные в стандарт многопрофильного бакалавриата, объединяет общая идея подготовки кадров, способных создавать, организовывать и управлять проектами устойчивого развития в интересах государства, бизнеса и развития международного сотрудничества.

Актуальность и общая философия целей устойчивого развития позволили выделить в столь разных направлениях, как менеджмент, государственное и муниципальное управление и международная деятельность, общее ядро базовой подготовки продолжительностью в три учебных семестра. Это общее ядро создает единый фундамент подготовки бакалавров, на основе которого с четвертого семестра осуществляется профессионализация и углубленная специализация студентов по выбранным ими профилям. Три семестра общего профиля подготовки — не только надежный фундамент для профильных знаний, но и достаточное время для того, чтобы определиться со своим дальнейшим выбором жизненного пути. Поступившие на многопрофильный бакалавриат (на любое из направлений) студенты получают уникальную возможность выбора дальнейшего направления учебы по прошествии первых полутора лет обучения в Президентской академии — они сами решают, кем хотят стать: международниками, чиновниками или управленцами в бизнесе. Как показывает практика, их окончательный выбор часто отличается от первоначальных предпочтений при поступлении в Президентскую академию после школы.

¹ Президентской академии, наряду с другими ведущими вузами страны, предоставлено право разработки самостоятельных образовательных стандартов, которые по своим требованиям к освоению образовательных программ должны быть не ниже (а, как правило, выше) требований ФГОС.

Рис. 1. Единая образовательная технология многопрофильного бакалавриата «Устойчивое развитие»
 Unified educational technology of the multidisciplinary bachelor's programme "Sustainable Development"

Принципиальное значение имеет и другая идея многопрофильного бакалавриата: выпускников его разных программ связывает общее системное представление о целях устойчивого развития и механизмах их достижения, и они, по сути, представляют собой практически готовую управленческую команду, члены которой органично дополняют друг друга, и их взаимодействие под руководством опытного наставника должно обеспечить получение синергетического эффекта при рассмотрении сложных экономических, экологических и социальных проблем, которые предстоит решать в комплексе. С учетом изложенного возникают два прикладных вопроса: как идея междисциплинарных программ вписывается в новую структуру ФГОС (см. табл. 2),

влияет ли эта идея на традиционные представления об организационной структуре управления современным вузом, и если влияет, то каким образом.

Приведем логику ответа на первый из этих вопросов (табл. 3). Новая структура ФГОС имеет два отличия: первое из них состоит в появлении междисциплинарного ядра, распространяющегося только на те направления подготовки, которые будут включены в программу многопрофильного теперь уже не бакалавриата, а просто высшего образования, а второе заключается в том, что срок четыре года для междисциплинарных программ представляется недостаточным, и их продолжительность должна, как правило, составлять не менее пяти лет.

Таблица 3

Технология включения междисциплинарных программ в проект структуры нового ФГОС по высшему образованию

Technology for Integrating Interdisciplinary Programmes into the Draft Structure of the New FSES for Higher Education

Элемент структуры нового ФГОС		Характеристика структурного элемента	Примерная продолжительность с учетом требований нового ФГОС
ЕДИНОЕ ЯДРО	Социогуманитарная часть — 1 семестр	Единая для всех специальностей	Перечень дисциплин определяется Минобрнауки России
	Междисциплинарная часть (при наличии) — 2 семестра	Единая для всех специальностей, включенных в междисциплинарную программу	Перечень дисциплин определяется вузом, имеющим право разработки собственных образовательных стандартов и принявшим решение о реализации междисциплинарной программы
	Фундаментальная часть — 2 семестра	Единая для каждой из специальностей, включенных в междисциплинарную программу	Перечень дисциплин определяется ФУМО по специальности
Профессиональная часть — 4 семестра		Гибкая в зависимости от профессии, отрасли и запросов рынка труда	Перечень дисциплин, требования к преддипломной практике и ГИА определяются вузом, имеющим право разработки собственных образовательных стандартов, во взаимодействии с работодателями и с учетом требований ФГОС
Преддипломная практика и государственная итоговая аттестация — 1 семестр			

Переходя к ответу на второй из сформулированных вопросов, отметим, что традиционная структура институтов (или факультетов) вузов междисциплинарную проблематику практически «не видит». Каждый из таких структурных элементов «заточен» прежде всего на качественную подготовку кадров по своей основной специальности, что может вполне отвечать потребностям практики в случае соответствия компетенций выпускников требованиям профильных профессио-

нальных стандартов и оставляет «окно междисциплинарных возможностей» через реализацию сетевых образовательных программ. Но этого, с точки зрения автора, недостаточно.

В принципе, при определении тематики междисциплинарных программ нет необходимости в том, чтобы придумывать нечто особенное. Их логика напрямую задается Национальными целями развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года,

утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309, а также обеспечивающими их достижение направлениями реализации и конкретным перечнем государственных программ страны.

Трансформация организационной структуры управления образовательными программами

Представляется, что междисциплинарный подход к созданию и последующей реализации образовательных программ высшего образования предполагает целесообразность перехода от традиционной линейной структуры создания институтов (факультетов) вуза к матричной. В дополнение к институтам (факультетам), олицетворяющим направления подготовки, определенные ФГОС, «несущей конструкцией» матричной структуры управления учебным процессом могут стать научно-образовательные центры, выполняющие функцию внутреннего заказчика междисциплинарных программ и являющиеся инициаторами их разработки и реализации. Действующие государственные программы, по сути, являются смысловыми прототипами названий таких центров создания и управления реализацией соответствующих образовательных программ. На примере пяти

действующих государственных программ приведем варианты программ высшего образования по различным направлениям подготовки, иллюстрирующие идею междисциплинарного подхода (табл. 4).

Соответственно, реализовав рассматриваемые программы многопрофильного высшего образования на основе междисциплинарного подхода, на выходе мы получим прообразы управленческих команд, обладающих коллективным разумом для поиска инновационных механизмов получения синергетического эффекта при решении стоящих перед ними проблем. Очевидно, что многопрофильное высшее образование, «привязанное» к государственной программе «Содействие международному развитию», позволит сформировать команду выпускников, погруженных в проблему с разных сторон на основе компетенций в области юриспруденции, международных отношений, экономики, ГМУ и журналистики.

Аналогичная логика рассуждений справедлива и по отношению к другим научно-образовательным центрам и междисциплинарным программам (см. табл. 4).

Безусловно, жизнь будет вносить корректировки в перечень утвержденных государственных программ, открывая тем самым новые перспективы для соответствующих образовательных инициатив.

Таблица 4

Логика перехода от традиционной линейной структуры создания институтов (факультетов) вуза к матричной
Logic of the Transition from the Traditional Linear Structure of University Institutes (Faculties) to a Matrix Structure

Вариант названий традиционных институтов (факультетов) вуза	Примеры научно-образовательных центров — заказчиков междисциплинарных образовательных программ				
	Информационное общество	Содействие международному развитию	Научно-технологическое развитие	Управление государственными финансами	Развитие физической культуры и спорта
Юридический	Правовое обеспечение развития цифровых технологий	Правовое обеспечение международного сотрудничества	Правовое регулирование инновационной деятельности	Финансовое право	Спортивное право
Международных отношений		Интеграционные процессы в современном мире			Международная спортивная дипломатия
Информационных технологий	Информационные системы и цифровые технологии		Научно-технологическое развитие в сфере искусственного интеллекта	Информационные и цифровые технологии в финансовой сфере	

Вариант названий традиционных институтов (факультетов) вуза	Примеры научно-образовательных центров — заказчиков междисциплинарных образовательных программ				
	Информационное общество	Содействие международному развитию	Научно-технологическое развитие	Управление государственными финансами	Развитие физической культуры и спорта
Экономический		Экономическая дипломатия		Финансовая система государства	
Менеджмента	Цифровая трансформация систем управления в бизнесе		Инновационный менеджмент		Спортивный менеджмент
Государственного и муниципального управления	Цифровое государство	Государственная политика в области обеспечения национальной безопасности	Государственная поддержка предпринимательства в различных сферах экономической деятельности	Государственный финансовый контроль	Государственная поддержка развития спорта
Общественных наук	Управление репутацией в социальных сетях			Финансовая грамотность населения	
Журналистики		Международная журналистика			Спортивная журналистика

Примечание. Приведенная в таблице «привязка» проблемных областей (научно-образовательных центров) к традиционной структуре институтов (факультетов) вуза сделана лишь «в первом приближении». Включив креативное мышление, можно, видимо, заполнить названиями программ и те элементы таблицы, которые сейчас оставлены пустыми. Тем не менее, с учетом особенностей современного этапа развития экономики становится очевидным, что такие направления подготовки, как государственное и муниципальное управление, юриспруденция, информационные технологии, становятся неотъемлемой частью практически любых междисциплинарных программ социально-гуманитарной направленности.

Note. The “mapping” of problem areas (research and education centres) to the traditional structure of university institutes (faculties) presented in the table is only a first approximation. With creative thinking, it is probably possible to fill the currently empty cells with programme names as well. Nevertheless, given the specifics of the current stage of economic development, it becomes obvious that fields of study such as public and municipal administration, law, and information technology are becoming an integral part of almost any interdisciplinary programme in the social sciences and humanities.

Так, одной из инициатив мог бы стать определенный пересмотр традиционных подходов к организации приема на программы высшего образования и использованию среднего балла ЕГЭ как ключевого показателя качества набора абитуриентов. В действительности нет принципиальной разницы между вузами, незначительно отличающимися друг от друга величиной среднего балла ЕГЭ (например, на 0,5 балла), а вот дисперсия средних баллов ЕГЭ поступивших абитуриентов будет значительно влиять на качество образовательных программ. При прочих равных условиях, чем выше разброс средних баллов, тем сильнее неоднородность состава студентов и тем выше вероятность того, что преподава-

тели будут вынуждены тратить больше времени на относительно слабых студентов и не смогут уделить достаточного внимания дальнейшему развитию студентов, уже имеющих серьезный уровень начальной подготовки, подтвержденный победами в олимпиадах или высокими баллами ЕГЭ, позволившими им гарантированно поступить на бюджетные места.

Данный вывод является прямым следствием закона минимума Либиха, в соответствии с которым развитие всегда ограничивается фактором, находящимся в относительном минимуме. В рассматриваемом случае — студентами, поступившими на первый курс с минимально возможными баллами ЕГЭ. Продолжая логику того, что «минимальный балл по-

ступивших на первый курс не менее важен, чем средний», сформулируем следующее предложение: в дополнение к требованию о минимальных баллах ЕГЭ вузам целесообразно предоставить право устанавливать минимальный проходной балл по сумме всех вступительных экзаменов. Тогда, постепенно повышая нижнюю планку отсечения со 170 до 180, 190, 200, а в оптимистическом сценарии и далее, вуз сможет сформировать тенденцию к повышению качества контингента обучающихся, что является одним из ключевых условий повышения качества образования в целом.

О проблеме разделения высшего образования на базовое и специализированное

Междисциплинарная логика также заставляет взглянуть на широко обсуждаемое деление высшего образования на так называемое «базовое высшее» и «специализированное высшее» под иным углом зрения. Как правило, специализированное высшее образование, а по сути, магистратура в новой интерпретации, рассматривается в качестве технологии подготовки кадров с выраженным творческим началом, являющихся генераторами инновационных идей, способных к самостоятельному созданию новых технологий. Но люди с такими компетенциями вполне могут развиваться и в аспирантуре, тем более что после пятилетнего базового высшего образования (оно может быть как результатом освоения углубленной образовательной программы по конкретному направлению подготовки, так и результатом обучения по междисциплинарной программе) получение специализированного высшего образования для поступления в аспирантуру не потребуются.

Но тогда кому и зачем будет нужно специализированное высшее образование? Если студент получал базовое высшее образование в течение пяти или шести лет, то он сможет поступить в аспирантуру сразу. Если же срок его базового высшего образования ограничился четырьмя годами, а желание и возможность поступить в аспирантуру сохранилось, то для этого совершенно не обязательно получать специализированное высшее образование, а достаточно успешно освоить программу переподго-

товки, содержание которой будет ориентировано на развитие навыков исследователя и верифицировано профессиональным сообществом.

Причем вся необходимая инфраструктура для выбора такой траектории развития исследовательского потенциала уже создана, поскольку еще в 2014 г. приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 4 марта 2014 г. № 121н утвержден профессиональный стандарт «Специалист по научно-исследовательским и опытно-конструкторским разработкам». Естественно, этот стандарт нуждается в актуализации с учетом появления принципиально новых возможностей проведения исследований, связанных прежде всего с развитием информационных технологий и использованием искусственного интеллекта, но сама идея дополнения базового высшего образования необходимостью сдачи квалификационного экзамена по такому профессиональному стандарту в качестве условия допуска к экзаменам в аспирантуру (а возможно, и без экзаменов в случае сдачи квалификационного экзамена по профессиональному стандарту на отлично) представляется весьма конструктивной.

Если принять приведенную аргументацию, то в делении высшего образования на базовое и специализированное уже не будет необходимости¹, а сама логика реформы (см. табл. 4) изменится с учетом наличия у конкретного студента выбора между выходом на рынок труда и продолжением обучения в аспирантуре (рис. 2).

¹ В действительности прилагательное «базовое» для характеристики высшего образования не выглядит привлекательным. Оно может восприниматься и как «недостаточное» для развития профессиональной карьеры.

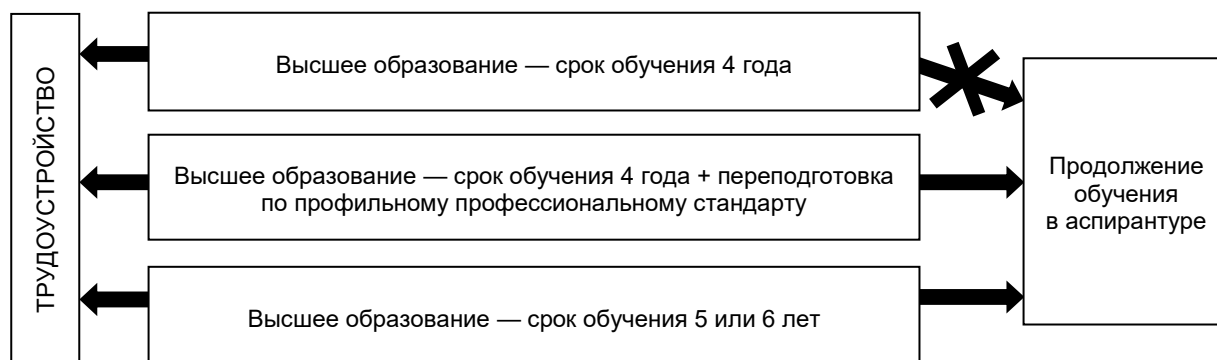

Рис. 2. Возможные варианты получения высшего образования и развития профессиональной карьеры
Possible paths for obtaining higher education and advancing a professional career

Анализ рис. 2 показывает, что высшее образование разной продолжительности в совокупности с возможностью получения квалификации «Специалист по научно-исследовательским и опытно-конструкторским разработкам» на основе сдачи экзамена по профильному профессиональному стандарту позволяет студенту выбрать траекторию своего профессионального развития в зависимости от индивидуальных предпочтений: от немедленного трудоустройства до продолжения обучения в аспирантуре.

О роли программ международного сотрудничества при реализации программ высшего образования

Остается открытым и вопрос о месте международных программ высшего образования в новой системе координат, задаваемых проводимой реформой. Поиску оптимальных моделей сотрудничества с зарубежными партнерами посвящены исследования как российских [13], так и зарубежных авторов [14]. При этом следует отметить, что ожидаемое исчезновение из российского правового поля привычных для зарубежных вузов понятий «бакалавриат» и «магистратура» не должно стать непреодолимым препятствием для проектирования совместных образовательных программ. Представляется, что любой срок реализации программ высшего образования оставляет все возможности для международного сотрудничества прежде всего в его наиболее перспективном формате получения так называемого «двойного диплома» российского вуза и зарубежного вуза-партнера. Видимо, именно этот формат заслуживает большей государственной поддержки по сравнению с предоставлением грантов студентам для обу-

чения в зарубежных вузах, пусть и весьма престижных. В частности, в соответствии с условиями проведенного в декабре 2025 г. конкурса на получение стипендий студентами и аспирантами, претендующими на обучение за рубежом, при определении размера стипендий учитываются следующие виды расходов:

- расходы на оплату обучения;
- оформление визы и (или) обязательного специального разрешения на временное проживание на территории страны;
- однократный проезд до места обучения и обратно — воздушным транспортом в салоне экономического класса;
- расходы по найму жилого помещения;
- расходы на оформление обязательной медицинской страховки;
- оплата местного транспорта для проезда от места проживания до места обучения и обратно — общественным транспортом.

Однако эффективность государственных расходов на поддержку вузов, реализующих совместные образовательные программы с авторитетными зарубежными партнерами, несоизмеримо выше, чем предоставление индивидуальных стипендий конкретным студентам. После завершения обучения студент может и не вернуться в Российскую Федерацию, получив привлекательное предложение по трудоустройству. И даже возмещение им расходов на обучение за рубежом не является надежной страховкой эффективного инвестирования бюджетных средств: во-первых, потому что это возмещение не компенсирует упущенную выгоду от использования альтернативных возможностей поддержки международных образовательных проектов, во-вторых, оно произойдет по номиналь-

ной стоимости с разрывом во времени между предоставлением финансирования и получением компенсации.

Что же касается концентрации имеющихся ограниченных ресурсов, направляемых на поддержку приоритетных международных программ российских вузов, то потенциальный эффект достаточно очевиден и включает приобретение российскими вузами дополнительных компетенций в процессе работы с авторитетным зарубежным партнером над совместными образовательными программами. Кроме того, более высока вероятность того, что выпускник программы останется работать в стране и будет приносить пользу развитию ее экономики (по сравнению с вариантом обучения студента за рубежом).

Заключение

Реформа системы высшего образования в России объективно необходима и технологии ее проведения широко обсуждаются в профессиональном сообществе. В этом контексте целесообразно обратить внимание на ряд инновационных подходов, практическое применение которых может способствовать повышению качества образования. В их числе:

- создание условий, позволяющих выпускникам вузов формировать управленческие команды на основе объединения междисциплинарных знаний из различных предметных областей для достижения общей цели. Для этого вузам может быть предоставлено право содержательного дополнения обсуждаемой структуры нового федерального государственного образовательного стандарта путем включения в нее междисциплинарного ядра, распространяющегося на те направления подготовки, которые необходимы для реализации разрабатываемых инновационных междисциплинарных образовательных программ. Срок четыре года для освоения таких программ представляется недостаточным, и их продолжительность должна, как правило, составлять не менее пяти лет;

- междисциплинарный подход к созданию и последующей реализации образовательных программ высшего образования предполагает целесообразность перехода от традиционной линейной структуры создания институтов (факультетов) вуза к матричной. В дополнение

к институтам (факультетам), олицетворяющим направления подготовки, определенные ФГОС, «несущей конструкцией» матричной структуры управления учебным процессом могут стать научно-образовательные центры, выполняющие функцию внутреннего заказчика междисциплинарных программ и являющиеся инициаторами их разработки и реализации;

- идея разделения высшего образования на «базовое» и «специализированное» требует дополнительного обсуждения. Если предусмотреть возможность поступления в аспирантуру после получения базового высшего образования продолжительностью пять или шесть лет, то в известной степени теряется смысл поступления на программы специализированного высшего образования, рассматриваемого в качестве технологии подготовки кадров с выраженным творческим началом, способных к самостоятельному созданию новых технологий. По сути, люди, ориентированные на приобретение таких компетенций, вполне могут поступить в аспирантуру. Выполненный анализ показывает, что высшее образование разной продолжительности в совокупности с возможностью получения квалификации «Специалист по научно-исследовательским и опытно-конструкторским разработкам» на основе сдачи экзамена по профильному профессиональному стандарту позволяет студенту выбрать траекторию своего профессионального развития в зависимости от индивидуальных предпочтений: от немедленного трудоустройства до продолжения обучения в аспирантуре. Если принять эту логику рассуждений, то в одновременном существовании базового и специализированного высшего образования уже не будет необходимости, и привычное и простое для восприятия понятие «высшее образование» окажется достаточным;

- корректировка традиционных подходов к организации приема на программы высшего образования и использованию среднего балла ЕГЭ как ключевого показателя качества набора абитуриентов. С точки зрения автора, такой показатель, как «минимальный балл ЕГЭ студентов, поступивших на первый курс», не может стать фактором важнее среднего балла ЕГЭ, согласно закону минимума Либиха. Этот тезис является прямым следствием

закона минимума Либиха, в соответствии с которым развитие всегда ограничивается фактором, находящимся в относительном минимуме (в рассматриваемом случае — студентами, поступившими на первый курс с минимально возможными баллами ЕГЭ). Поэтому вузам целесообразно предоставить право устанавливать минимальный проходной балл по сумме всех вступительных экзаменов. Тогда, постепенно повышая нижнюю планку отсечения со 170 до 180, 190, 200 (для трех профильных дисциплин) и более баллов, вуз сможет сформировать тенденцию к повышению качества контингента обучающихся, что является одним из ключевых условий повышения качества образования в целом;

— наиболее перспективным форматом международного сотрудничества российских вузов с авторитетными зарубежными партнерами представляется обучение по программам так называемого «двойного диплома». С точки зрения эффективности государственных расходов такой формат заслуживает большей государственной поддержки по сравнению с предоставлением грантов студентам

для обучения в зарубежных вузах, пусть и весьма престижных. Представляется, что эффективность государственных расходов на поддержку вузов, реализующих совместные образовательные программы с авторитетными зарубежными вузами, несоизмеримо выше, чем предоставление индивидуальных стипендий конкретным студентам, потому что такое обучение включает приобретение российскими вузами дополнительных компетенций в процессе работы с иностранными партнерами над совместными образовательными программами и значительно более высокую вероятность того, что выпускник, обучающийся по такой программе, останется работать в стране и будет приносить пользу развитию ее экономики.

Конечно, автор отдает себе отчет в том, что, следуя Рене Декарту — французскому философу XVII в., считавшему сомнение единственно правильным методом познания, эксперты, имеющие большой опыт в сфере управления высшим образованием, подвергнут содержащиеся в настоящей статье рекомендации критическому анализу. Но именно в этом и заключался ее первоначальный замысел...

Список источников

1. Schumpeter J. The theory of economic development: an inquiry into profits, capital, credit, interest, and the business cycle. Cambridge, Mass.; Harvard University Press, 1934. 189 p.
2. Гамаюнов С. Н., Зюзин Б. Ф. Университет как архитектор образовательно-производственной экосистемы // Университетское управление: практика и анализ. 2026. № 1. С. 35—44.
3. Каргаполова Е. В., Штыхно Д. А. Миссия современного российского вуза: трансформация смыслов // Высшее образование в России. 2026. Т. 35, № 1. С. 10—34.
4. Salmi J. The Challenge of Establishing the World-Class Universities / The International Bank for Reconstruction and Development. 2009. 134 p.
5. Фальков В. Н. Высшая школа в перекрестье вызовов // Наука во времени и пространстве : сб. ст. в 2 т. Новосибирск, 2025. С. 70—84.
6. Клячко Т. Л., Токарева Г. С. Структурные изменения в российской системе высшего образования // Университетское управление: практика и анализ. 2024. Т. 28, № 4. С. 30—53.
7. Костерев А. Г., Ким М. Ю. Современная российская высшая школа накануне преобразования // Высшее образование в России. 2025. Т. 34, № 7. С. 153—166.
8. Разумова Т. А., Телешова И. Г. Трансформация системы высшего образования: вызовы и перспективы // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19, № 3. С. 338—349.
9. Дрогобыцкий И. Н. Системные проблемы национальной высшей школы // Системный анализ в проектировании и управлении : сб. науч. тр. XXVII Междунар. науч.-практ. конф., 13—14 октября 2023 г., Санкт-Петербург. СПб. : Политех-пресс, 2024. Ч. 2. С. 217—223.
10. Дружиловская Т. Ю., Дружиловская Э. С. Сохранится ли компетентностный подход к обучению в условиях изменений в организации высшего образования в России? // Высшее образование в России. 2025. Т. 34, № 10. С. 78—102.
11. Кетова Л. П. Реформа высшего образования в 2025 г.: учтут ли мнение преподавателей? // Аграрное и земельное право. 2024. № 12 (240). С. 43—46.
12. Шахова Д. И. Основные проблемы реформирования российской системы высшего образования: нормативные акты и взгляд профессиональной среды // Russian Journal of Economics and Law. 2025. Т. 19, № 2. С. 239—256.
13. Зиневич О. В., Никитенко Е. В. Интернационализация высшего образования в России: глобализация или суверенизация? // Высшее образование в России. 2025. Т. 34, № 11. С. 125—144.
14. Bamberger A., Morris P. Critical perspectives on internationalization in higher education: commercialization, global citizenship, or postcolonial imperialism? // Critical Studies in Education. 2023. No. 65 (2). P. 128—146. DOI: 10.1080/17508487.2023.2233572

References

1. Schumpeter J. The theory of economic development: an inquiry into profits, capital, credit, interest, and the business cycle. Cambridge, Mass.; Harvard University Press, 1934, 189 p.
2. Gamayunov S.N., Zyuzin B.F. Universitet kak arkhitekt obrazovatelno-proizvodstvennoi ekosistemi [University as an architect of the educational and production ecosystem]. Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz [University Management: Practice and Analysis], 2026, no. 1, pp. 35–44.
3. Kargapolova Ye.V., Shtikhno D.A. Missiya sovremennogo rossiiskogo vuza: transformatsiya smislov [The mission of the modern Russian university: transformation of meanings]. Visshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia], 2026, vol. 35, no. 1, pp. 10–34.
4. Salmi J. The Challenge of Establishing the World-Class Universities / The International Bank for Reconstruction and Development, 2009, 134 p.
5. Falkov V. N. Visshaya shkola v perekreste vizovov [Higher education at the crossroads of challenges]. Nauka vo vremeni i prostranstve [Science in Time and Space] : sb. st. v 2 t, Novosibirsk, 2025, pp. 70–84.
6. Klyachko T.L., Tokareva G.S. Strukturnie izmeneniya v rossiiskoi sisteme visshego obrazovaniya [Structural changes in the Russian higher education system]. Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz [University Management: Practice and Analysis], 2024, vol. 28, no. 4, pp. 30–53.
7. Kosterev A.G., Kim M.Yu. Sovremennaya rossiiskaya visshaya shkola nakanune preobrazovaniya [Modern Russian higher education on the eve of transformations]. Visshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia], 2025, vol. 34, no. 7, pp. 153–166.
8. Razumova T.A., Teleshova I.G. Transformatsiya sistemi visshego obrazovaniya: vizovi i perspektivi [Transformation of the higher education system; challenges and prospects]. Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Standard of Living of the Population of Russian Regions], 2023, vol. 19, no. 3, pp. 338–349.
9. Drogobitskii I.N. Sistemnie problemi natsionalnoi visshei shkoly [Systemic problems of the national higher school]. Sistemniy analiz v proektirovanii i upravlenii : sb. nauch. tr. XXVII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 13–14 October 2023 g., St. Petersburg [Systems Analysis in Design and Management: Collection of Scientific Papers of the XXVII International Scientific-Practical Conference, October 13–14, 2023, St. Petersburg]. St. Petersburg : Politekh-press, 2024, part 2, pp. 217–223.
10. Druzhilovskaya T.Yu., Druzhilovskaya E.S. Sokhranitsya li kompetentnostnyi podkhod k obucheniyu v usloviyakh izmenenii v organizatsii visshego obrazovaniya v Rossii? [Will the competency-based approach to teaching survive under the changes in the organisation of higher education in Russia?]. Visshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia], 2025, vol. 34, no. 10, pp. 78–102.
11. Ketova L.P. Reforma visshego obrazovaniya v 2025 g.: uchut li mnenie prepodavatelei? [Higher education reform in 2025: will the opinion of teachers be taken into account?]. Agrarnoe i zemelnoe pravo [Agrarian and Land Law], 2024, no. 12 (240), pp. 43–46.
12. Shakhova D.I. Osnovnye problemi reformirovaniya rossiiskoi sistemi visshego obrazovaniya: normativnye akti i vzglyad professionalnoi sredi [Main problems of reforming the Russian higher education system: regulatory acts and the view of the professional community]. Russian Journal of Economics and Law, 2025, vol. 19, no. 2, pp. 239–256.
13. Zinevich O.V., Nikitenko Ye.V. Internatsionalizatsiya visshego obrazovaniya v Rossii: globalizatsiya ili suverenizatsiya? [Internationalisation of higher education in Russia: globalisation or sovereignisation?]. Visshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia], 2025, vol. 34, no. 11, pp. 125–144.
14. Bamberger A., Morris P. Critical perspectives on internationalization in higher education: commercialization, global citizenship, or postcolonial imperialism? Critical Studies in Education, 2023, no. 65 (2), pp. 128–146. DOI: 10.1080/17508487.2023.2233572

Информация об авторе

Марголин Андрей Маркович — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, проректор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: margolin-am@ranepa.ru

Information about the author

Andrey M. Margolin — Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honoured Economist of the Russian Federation, Vice-Rector, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: margolin-am@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 14.05.2026; одобрена после рецензирования 04.06.2026; принята к публикации 15.06.2026.

The article was submitted 14.05.2026; approved after reviewing 04.06.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Государство и гражданское общество, идеология и политика

Научная статья
УДК 316.4.05
EDN DSDVCZ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ

Надежда Дмитриевна Вавилина¹, Юлия Михайловна Шпигунова²

^{1,2} Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация

¹ vavilina-nd@ranepa.ru

² shpigunova-ym@ranepa.ru

Аннотация. С учетом современного внешнего контекста для Российской Федерации научное исследование способности противостояния граждан террористической угрозе имеет особую значимость и актуальность. Авторами на основе эмпирических данных, полученных по результатам мониторингового исследования в Красноярском крае, а также эмпирического исследования основных направлений и эффективных мер противодействия экстремизму и терроризму в молодежной информационной среде в Республике Хакасия, изучена готовность населения к личному участию в мероприятиях, направленных на противодействие терроризму. Региональными сообществами с 2023 г. осознается, что терроризм является реальностью внутреннего развития России, угрожающей целостности государства. В статье показано, что для включения социального субъекта в такого рода деятельность необходима определенная совокупность условий: активное информирование, участие институтов гражданского общества, продуктивная деятельность государственных институтов и т. д.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, противодействие, эффективность, государственная политика, региональный уровень

Благодарности: данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС, рег. № 10.19-2026-1 «Государственная политика противодействия экстремизму и терроризму: региональный уровень».

Для цитирования: Вавилина Н. Д., Шпигунова Ю. М. Государственная политика в сфере противодействия экстремизму и терроризму: региональный уровень // Развитие территорий. 2026. № 3. С. 21—39. EDN DSDVCZ.

State and civil society, ideology and politics

Original article

STATE POLICY ON COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM: REGIONAL LEVEL

Nadezhda D. Vavilina¹, Yulia M. Shpigunova²

^{1,2} Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

¹ vavilina-nd@ranepa.ru

² shpigunova-ym@ranepa.ru

Abstract. Given the current external context for the Russian Federation, scientific research into the ability of citizens to resist terrorist threats is of particular importance and relevance. Based on empirical data obtained from a monitoring study in the Krasnoyarsk Territory, as well as an empirical study of the main directions and effective measures for countering extremism and terrorism in the youth information environment in the Republic of Khakassia, the authors examined the readiness of the population to personally participate in counter-terrorism activities. Since 2023, regional communities have recognised that terrorism is a reality of Russia's internal development, threatening the integrity of the state. The article shows that the inclusion of social actors in such activities requires a certain set of

conditions: active information dissemination, participation of civil society institutions, productive work of state institutions, etc.

Keywords: terrorism, extremism, countering, effectiveness, state policy, regional level

Acknowledgments: This article was prepared within the framework of the state assignment of RANEPА (Registration No. 10.19-2026-1) "State Policy on Countering Extremism and Terrorism: Regional Level".

For citation: Vavilina N.D., Shpigunova Yu.M. State Policy on Countering Extremism and Terrorism: Regional Level. Territory Development. 2026;(3):21—39. (In Russ.). <https://elibrary.ru/dsdvcz>.

Постановка проблемы

Проблема терроризма в современной России напрямую связана с каждодневной безопасностью и государства, и граждан. Теперь терроризм — это не просто угроза, а фактически реальность общественной жизни, в которую включены все элементы государственной, социальной и экономической систем.

Согласно Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124, экстремизм является одной из наиболее сложных проблем российского общества. Это в первую очередь связано с многообразием его проявлений и неоднородным составом экстремистских организаций, деятельность которых угрожает национальной безопасности страны.

Российская Федерация, как отмечают специалисты, располагает развитой правовой базой в обеспечении противодействия таким процессам [1 ; 2]. Однако опыт изучения терроризма убеждает, что успех в борьбе с этим явлением определяется не столько мощью силовых структур государства, эффективным межведомственным взаимодействием субъектов, осуществляющих противодействие [3 ; 4], сколько созданием социально-экономических и политических условий, препятствующих распространению идеологии и практики терроризма [5, с. 42 ; 6, с. 349].

По мнению некоторых авторов, право само по себе не может раскрывать сущность терроризма и экстремизма [7, с. 72], оно лишь регламентирует явление, не обнажая его сущность [8, с. 375]. В связи с чем научное исследование способности противостояния граждан террористической угрозе особенно актуально с учетом современного внешнего контекста для российского государства [9, с. 105]. При этом теоретически форма противостояния предполагает целенаправленность и планирование соответствующих действий и серьезное материальное

обеспечение. Однако достаточно часто противодействие бывает ситуативным и состоит в выполнении несложных действий. В качестве доступных рассматриваются способы, не требующие специальной подготовки, позволяющие использовать созданную в России общедоступную информационную базу профилактики террористической деятельности. Такой методологический подход позволяет оценить готовность граждан к противодействию терроризму, их подготовленность и способность противостоять террористической угрозе максимально доступными в обычных условиях и законными способами [5, с. 43].

Терроризм не относится к повсеместным явлениям. Так, по мнению Е. В. Лукасевича, использование этой тактики предполагает определенный набор социокультурных и политических характеристик общества. Если данные характеристики отсутствуют, тактика терроризма не может быть реализована [10]. Этим определяется актуальность мониторинговых исследований на уровне отдельных субъектов Российской Федерации, поскольку диагностика наличия тех или иных условий «произрастания» терроризма или их отсутствия позволяет государственным институтам обеспечить необходимую эффективность действий.

Материалы и методы исследования

Исследование государственной политики в сфере противодействия терроризму представлено по результатам мониторинга ситуации в Красноярском крае за 2016—2024 гг. [11] Данный регион является вторым по площади субъектом Российской Федерации, третьей по величине административно-территориальной единицей в мире и относится к одному из наиболее индустриально развитых регионов России. В связи с чем отношение к проблеме терроризма в Красноярском крае представляет интерес в контексте эффективности государственной политики в этой сфере.

Исследования осуществлялись на основе стратифицированной, многоступенчатой, случайной на этапе отбора респондентов выборки [12]. В качестве основного метода изучения проводилось массовое полужформализованное интервью на основе репрезентативной выборки с использованием планшетных компьютеров. При расчете квот использовались данные Управления Федеральной службы государственной статистики о численности и структуре населения по полу, возрасту и городу проживания [13].

Численность выборочной совокупности респондентов была задана заказчиком (Министерство национальной и территориальной политики Республики Хакасия) и насчитывает 1 200 единиц, что составляет 0,1 % от численности генеральной совокупности — населения 9 городов Красноярского края [14]). Средняя ошибка выборки была в пределах 2,0 %.

Вычисление средней ошибки выборки при собственно-случайном, беспроводном методе отбора респондентов осуществлялось по формуле

$$\mu = \sqrt{\frac{\sigma^2}{n} \left(1 - \frac{n}{N}\right)},$$

где μ — средняя ошибка выборки;

σ^2 — дисперсия, измеряющая разброс признака в генеральной совокупности (при предположении, что доля равна примерно 50 %, или 0,5);

n — объем выборочной совокупности;

N — объем генеральной совокупности [12].

Расчет:

$$\begin{aligned} \mu &= \sqrt{\frac{0,5^2}{1200} \left(1 - \frac{1200}{1745\,677}\right)} = \\ &= \sqrt{0,00021(1 - 0,00069)} = \\ &= \sqrt{0,00020986} = 0,0145. \end{aligned}$$

Отдельные авторские идеи также были проверены в исследовании, проведенном в 2024 г. в Республике Хакасия [4 ; 15]. Объектом исследования являлась молодежь Республики Хакасия в возрасте от 14 до 35 лет, предметом — общественное мнение молодежи Республики Хакасия в возрасте от 14 до 35 лет по поводу оценки состояния, основных направлений и эффективных мер противодействия экстремизму и терроризму в молодежной информационной среде.

Формирование выборочной совокупности имело целенаправленный характер. В условиях, установленных Заказчиком, была зафиксирована обязательность проживания на территории республики, а также соблюдение (по возможности) соотношения городского и сельского населения и принадлежность к группе «молодежь» (в российском законодательстве к молодежи относятся граждане от 14 до 35 лет) без деления на подгруппы, но с выделением в качестве базовых групп — от 14 до 17 лет и от 18 до 19 лет.

Базовым методом сбора эмпирической информации в указанном исследовании был массовый онлайн-опрос, который проходил на основе полужформализованной анкеты, что позволило получить индивидуализированные оценки ряда процессов. В открытых вопросах участники представляли свое понимание терроризма: говорили об источниках, где получали информацию; объясняли откровенно проблемы буллинга в образовательных организациях и другие «закрытые» темы. Фильтрами выступали вопросы социально-демографического блока о возрасте и месте проживания. Если респондент не соответствовал данным признакам, то его участие в опросе прекращалось.

Наличие открытых и полукоткрытых вопросов позволило участникам заявлять собственные позиции и оценки: в частности, о восприятии рисков, угроз и возможностей современной реальности по вопросам экстремизма и терроризма, а также о своем опыте участия в мероприятиях антитеррористической направленности либо о наличии фактов, препятствующих этому участию. В опросе приняли участие 900 человек, что составило 0,67 % от всей совокупности молодых людей в указанном возрастном интервале (на 1 января 2024 г. численность молодежи Республики Хакасия в возрасте от 14 до 35 лет составила 133 620 человек).

Обсуждение результатов

Понятия экстремизма и терроризма являются неоднозначными, особенно на уровне восприятия населением.

В российском законодательстве зафиксирована значительная совокупность норм, позволяющих увидеть всю многогранность этих явлений. В принятой 28 декабря 2024 г. Стратегии противодействия

экстремизму в Российской Федерации, действие которой предполагается до 2030 г., определено, что проявления экстремизма — это общественно опасные противоправные действия, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, языковой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы или представителей органов публичной власти, способствующие возникновению или обострению межнациональных (межэтнических), межрелигиозных и региональных конфликтов, а также угрожающие конституционному строю Российской Федерации, нарушению суверенитета, единства и территориальной целостности Российской Федерации или направленные на умышленное искажение истории, реабилитацию нацизма.

Таким образом, это действия, которые могут совершаться в рамках определенных сфер общественной жизни в ходе взаимодействия социальных субъектов и приводить к непродуктивным для общества результатам, а именно: конфликтам, нарушению суверенитета и территориальной целостности государства, угрозам существования конституционного строя. В условиях проведения СВО, проявлениями экстремизма являются русофобия, реабилитация любых видов нацизма и умышленное искажение истории.

Учитывая эти подходы, в ходе операционализации понятий для целей социологического исследования были включены три типа действий: действия, направленные на разрушение общества и государства; действия, ориентированные на организацию конфликтов; действия, организуемые для борьбы с властью.

Эмпирические признаки экстремизма и терроризма можно разделить на три типа. Для первого типа действий (экстремизма и терроризма) были взяты бандитизм, разбой (создание групп с целью нападения для вымогательства и давления на граждан); преступные акты насилия (принуждение, запугивание, физическое насилие); демонстрация превосходства над мирным населением (нападение на территории, где нет объектов военного назначения). Для второго типа характерно создание групп по национальному признаку для борьбы с представителями других национальностей,

а также стремление (способ) вызвать межнациональные конфликты и конфликты с мигрантами. Для третьего типа характерны следующие признаки: поиск способа заставить государство пойти на уступки в интересах определенных групп; демонстрация превосходства внешних сил («цветные революции», смена законной власти); форма политической борьбы оппозиции тех, кто не согласен с властью (привлечение к участию в несогласованных публичных мероприятиях, массовые беспорядки).

Представляется важным увидеть динамику общественного мнения по каждому типу действий и их соотношение. Это позволит спрогнозировать характер возможного противодействия, определить формы и методы работы с массовым сознанием.

Наибольший интерес в этом контексте представляют результаты исследования, проведенного в Красноярском крае. Оно имело мониторинговый характер, когда эмпирический этап осуществлялся не только длительный период времени, но и был сделан на основе одного типа выборочной совокупности, с использованием одного метода опроса — планшетного расширенного интервью, что не исключало наличие базовых элементов опросника, повторяющихся ежегодно.

В рамках настоящего исследования прежде всего фиксировалось само понимание терроризма. Респондентам был задан вопрос о том, как они понимают терроризм на территории современной России. В силу разнообразия способов его восприятия, опрошенным было предложено выбрать несколько вариантов определения этого понятия. При этом, учитывая новые условия развития России (проведение СВО), в 2023 г. возникла необходимость изменить «набор» таких вариантов, что позволило увидеть наличие некоторых новых явлений в общественном мнении населения Красноярского края. В качестве новых вариантов определения терроризма были введены следующие его разновидности:

— демонстрация превосходства внешних сил («цветные революции», смена законной власти);

— способ вызвать недовольство властью;

— способ вызвать межнациональные конфликты;

— способ вызвать конфликты с мигрантами.

Необходимо учесть, что наличие новых формулировок не дает возможности полностью сравнить позиции с предыдущими годами, но позволяет видеть динамику, если анализировать ситуацию в рамках заданных типов. Большинство опрошенных в 2023 г., как и в 2022 г., посчитали, что терроризм на территории современной России является способом запугать общество. С этим определением в 2023 г. согласны 51,1 % респондентов, а 50,5 % уверены в том, что терро-

ризм — это преступные акты насилия. На третьем месте находится следующее определение терроризма — это бандитизм, разбой (44,9 %) (рис. 1). С утверждением того, что это способ вызвать межнациональные конфликты (вариант, введенный в 2023 г.), согласились 30,7 % участников, т. е. фактически каждый третий. Другое новое определение — «вызывать недовольство властью» — было поддержано почти каждым четвертым жителем региона (23,1 %).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Что такое терроризм на территории современной России?» (от всей совокупности опрошенных, %). Данный вопрос позволил любое количество ответов — в совокупности здесь будет больше 100 %. Красноярский край, 2023 г.

Distribution of answers to the question: "What is terrorism in today's Russia?" (as a percentage of the total number of respondents). This question allowed multiple answers, so the total exceeds 100 %.
Krasnoyarsk Territory, 2023

Крайне интересной представляется позиция, в рамках которой терроризм понимается как «форма политической борьбы оппозиции, тех, кто не согласен с властью». К такому варианту в 2023 г. присоединились 17,3 % участников; в 2022 г. — 25,5 %; в 2021 г. — 24,4 %, в 2020 г. — 26,6 %. Снижение удельного веса сторонников такой позиции свидетельствует о том, что жители края сегодня видят главную опасность в другом. Однако, если объединить позиции тех, кто понимает терроризм как способ вызвать недовольство властью, и тех, кто видит, что это способ вызвать межнациональные конфликты, то в условиях многонационального государства такие действия могут грозить самоуничтожением

государства. Таким образом, внутренние процессы, формируемые действиями террористического характера, должны сегодня стать главным полем внимания и действия региональных и муниципальных властей.

Если задать образ, то в 2022 г. терроризм — это реальный факт жизни России, но он был вне государства. В 2023 г. терроризм оценивался также как реальное явление, но теперь оно стало частью внутреннего развития, угрожающей целостности общества. И это является новым элементом массового сознания жителей данного субъекта Российской Федерации.

В вариантах ответа на вопрос об источниках террористических угроз для

России в 2023 г. также были отмечены новые подходы. В частности, были введены три варианта ответов с учетом внешней для России угрозы: «спецслужбы арабских стран», «спецслужбы Израиля» и «спецслужбы Украины».

Как и предполагалось в гипотезах, главным источником терроризма сегодня

51,2 % опрошенных жителей края считают спецслужбы Украины (табл. 1). Вторую позицию занял ответ «террористическая угроза исходит от США, американских спецслужб» (50,6 %), а третью позицию занял «коллективный Запад», поставляющий оружие на Украину (41,8 %) (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, откуда сегодня исходит террористическая угроза для России?» (от всей совокупности опрошенных, %).

Красноярский край, 2023 г.

Distribution of answers to the question "Where do you think the terrorist threat to Russia comes from today?" (as a percentage of all respondents). Krasnoyarsk Territory, 2023

Вариант ответа	Численность опрошенных, %
Спецслужбы Украины	51,2
Террористическая угроза исходит от США, американских спецслужб	50,6
«Коллективный Запад», поставляющий оружие на Украину	41,8
Националистические группировки	29,5
Радикальные исламские группировки, находящиеся за пределами России	19,3
Преступные, мафиозные группировки	14,7
Затрудняюсь ответить	8,1
Спецслужбы Израиля	5,5
Спецслужбы арабских стран	5,0
Никакой угрозы нет	1,3

В целом можно сделать вывод о том, что жители региона, говоря о терроризме, видят наличие прежде всего серьезных внешних угроз, что вполне обоснованно в условиях проведения СВО на Украине. С утверждением, что «никакой угрозы нет» в 2023 г., согласились только 1,3 % опрошенных. При этом 29,5 % участников видят такую угрозу со стороны националистических групп, а 19,3 % — со стороны радикальных исламских группировок, находящиеся за пределами России.

Очевидно, что сформировались два «образа врага» — внешний и внутренний. Если внешний фактически классический — это Запад и его «исполнители» (в частности, спецслужбы Украины), то внутренний враг для трети населения имеет четко фиксируемый образ: националистические группировки и преступные мафиозные группы. На первом элементе настаивают 29,5 % участников, на втором — 14,7 %. Необходимо признать, что это значимые цифры, они свидетельствуют о реальности этих явлений.

Следует учесть, что возможным организатором терактов в регионе жители городов края видели в первую очередь

спецслужбы Украины (56,8 %), но каждый третий респондент (33,3 %) счел, что субъектом таких действий могут быть «обычные люди, доведенные до отчаяния», столько же участников указывали на американские спецслужбы и группы с антироссийскими настроениями из Европы (рис. 2).

Крайне интересным представляется анализ утверждения о том, что организаторами терактов могут быть обычные люди, доведенные до отчаяния. Здесь можно увидеть определенную тенденцию. Результаты мониторинга показывают, что такие оценки фактически наблюдаются длительное время: в 2019 г. заявляли об этом 28,7 % опрошенных, в 2020 г. — 33,5 %; в 2021 г. — 32,4 %; в 2022 г. — 31,6 %; в 2023 г. — 33,3 %. И они свидетельствуют об устойчивости позиций почти трети жителей.

Особое значение имеет выявление настроений при определении целей, которые преследуют террористы, действующие в России. Самыми распространенными являются следующие их цели: «изменить государственный строй» (42,0 %), «свергнуть существующее руководство»

(46,1 %) и «вызвать критику властей за их неспособность обеспечить безопасность людей» (28,8 %). К иным возможным респонденты отнесли цель — «осуществить акты возмездия» (32,0 %). Можно

предположить, что в 2023 г. респонденты, говоря об изменении государственного строя и свержении существующего руководства, имели в виду действия американских и украинских спецслужб.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Кто, на ваш взгляд, может быть организатором терактов на территории Красноярского края?» (от всей совокупности опрошенных, %). Красноярский край, 2023 г.
Distribution of answers to the question "Who, in your opinion, could be the organisers of terrorist attacks in the Krasnoyarsk Territory?" (as a percentage of all respondents). Krasnoyarsk Territory, 2023

Представленные результаты коррелируют с данными позициями. В этом контексте представляется важным перейти к оценке эффективности государственной политики в сфере противодействия терроризму.

В соответствии с п. 42 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации эффективность реализации стратегии обеспечивается согласованной позицией субъектов противодействия экстремизму при осуществлении политических, правовых, организационных, информационных и иных мер.

При этом ожидаемые результаты заключаются в следующем:

- повышении уровня взаимодействия субъектов противодействия экстремизму;
- активном участии институтов гражданского общества (включая социально ориентированные и иные некоммерческие организации) в профилактике и предупреждении экстремистских проявлений;
- формировании в обществе, особенно среди молодежи, нетерпимости к экстремистской деятельности, неприятию экстремистской идеологии;

— повышении уровня защищенности граждан и общества от экстремистских проявлений;

— повышении оценки населением состояния межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений в Российской Федерации (п. 62 Стратегии).

В 2023 г. при оценке эффективности правоохранительных, административно-правовых и других мер по противодействию терроризму в Красноярском крае 20,8 % респондентов затруднились с ответом, 32,5 % — оценили эффективность деятельности органов власти как среднюю, 18,9 % — выше среднего, 17,9 % — как высокую, 4,6 % — ниже среднего, 5,3 % — как крайне низкую.

В совокупности 69,3 % участников заявили в этом случае о той или иной степени эффективности административно-правовых, правоохранительных и иных мер по противодействию терроризму в Красноярском крае в 2023 г. О неэффективности этих мер утверждали лишь 9,9 % респондентов (рис. 3). И это соотношение заметно было более продуктивным, чем в 2022 г. Тогда о разной сте-

пени эффективности говорили 67,1 % респондентов, о неэффективности — 13,2 %. Конечно, изменения в ту или иную сторону на 2—4 % могут быть статистическим смещением. Однако если такая динамика наблюдается в течение нескольких лет, то в этом случае можно говорить об устойчивости процесса.

Сравнение данных 2023 г. в динамике в целом по краю с показателями 2017—2022 гг. позволяет зафиксировать ряд тенденций (см. рис. 3).

В соответствии с первой тенденцией с 2017 по 2023 г. в Красноярском крае хотя и медленно, но растет удельный вес тех жителей, которые уверены в высокой эффективности правоохранительных, административно-правовых и иных мер по противодействию терроризму: с 3,8 % в 2017 г. до 17,9 % в 2023 г.

Вторая тенденция показывает, что все эти годы доминирует оценка «средняя эффективность». На ней настаивают, как правило, $\frac{1}{3}$ часть всех опрошенных.

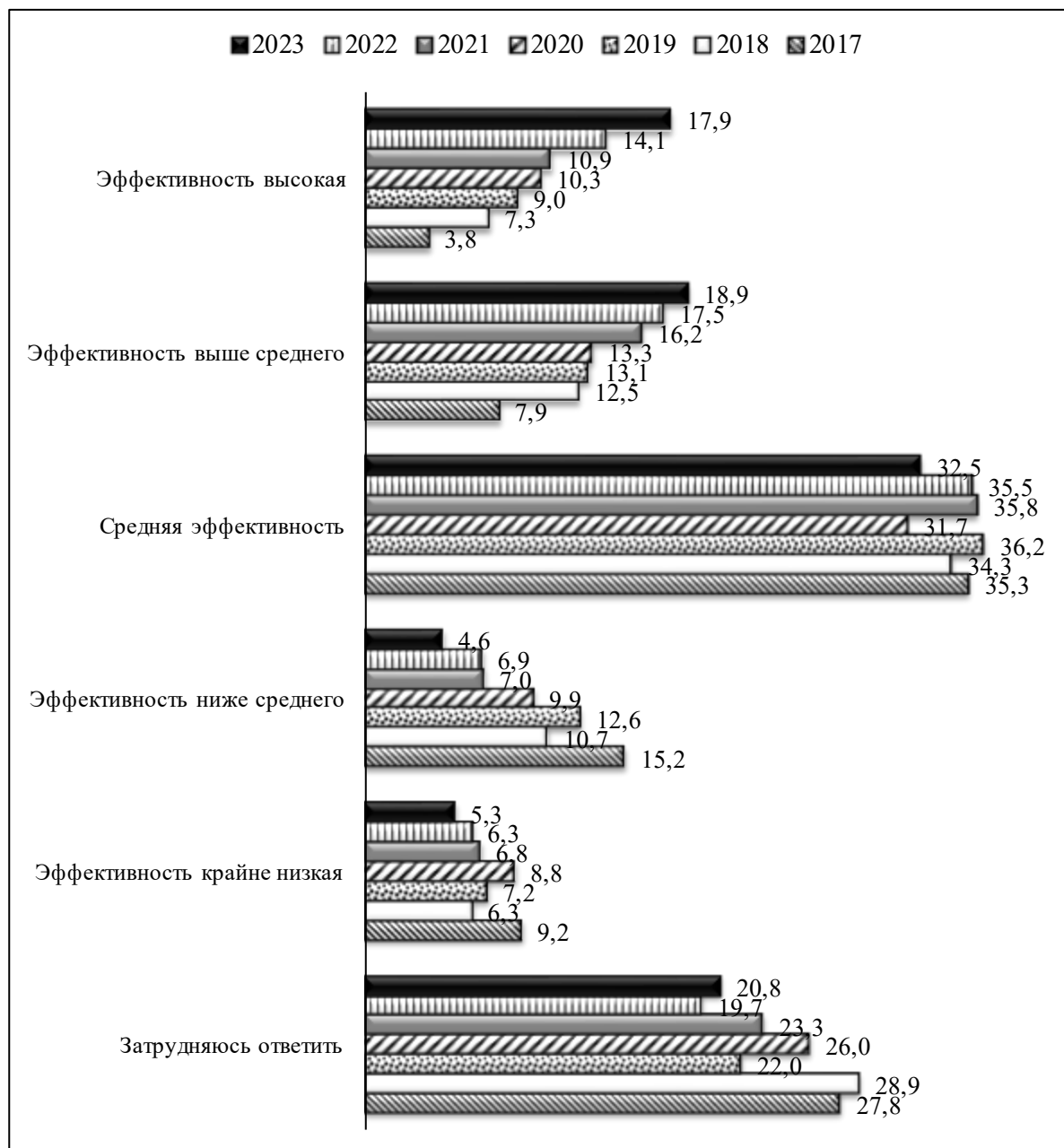

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Оцените эффективность правоохранительных, административно-правовых и других мер по противодействию терроризму в Красноярском крае» (от всей совокупности опрошенных, %). Красноярский край, 2017—2023 гг.
Distribution of answers to the question "Rate the effectiveness of law enforcement, administrative, legal and other counter terrorism measures in the Krasnoyarsk Territory" (as a percentage of all respondents). Krasnoyarsk Territory, 2017—2023

Третья тенденция показывает, что сужается, хотя весьма незначительно, число тех респондентов, которые затрудняются оценить эффективность таких мер. Как правило, это связано либо с отсутствием достоверной информации («честные респонденты»), либо с определенной осторожностью в оценках, связанных с деятельностью государственных институтов («боязливые респонденты»). Но в целом, учитывая обстоятельства 2023 г., следует считать оценки эффективности правоохранительных, административно-правовых и других мер позитивными.

По данным мониторинговых исследований, большинство жителей Краснояр-

ского края (в 2023 г. примерно 70 %, в 2022 г. — 70 %) считают деятельность органов власти края по привлечению к ответственности субъектов террористической деятельности в той или иной степени эффективной (рис. 4). Неэффективной ее считают до 15 % опрошенных в разные годы (сумма оценок «эффективность ниже среднего» и «эффективность крайне низкая»).

В целом результаты деятельности органов власти по привлечению к ответственности субъектов террористической деятельности в Красноярском крае можно определить как устойчивые, а их деятельность можно считать эффективной.

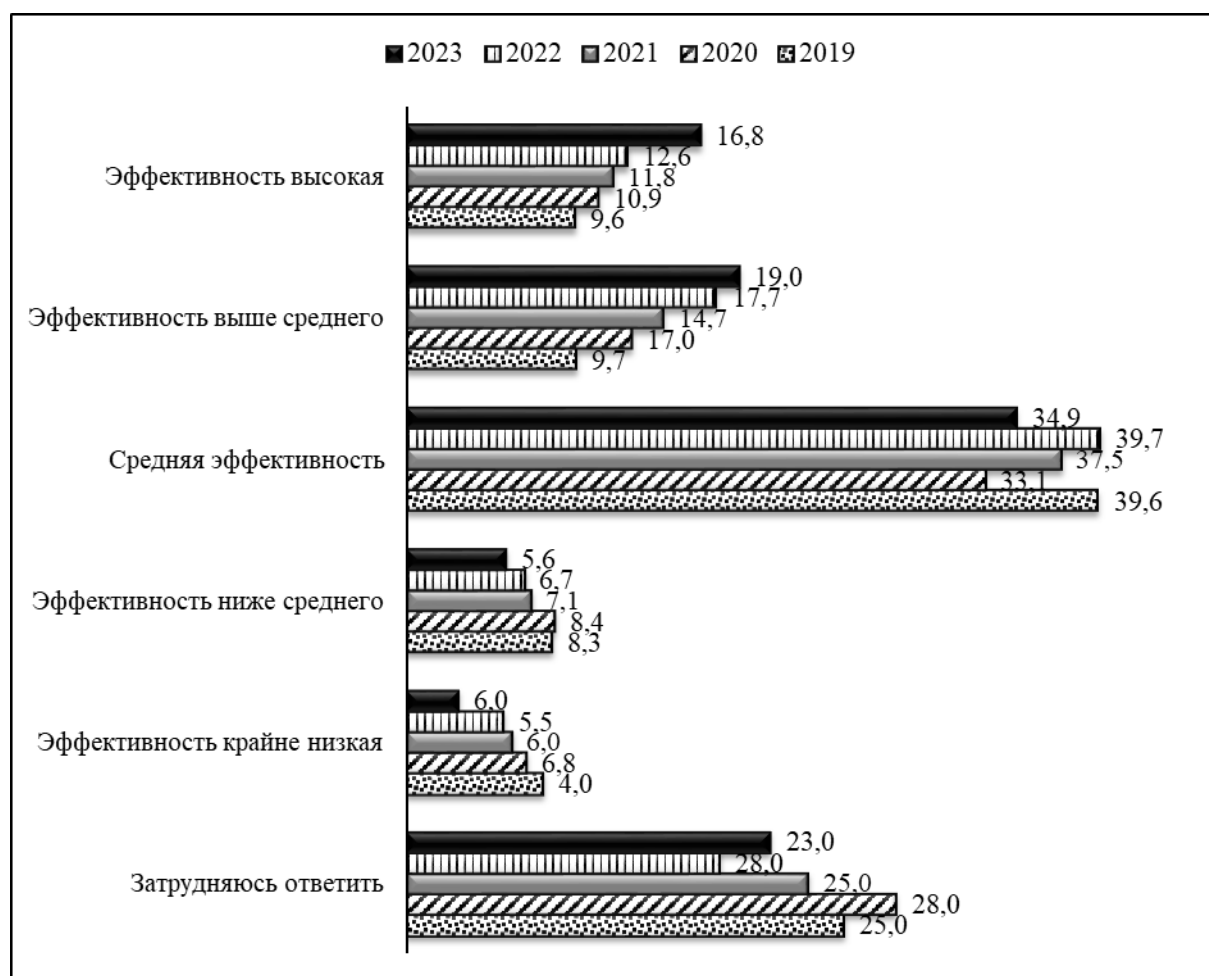

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Оцените эффективность мероприятий по привлечению к ответственности субъектов террористической деятельности в соответствии с законодательством Российской Федерации в Красноярском крае?» (от каждой совокупности опрошенных, %).

Красноярский край, 2019—2023 гг.

Distribution of answers to the question "Rate the effectiveness of measures to bring perpetrators of terrorist activities to justice in accordance with the legislation of the Russian Federation in the Krasnoyarsk Territory?" (as a percentage of each sample group). Krasnoyarsk Territory, 2019—2023

Рассмотрим, как жители края оценивают конкретные мероприятия, направленные на предотвращение терроризма

и экстремизма в Красноярском крае (табл. 2).

Распределение ответов на вопрос «Как вы оцениваете меры, предпринимаемые руководством Красноярского края по противодействию терроризму и экстремизму?» (от всей совокупности опрошенных, %). Красноярский край, 2023 г.

Distribution of answers to the question "How do you assess the measures taken by the leadership of the Krasnoyarsk Territory to counter terrorism and extremism?" (as a percentage of all respondents). Krasnoyarsk Territory, 2023

Вариант ответа	Положительно	Скорее положительно	Скорее отрицательно	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
Охрана общественного порядка	57,9	24,8	5,1	5,0	7,3
Контроль деятельности опасных производств и организаций	62,3	19,9	3,2	2,0	12,7
Медико-санитарный контроль (введение карантина, проведение санитарно-противоэпидемических мероприятий и др.)	60,6	23,1	4,2	3,8	8,3
Ограничение или запрещение продажи оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и т. д.	70,9	15,8	2,7	3,3	7,3

В 2023 г. из правоохранительных, административно-правовых мер по противодействию терроризму респонденты высоко оценили: ограничение или запрещение продажи оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ (86,7 %), медико-санитарный контроль (83,7 %) и охрану общественного порядка (82,7 %). Практически такая же оценка была присвоена респондентами такой мере, как контроль деятельности опасных производств и организаций (82,2 %) (см. табл. 2). По сравнению с 2022 г. рейтинг мер остался неизменным. Однако все они получили высокие положительные оценки.

Эффективность всей совокупности действий субъектов противодействия экстремизму во многом обеспечивается продуктивностью работы с массовым сознанием. В информационном пространстве Красноярского края остаются сообщения с элементами насилия, жестокости и т. д., что по мнению значительного большинства опрошенных, подпитывает экстремистские настроения. Все это формирует общественный запрос на создание единого антитеррористического информационного пространства.

Для оценки деятельности руководства Красноярского края были заданы следующие направления в информационном и антитеррористическом пространстве:

— выявление, предупреждение и пресечение фактов использования информационных ресурсов для распространения террористических идей;

— противодействие кибератакам террористов на критически важную информационную инфраструктуру;

— информационное сопровождение деятельности органов по противодействию терроризму;

— информирование населения о результатах установления лиц, виновных и причастных к совершению террористических актов;

— информирование населения о мерах безопасности в ситуации с террористическими актами.

Респонденты оценили наиболее высоко следующие направления:

— информирование населения о мерах безопасности в ситуации с террористическими актами (83,0 %) (сумма оценок «положительно» и «скорее положительно»);

— информирование населения о результатах установления лиц, виновных и причастных к совершению террористических актов (81,7 %);

— информационное сопровождение деятельности органов по противодействию терроризму (79,5 %) (табл. 3).

В 2023 г. принципиальных расхождений по всем направлениям не выявлено: оценки колебались в пределах от 77,0 до 83,0 % (см. табл. 3). Эти оценки были несколько выше, чем в 2022 г. Но это повышение незначительное и находится в пределах статистических смещений.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как бы вы оценили усилия органов власти Красноярского края по формированию единого антитеррористического информационного пространства в Красноярском крае?» (от всей совокупности опрошенных, %). Красноярский край, 2023 г.

Distribution of answers to the question “How would you assess the efforts of the authorities of the Krasnoyarsk Territory to create a unified anti terrorism information space in the Krasnoyarsk Territory?” (as a percentage of all respondents). Krasnoyarsk Territory, 2023

Вариант ответа	Положительно	Скорее положительно	Скорее отрицательно	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
Выявление, предупреждение и пресечение фактов использования информационных ресурсов для распространения террористических идей	62,1	14,9	4,3	3,8	14,9
Противодействие кибератакам террористов на критически важную информационную инфраструктуру	61,5	16,6	3,9	3,7	14,3
Информационное сопровождение деятельности органов по противодействию терроризму	63,8	15,7	2,8	2,9	14,8
Информирование населения о результатах установления лиц, виновных и причастных к совершению террористических актов	65,7	16,0	3,3	3,2	11,9
Информирование населения о мерах безопасности в ситуации террористических актов	68,8	14,2	2,9	3,3	10,8

Рассмотрим, как граждане оценивают эффективность различных мероприятий по предотвращению террористической деятельности в крае. Четверть опрошенных затруднилась с ответом об эффективности мероприятий по выявлению и устранению причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма. Более трети опрошенных (35,2 %) указали, что эффективность органов власти Красноярского края по выявлению и устранению причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма, является средней; 13,6 % респондентов отметили низкую эффективность мероприятий («эффективность ниже среднего» и «эффективность крайне низкая»), а 29,5 % опрошенных отметили, что эффективность в разной степени высокая. В целом можно утверждать, что эффективной эту деятельность (в той или иной степени) сочли больше половины участников опроса (64,7 %), а неэффективной — только 13,6 %; затруднившиеся ответить составили 21,8 % (рис. 5).

Оценка эффективности мероприятий по выявлению и устранению причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма, в 2023 г. практически не изменилась относительно данных 2022 г. (см. рис. 5). Тогда эффективной эту деятельность сочли 60,9 % респондентов, а неэффективной — 17,7 %. В то же время справедливо будет заметить, что некоторый рост эффективности имел место: с 60,9 % в 2022 г. до 64,7 % — в 2023 г. При этом он сопровождался снижением удельного веса оценок, свидетельствующих о неэффективности указанной деятельности: с 17,7 % в 2022 г. до 13,6 % в 2023 г. Справедливость этого вывода подтверждается анализом динамики за несколько лет. Например, «прибавляя шагами в 2—4 %, но ежегодно, оценка «эффективность высокая» выросла с 4,2 % в 2017 г. до 14,6 % в 2023 г., т. е. почти в 3,5 раза.

Аналогичным образом фиксируются изменения оценки «эффективность выше среднего» (см. рис. 5).

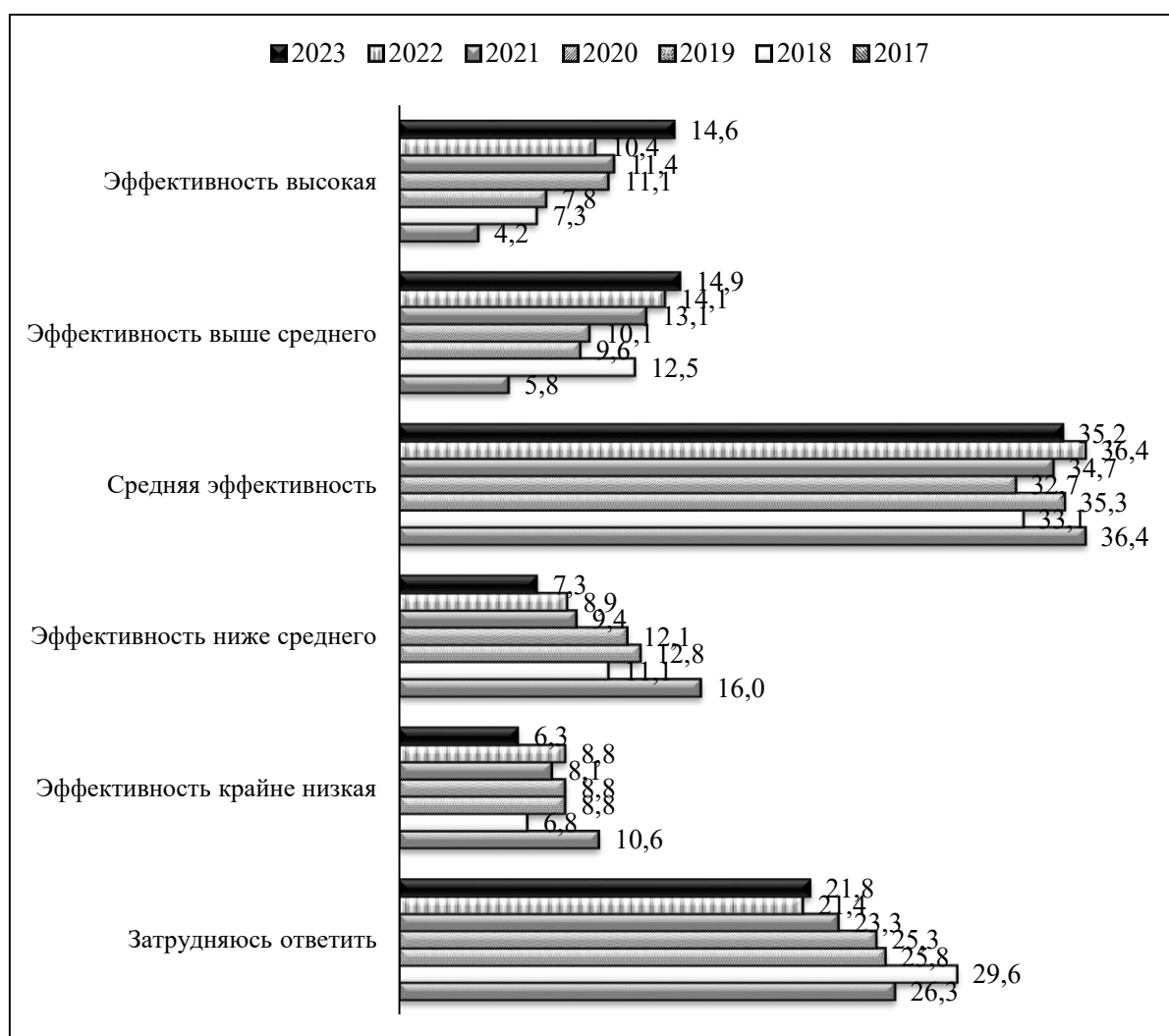

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Оцените эффективность мероприятий по выявлению и устранению причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма» (от каждой совокупности опрошенных, %). Красноярский край, 2017—2023 гг.

Distribution of answers to the question "Rate the effectiveness of measures to identify and eliminate the causes and conditions that contribute to the emergence and spread of terrorism" (as a percentage of each sample group). Krasnoyarsk Territory, 2017—2023

В рамках мониторингового исследования также изучалась готовность жителей края к личному участию в мероприятиях, направленных на противодействие терроризму. Для включения социального субъекта в такого рода деятельность необходима определенная совокупность условий: во-первых, должны быть мотивы, причины; во-вторых, собственно готовность/способность; в-третьих, условия/ресурсы.

Представляется, что одним из мотивов включения в деятельность такого рода может быть понимание опасности экстремизма не только для общества и государства, но и для себя лично.

В 2023 г. готовность к такому участию выразили 41,2 % опрошенных жителей, но каждый третий (33,2 %) отказался от

участия в таких мероприятиях; 25,7 % затруднились ответить на этот вопрос. По сравнению с 2022 г. число жителей, готовых принимать участие в таких мероприятиях, существенно снизилось: с 51,6 % в 2022 г. до 41,2 % в 2023 г., т. е. более чем на 10 %. На 6,4 % выросло число тех, кто не готов к таким действиям: на 4,1 % выросло число затруднившихся в ответе по этому поводу (рис. 6).

Интересным в этом контексте являются данные исследования «Международное взаимодействие и профилактика идеологии экстремизма и терроризма в информационной среде в Республике Хакасия», объектом которого являлась молодежь в возрасте от 14 до 35 лет.

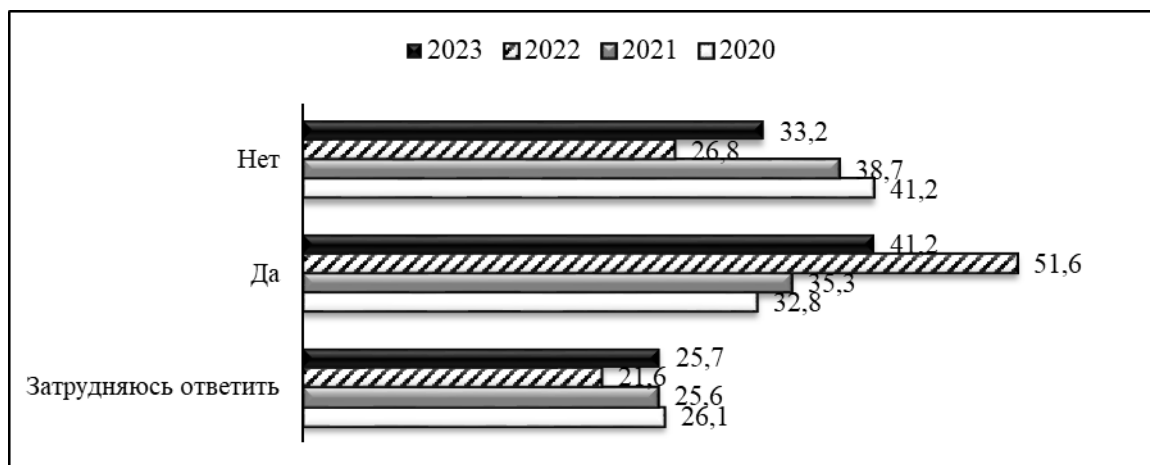

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Готовы ли вы лично принимать участие в мероприятиях, направленных на противодействие терроризму?» (от всей совокупности опрошенных, %). Красноярский край, 2020—2023 гг.
Distribution of answers to the question “Are you personally willing to take part in counterterrorism activities?” (as a percentage of all respondents). Krasnoyarsk Territory, 2020—2023

Анализ готовности личного включения в противодействие экстремизму показал, что в 2024 г. на это было ориентирован

примерно каждый третий молодой житель Республики Хакасия среди всей совокупности опрошенных (рис. 7).

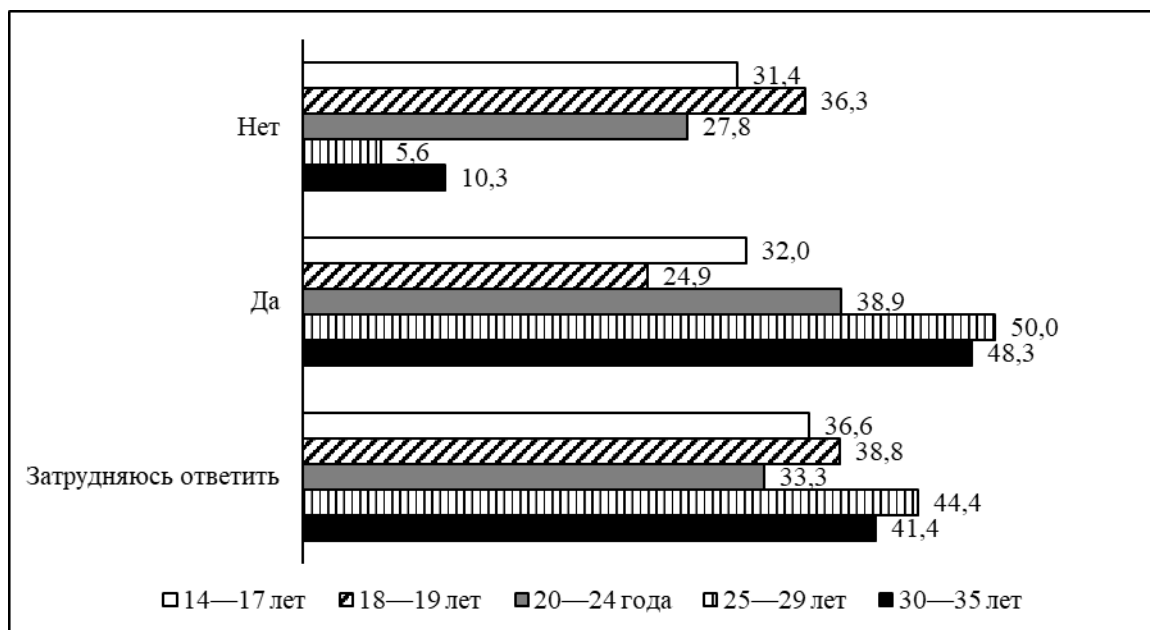

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Готовы ли вы лично принимать участие в мероприятиях, направленных на противодействие экстремизму и терроризму?» (от каждой совокупности опрошенных, %). Республика Хакасия, 2024 г.
Distribution of answers to the question “Are you personally willing to participate in activities aimed at countering extremism and terrorism?” (as a percentage of each sample group). Republic of Khakassia, 2024

Наиболее высокий процент респондентов, ответивших, что готовы лично принимать участие в мероприятиях, направленных на противодействие экстремизму и терроризму, приходится на возрастную группу 25—29 лет (50,0 %). В возрастной группе 30—35 лет почти каждый второй респондент готов принимать участие в этих мероприятиях (48,3 %) (см. рис. 7).

Среди тех респондентов, кто не готов лично принимать участие в таких мероприятиях, более других представлены младшие возрастные группы — 18—19 лет (36,3 %) и 14—17 лет (31,4 %). Представляется, что именно с этими группами необходимо работать для расширения антитеррористического пространства в молодежной среде.

Существуют ли необходимые условия и ресурсы для вовлечения молодежи Республики Хакасия в мероприятия такой направленности? Базовым ресурсом в этом случае могут выступать организации среднего профессионального образования и вузы [16 ; 17], о чем свидетельствуют и практики.

Анализ практик профилактики и противодействия экстремизму и терроризму в информационной среде Республики

Хакасия показал наличие традиционных форм такой деятельности. И именно они были внесены в опрос. Результаты исследования показали, что наиболее эффективными в молодежной информационной среде в организациях среднего профессионального и высшего образования будут мероприятия с применением современных информационных технологий (рис. 8).

Рис. 8. Ранговое распределение ответов на вопрос «Какие мероприятия по профилактике экстремизма, по вашему мнению, будут эффективны в молодежной информационной среде?» (от всей совокупности опрошенных, %). Республика Хакасия, 2024 г.

Rank distribution of answers to the question "Which extremism prevention measures, in your opinion, would be effective in the youth information environment?" (as a percentage of all respondents). Republic of Khakassia, 2024

Наименее всего были поддержаны меры по ограничению использования Интернета и интернет-ресурсов со стороны государства.

Таким образом, в Республике Хакасия есть определенные ресурсы для вовлечения молодых людей в мероприятия антитеррористической направленности: доступная инфраструктура и апробированные практики. Но какие условия необ-

ходимы, чтобы молодежь стала реальным субъектом таких действий? В этом случае значимыми становятся личные позиции молодых людей, которые они заявляли в открытых вопросах. Анализируя всю совокупность ответов, можно говорить о необходимости или значимости двух типов условий, обеспечивающих готовность к включению в антитеррористическую деятельность.

Используя известную типологию П. Штомпки [18], можно выделить «экзогенные» условия, т. е. те, которые зависят от внешних по отношению к субъекту причин в своем развитии, и «эндогенные», которые приводятся в движение самим субъектом. Как известно, внешние условия и причины их формирования всегда легче определяются и называются они людьми. В частности, представим позицию некоторых респондентов на необходимость:

«обеспечить правильное информирование и анти-пропаганду в молодежных социальных сетях»;

«ограничить доступ к группам в соцсетях — мессенджерах подобного рода»;

«улучшение спецслужб и принятие смертной казни»;

«наказывать за такое упоминание экстремизма и терроризма»;

«прекратить бессмысленное СВО, выдумывать законы, которые превращают Россию не понятно во что»;

«работа с молодежью — организация досуга, культурных мероприятий и условий для нормальной жизни»;

«недопущение появлений девиантных (или неформальных) групп»¹.

Необходимо признать, что заявляемые условия носят достаточно традиционный характер, часто запретительного вида. Другие позиции в рамках «экзогенного» типа имеют даже критическую декларативность:

— «Воспитывать доброту в людях и уважительное отношение друг к другу с малого возраста, а не делать лекции и речи для взрослых на эту тему. Это не помогает, а только освещает тему и вызывает наибольший интерес к ней у граждан, которые имеют хотя бы малейшие признаки деструкции личности. Нужно воспитывать человека в человеке. И когда-нибудь будут плоды. А «переделывать» лекциями и семинарами — это очередная галочка и показуха»;

— «На уроках, парах и лекциях этого хватает, и я так скажу, большинство людей, которые там сидят, уходят не досидев до половины, потому что считают себя нормальными. Ограничения Интернета? В любом случае найдутся обходы»;

— «Никакие мероприятия не помогут с этой проблемой, даже правильное воспитание с детства ничем не помогут. Каждое следующее поколение будет хуже и хуже, так как они берут пример со старшей молодежи»¹.

Однако важнее всего понять внутренние условия, часто барьеры, не позволяющие быть молодому человеку субъектом в принятии модели антитеррористического поведения. И здесь, пожалуй, самым важным было следующее: «Чтобы родители давали любовь своим детям, а власти не вмешивались в личные дела людей и в умы детей». В таком заявлении очевидно присутствует запрос молодых людей на субъектность. Фактически здесь зафиксирована традиционная проблема государственной молодежной политики, в рамках которой молодежь понимается лишь как объект воздействия — воспитания.

В то же время в позиции четко зафиксирована и роль семьи — любить детей. А значит сегодня они «недолюблены», значит сегодня им не хватает заботы. В подтверждение можно представить еще одну позицию участников: надо «решать проблемы буллинга и плохого отношения преподавателей к ученикам».

Анализ всей совокупности результатов исследования в Республике Хакасия позволяет сделать вывод о необходимости видеть и «эндогенность» условий в формировании готовности молодежи.

Наряду с личной готовностью граждан крайне важным условием противодействия терроризму является участие в этой деятельности общественных объединений самых разных направлений. На вопрос об эффективности взаимодействия органов государственной власти Красноярского края с общественными и религиозными организациями (объединениями), другими институтами гражданского общества и гражданами в области противодействия терроризму 52,7 % жителей городов края оценили такое сотрудничество как «эффективное» и «скорее эффективное». Неэффективным его посчитали только 6,3 % опрошенных, «скорее не эффективным» — еще 12,6 % (рис. 9).

¹ Орфография и синтаксис сохранены авторами статьи.

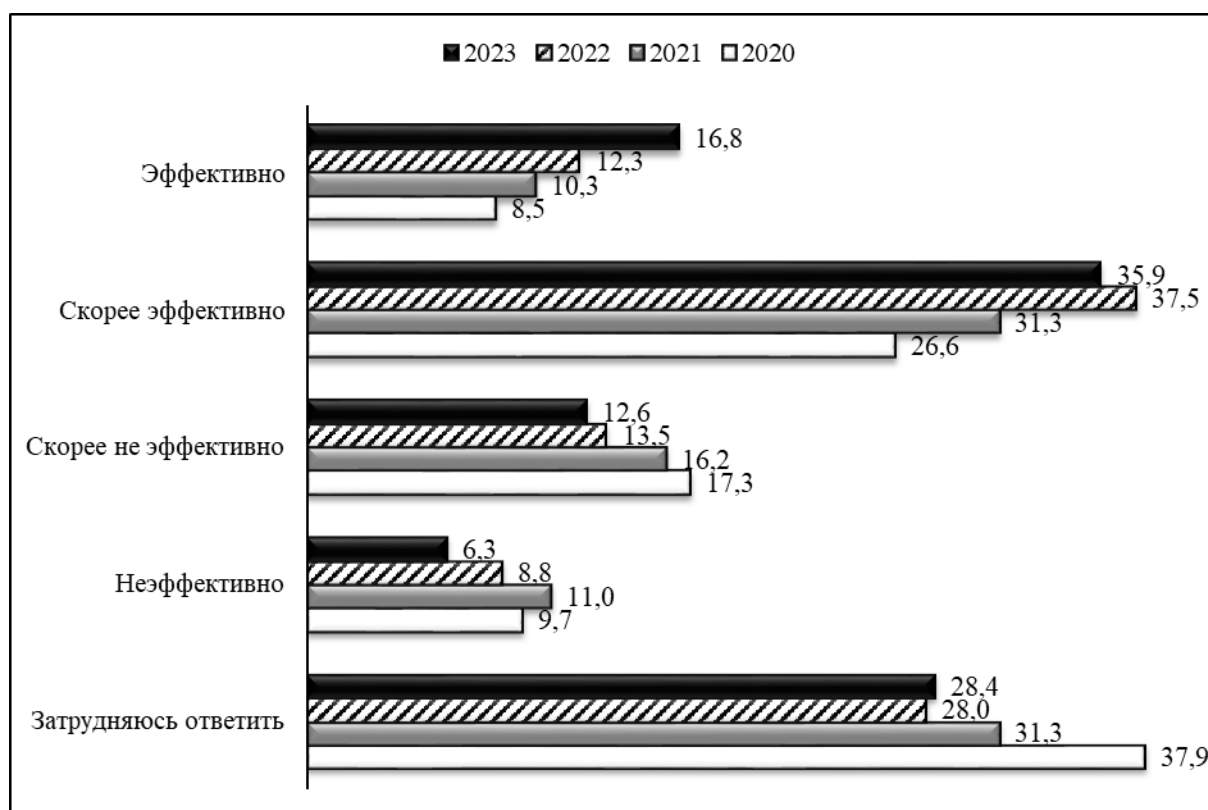

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос «Как вам кажется, насколько эффективно органы государственной власти Красноярского края сотрудничают с общественными и религиозными организациями (объединениями), другими институтами гражданского общества и гражданами в области противодействия терроризму?» (от всей совокупности опрошенных, %). Красноярский край, 2020—2023 гг.

Distribution of answers to the question "How effectively, in your opinion, do the state authorities of the Krasnoyarsk Territory cooperate with public and religious organisations (associations), other civil society institutions and citizens in the field of counter terrorism?" (as a percentage of all respondents). Krasnoyarsk Territory, 2020—2023

По сравнению с 2022 г. в Красноярском крае число оценивающих это сотрудничество как эффективное (в той или иной степени) выросло с 49,8 до 52,7 %. Удельный вес занимающих противоположную позицию снизился: в 2021 г. составил 27,2 %; в 2022 г. — 22,3 %, в 2023 г. — 18,9 % (см. рис. 9).

Таким образом, по результатам исследований, проведенных в разных регионах России, можно говорить о том, что менее половины жителей выразили готовность участвовать в действиях, препятствующих экстремизму и терроризму. Такую ситуацию можно объяснить следующими причинами.

Так, 2022 г. был первым годом ведения СВО на Украине и была очевидная острота восприятия всех процессов, связанных с этим событием. Поскольку прошло уже некоторое время после начала проведения СВО, то наступило привыкание, и отсюда произошло снижение готовности к антитеррористическому поведению. Возможно, часть жителей

слабо представляет, что означают мероприятия, направленные на противодействие терроризму. А необходимость каждодневного внимания к происходящим вокруг себя событиям им не представляется таким действием. Подтверждает это значительное число тех жителей, которые затруднились с ответом (в частности, в 2022 г. и 2023 г. их число составило более 28,0 %). Не исключено, что в ряде территорий такие мероприятия не проводились или проводились крайне формально, и участники не видят теперь в таких действиях необходимости.

Заключение

Анализ исследования позволяет сделать следующие выводы.

Так, в общественном мнении терроризм из внешней угрозы превратился в элемент воздействия на внутренние процессы. Большинство респондентов связывают понятие терроризма со способом запугивания общества; практически столько же опрошенных были уверены

в том, что терроризм представляет собой «преступные акты насилия»; на третьем месте находится такое определение, как «бандитизм и разбой».

Устойчивым является также представление половины опрошенных о том, что террористы преследуют две основные цели: «изменить государственный строй» и «свергнуть существующее руководство». В Красноярском крае в 2023 г. наиболее позитивно оценивали такие меры по противодействию терроризму и экстремизму, как привлечение к ответственности террористов, создание единого информационного пространства, выявление и пресечения действий террористов.

В противодействии терроризму значимой жители края считают деятельность военно-патриотических организаций, национальных и общественно-политических организаций, а также роль религиозных и молодежных организаций. Но доминирующей позицией жителей края является совместная деятельность различных общественных организаций в предотвращении терроризма, что коррелирует с гипотезой авторов данной статьи о необходимости наличия ценностной компоненты и создания социальных условий для борьбы с террориз-

мом и экстремизмом. Это также нашло отражение в Стратегии противодействия экстремизму от 28 декабря 2024 г., где одной из задач государственной политики в сфере противодействия экстремизму названа организация информационного противодействия распространению экстремистской и иных деструктивных идеологий, основанного на традиционных российских духовно-нравственных ценностях.

Однако реальность сегодня такова, что несмотря на высокие оценки населением государственной политики в сфере противодействия экстремизму и терроризму (около 70 % респондентов в разное время говорят об этом), только около 30 % готовы к личному участию в мероприятиях, направленных на противодействие терроризму. Очевидно, для включения социального субъекта в такого рода деятельность необходима определенная совокупность условий: во-первых, должны быть мотивы, причины; во-вторых, собственно готовность/способность; и в-третьих, условия/ресурсы. Представляется, что одним из мотивов включения в деятельность такого рода может быть понимание опасности экстремизма не только для общества и государства, но и для себя лично.

Список источников

1. Гугасари Е.С. Правовая политика Российского государства в сфере противодействия терроризму // Юристъ-Правоведъ. 2011. № 3 (46). С. 56—60.
2. Миронов С.М. Законодательное обеспечение национальной безопасности и антитеррористической деятельности: проблемы и перспективы // Современные проблемы законодательного обеспечения глобальной и национальной безопасности, эффективного противодействия терроризму. М., 2003.
3. Грудачев И.В. О повышении эффективности противодействия финансированию экстремистской деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 2. С. 55—67.
4. Трушанина А.Д. Совершенствование взаимодействия субъектов, осуществляющих противодействие легализации преступных доходов // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № S2.
5. Шалупенко В.В. Готовность граждан России к противодействию терроризму // Социологические исследования. 2012. № 12 (344). С. 42—49.
6. Пиляк С.А. Актуализация культурных ценностей как инструмент государственной политики в сфере противодействия идеологии терроризма // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2020. № 3. С. 349—355.
7. Файзуллин Н.Н. Государственная политика в сфере противодействия экстремизму и терроризму // Образование и духовная безопасность. 2018. № 3 (5). С. 72—77.
8. Никонов К.О. О природе экстремизма как социально-политическом и правовом явлении // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 372—375.
9. Шлыкова Е.В. Противодействие терроризму как адаптация к рискам современности: социальная сущность и субъекты процесса // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 4. С. 103—118. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-9
10. Лукасевич Е.В. Современный терроризм: новые формы и методы в условиях развития научно-технической революции : дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. 172 с.

11. *Сведения о государственном задании РАНХиГС: мониторинг в Красноярском крае 2016—2024 гг.* // Научно-исследовательские работы. URL: <https://gisnauka.ru/nioktr/detail/6EM60LKC9MVB9LT8NF2LVN58>, <https://gisnauka.ru/nioktr/detail/ZL49MSNS28VUX07CKLE9CSI3> (дата обращения: 11.11.2025).
12. *Рабочая книга социолога* / под общ. ред. и с предисл. Г. В. Осипова. Изд. 5-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 212. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=6535>.
13. *Структура населения Красноярского края по полу и возрасту* // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/32970> (дата обращения: 16.12.2025).
14. *Численность населения Красноярского края* // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/32939> (дата обращения: 16.12.2025).
15. *В Хакасии начал свою работу форум «Маршрут дружбы»: интернет, культура и цифровая киберинформация* // Общественная палата Республики Хакасия. URL: https://oprh.ru/news/actual/v_khakasii_nachal_svoyu_rabotu_forum_marshrut_druzhby_internet_kultura_i_tsifrovaya_kiber_informatsii/ (дата обращения: 16.12.2025).
16. *Список колледжей Республики Хакасия* // Все колледжи РФ. URL: <https://vsekolledzhi.ru/> (дата обращения: 20.03.2026).
17. *Список вузов Республики Хакасия* // Вузопедия. URL: <https://vuzopedia.ru/> (дата обращения: 20.03.2026).
18. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М. : Аспект Пресс, 1996. 416 с.

References

1. Gugasari Ye.S. *Pravovaya politika Rossiiskogo gosudarstva v sfere protivodeistviya terrorizmu* [Legal policy of the Russian state in the field of countering terrorism]. Yurist-Pravoved [Jurist], 2011, no. 3 (46), pp. 56–60.
2. Mironov S.M. *Zakonodatelnoe obespechenie natsionalnoi bezopasnosti i antiterroristicheskoi deyatel'nosti: problemi i perspektivi* [Legislative support of national security and counter-terrorism activities: problems and prospects]. Sovremennye problemi zakonodatel'nogo obespecheniya globalnoi i natsionalnoi bezopasnosti, effektivnogo protivodeistviya terrorizmu [Modern Problems of Legislative Support for Global and National Security, Effective Counter-Terrorism], Moscow, 2003.
3. Grudachev I.V. *O povishenii effektivnosti protivodeistviya finansirovaniyu ekstremistskoi deyatel'nosti* [On improving the effectiveness of countering the financing of extremist activities]. Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo [Proceedings of the South-West State University. Series: History and Law], 2021, vol. 11, no. 2, pp. 55–67.
4. Trushanina A.D. *Sovershenstvovanie vzaimodeistviya subektov, osushchestvlyayushchikh protivodeistvie legalizatsii prestupnikov dokhodov* [Improving the interaction of subjects countering the legalisation of criminal proceeds]. Vestnik yevraziiskoi nauki [Bulletin of Eurasian Science], 2023, vol. 15, no. s2.
5. Shalupenko V.V. *Gotovnost grazhdan Rossii k protivodeistviyu terrorizmu* [Readiness of Russian citizens to counter terrorism]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies], 2012, no. 12 (344), pp. 42–49.
6. Pilyak S.A. *Aktualizatsiya kulturnikh tsennostei kak instrument gosudarstvennoi politiki v sfere protivodeistviya ideologii terrorizma* [Actualisation of cultural values as a tool of state policy in countering the ideology of terrorism]. *Elektronnyi setevoi politematicheskii zhurnal «Nauchnye trudi KubGTU»* [Scientific Works of KubSTU], 2020, no. 3, pp. 349–355.
7. Faizullin N.N. *Gosudarstvennaya politika v sfere protivodeistviya ekstremizmu i terrorizmu* [State policy in the field of countering extremism and terrorism]. Obrazovanie i dukhovnaya bezopasnost [Education and Spiritual Security], 2018, no. 3 (5), pp. 72–77.
8. Nikonov K.O. *O prirode ekstremizma kak sotsialno-politicheskom i pravovom yavlenii* [On the nature of extremism as a socio-political and legal phenomenon]. Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii [Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2011, no. 1 (14), pp. 372–375.
9. Shlikova Ye.V. *Protivodeistvie terrorizmu kak adaptatsiya k riskam sovremennosti: sotsialnaya sushchnost i subekti protsessa* [Counter-terrorism as adaptation to modern risks: social essence and subjects of the process]. Nauchnyi rezultat. Sotsiologiya i upravlenie [Scientific Result. Sociology and Management], 2019, vol. 5, no. 4, pp. 103–118. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-9
10. Lukasevich Ye.V. *Sovremennii terrorizm: novye formy i metody v usloviyakh razvitiya nauchno-tekhnicheskoi revolyutsii* : cand. polit. sci. diss. [Modern Terrorism: New Forms and Methods in the Context of the Scientific and Technological Revolution]. Moscow, 2005, 172 p.
11. *Svedeniya o gosudarstvennom zadanii RANKhiGS: monitoring v Krasnoyarskom krae 2016–2024 gg.* [Information on the state assignment of RANEPa: monitoring in the Krasnoyarsk Territory 2016–2024]. Nauchno-issledovatel'skie raboty [Research Works]. Available at: <https://gisnauka.ru/nioktr/>

detail/6EM60LKC9MVB9LT8NF2LVN58, <https://gisnauka.ru/nioctr/detail/ZL49MSNS28VUX07CKLE9CSI3> (accessed: 11.11.2025).

12. Rabochaya kniga sotsiologa [Sociologist's Workbook] / pod obshch. red. i s predisl. G.V. Osipova, ed. 5. Moscow : LIBROKOM, 2009, pp. 212. Available at: <https://www.isras.ru/publ.html?id=6535>.

13. Struktura naseleniya Krasnoyarskogo kraya po polu i vozrastu [Population structure of the Krasnoyarsk Territory by sex and age]. Upravlenie Federalnoi sluzhbi gosudarstvennoi statistiki po Krasnoyarskomu krayu, Respublike Khakasiya i Respublike Tiva [Office of the Federal State Statistics Service for the Krasnoyarsk Territory, the Republic of Khakassia and the Republic of Tyva]. Available at: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/32970> (accessed: 16.12.2025).

14. Chislennost naseleniya Krasnoyarskogo kraya [Population of the Krasnoyarsk Territory]. Upravlenie Federalnoi sluzhbi gosudarstvennoi statistiki po Krasnoyarskomu krayu, Respublike Khakasiya i Respublike Tiva [Office of the Federal State Statistics Service for the Krasnoyarsk Territory, the Republic of Khakassia and the Republic of Tyva]. Available at: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/32939> (accessed: 16.12.2025).

15. V Khakasii nachal svoyu rabotu forum «Marshrut druzhbi»: internet, kultura i tsifrovaya kiberinformatsiya [The “Route of Friendship” forum has started its work in Khakassia: internet, culture and digital cyber information]. Obshchestvennaya palata Respubliki Khakasiya [Public Chamber of the Republic of Khakassia]. Available at: https://oprh.ru/news/actual/v_khakasii_nachal_svoyu_rabotu_forum_marshrut_druzhby_internet_kultura_i_tsifrovaya_kiber_informatsi/ (accessed: 16.12.2025).

16. Spisok kolledzhei Respubliki Khakasiya [List of colleges of the Republic of Khakassia]. Vse kolledzhi RF [All Colleges of the Russian Federation]. Available at: <https://vsekolledzhi.ru/> (accessed: 20.03.2026).

17. Spisok vuzov Respubliki Khakasiya [List of higher education institutions of the Republic of Khakassia]. Vuzopedia [Vuzopedia]. Available at: <https://vuzopedia.ru/> (accessed: 20.03.2026).

18. Shtompka P. Sotsiologiya sotsialnikh izmenenii [Sociology of Social Change]. Moscow: Aspekt Press, 1996, 416 p.

Информация об авторах

Вавилина Надежда Дмитриевна — доктор социологических наук, доцент, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Центр социологических исследований», Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: vavilina-nd@ranepa.ru

Шпигунова Юлия Михайловна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр социологических исследований», Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: shpigunova-ym@ranepa.ru

Information about the authors

Nadezhda D. Vavilina — Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Head of the Research Laboratory “Centre for Sociological Research”, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: vavilina-nd@ranepa.ru

Yulia M. Shpigunova — Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher at the Research Laboratory “Centre for Sociological Research”, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: shpigunova-ym@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию 04.06.2026; одобрена после рецензирования 14.06.2026; принята к публикации 15.06.2026.

The article was submitted 04.06.2026; approved after reviewing 14.06.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Государство и гражданское общество, идеология и политика

Научная статья
УДК 321.8
EDN KGJANE

ДИНАМИКА И ПОВЕСТКА ПОБРАТИМСКИХ СВЯЗЕЙ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Игорь Владимирович Бахлов^{1✉}, Ольга Владимировна Бахлова²

^{1, 2} Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Игорь Владимирович Бахлов, bahlov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию побратимских связей как компонента коммуникативного пространства Союзного государства. Акцентируется их важность для повышения легитимности союзного строительства и углубления двусторонней интеграции. Показаны ключевые форматы побратимства с учетом общего процесса институционализации этой интеграции. Выявлены параметры динамики количественного и качественного характера, положительные изменения. Артикулированы отдельные слабые стороны, включая недостаточную степень нормативного обеспечения и соотношения с интеграционными ориентирами. Предложены некоторые корректирующие меры по имплементации принимаемых в данной сфере решений, закреплению в союзных актах и информационному сопровождению побратимских связей, их общественно-политической поддержке.

Ключевые слова: интеграция, межрегиональное сотрудничество, народная дипломатия, побратимство, породненные города, Союзное государство Беларуси и России

Для цитирования: Бахлов И. В., Бахлова О. В. Динамика и повестка побратимских связей в контексте российско-белорусской интеграции // Развитие территорий. 2026. № 3. С. 40—52. EDN KGJANE.

State and civil society, ideology and politics

Original article

DYNAMICS AND AGENDA OF TWIN-CITY RELATIONS IN THE CONTEXT OF RUSSIAN-BELARUSIAN INTEGRATION

Igor V. Bakhlov^{1✉}, Olga V. Bakhlova²

^{1, 2} National Research Mordovia State University named after N. P. Ogarev, Saransk, Russian Federation

Corresponding author: Igor V. Bakhlov, bahlov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of twin-city relations as a component of the communication space of the Union State of Belarus and Russia. Their importance for enhancing the legitimacy of union-building and deepening bilateral integration is emphasised. The key formats of twinning are shown, taking into account the general process of institutionalisation of this integration. Parameters of quantitative and qualitative dynamics and positive changes are identified. Certain weaknesses are articulated, including insufficient regulatory support and alignment with integration benchmarks. Some corrective measures are proposed for the implementation of decisions taken in this area, their consolidation in union acts, information support for twin-city relations, and their public and political backing.

Keywords: integration, interregional cooperation, people's diplomacy, twinning, twin cities, Union State of Belarus and Russia

For citation: Bakhlov I.V., Bakhlova O.V. Dynamics and Agenda of Twin-City Relations in the Context of Russian-Belarusian Integration. Territory Development. 2026;(3):40—52. (In Russ.). <https://elibrary.ru/kgjane>.

Союзное государство Беларуси и России представляет собой многомерный интеграционный формат, предполагая глубокую и всеохватную интеграцию, поддерживаемую и стимулируемую совокупностью факторов — социокультурных, геополитических, экономических. В его рамках с участием государственных органов, общественных объединений, политических элит, деловых кругов, регионов и граждан сложилась обширная сеть взаимосвязей, имеющих как историческое, так и современное происхождение. В данном ракурсе вполне применимой к анализу процесса российско-белорусской интеграции может быть теория коммуникаций. В соответствии с этой теорией интеграция трактуется как взаимосвязи единиц, характеризующихся взаимозависимостью и совместным производством системных качеств. Расширение объема коммуникаций (транзакций) понимается как главная движущая сила и индикатор развития интеграции, формирования общей идентичности [1].

В настоящее время насущной интеграционной задачей Российской Федерации и Республики Беларусь становится обеспечение «узнаваемости» Союзного государства во внутреннем и во внешнем измерениях, равно как и достижение лояльности населения к идее интеграции, а также практической отдачи для граждан от ее реализации. Неслучайно в интеграционной повестке актуализировались идеи союзного бренда («Сделано в Союзном государстве» / «Товар Союзного государства»), союзной символики и международной субъектности Союзного государства. И уже сейчас создание общего товарного знака в политическом сообществе оценивается как одно из ключевых достижений союзной интеграции [2]. Немаловажно, что соответствующие идеи активно обсуждаются в русле межрегионального взаимодействия Российской Федерации и Республики Беларусь, в том числе по линии Форума регионов Беларуси и России. Примечательным, в частности, стало само название секционного заседания VI Форума (Санкт-Петербург, 2019 г.) — «Развитие сотрудничества регионов, районов и городов Беларуси и России как инструмент укрепления Союзного государства» [3].

Значимое место в системе межрегионального взаимодействия Российской

Федерации и Республики Беларусь занимают побратимские связи, которые постоянно обогащаются новым содержанием под влиянием меняющихся внутренних и внешних условий. Первые соглашения о российско-белорусском побратимстве предшествовали переходу к двусторонней интеграции: первое из них было заключено 18 июня 1992 г. между Подольском (Российская Федерация) и Борисовым (Республика Беларусь) [4]. Осознание необходимости более тесного сближения в разных областях и на разных уровнях, воплотившееся в появлении сначала Сообщества Белоруссии и России (1996 г.), Союза Беларуси и России (1997 г.), а чуть позже — Союзного государства (1999 г.), стимулировало количественные и качественные изменения и в данном измерении. Так, с 1998 г. проводятся встречи (форумы) городов-побратимов. Их организаторы — Международная ассоциация «Породненные города» (МАПГ) и Белорусская общественная организация породненных городов (БООПГ). Названные встречи являются главным форматом выстраивания и реализации побратимских связей России и Белоруссии. Однако периодичность встреч не всегда соблюдалась. На это влияли многие обстоятельства, в том числе внутренние сложности социально-экономического характера, разногласия между Российской Федерацией и Республикой Беларусь по ряду вопросов — введению общей валюты, «торговым войнам», созданию общего энергетического рынка, налогообложения и пр. По сути, «пропуски» встреч, нарушения сроков их проведения пришлось на нулевые и десятые годы, когда страны — участницы Союзного государства безуспешно пытались достичь консенсуса относительно интеграционных приоритетов, предлагая собственные, нередко расходящиеся или несовпадающие интерпретации Договора 1999 г. С начала 2020-х гг. частота встреч существенно повысилась, совпадая по времени с нарастающей волной союзной интеграции.

После запуска 28 союзных программ в ноябре 2021 г. корректировки интеграционных ориентиров, утверждения и обогащения направлений реализации Договора о создании Союзного государства в новом варианте, перестройки внешних связей, касающихся непосредственно

Российской Федерации и Республики Беларусь и их регионов, включая сворачивание контактов на западном направлении, поступательная динамика побратимства усилилась. Прежде всего заметно увеличилось количество городов-побратимов с обеих сторон: если в IX Форуме городов-побратимов (Могилев, 2017 г.) участвовали 35 российских и 24 белорусских города [5], то в XII Форуме (Брест, 2023 г.) — 67 и 24 соответственно, и в ходе встречи их количество еще возросло. Стоит подчеркнуть, что среди них — не только мегаполисы и крупные города, но и средние, и малые, а также муниципальные образования. Появляются все новые побратимы: например, по итогам XII Форума были подписаны соглашения о побратимстве между 10 городами: Могилев — Ярославль; Орша — Смоленск; Заславль — Ялта; Заславль — Котельники; Лунинец — Новодевяткино [6]. В течение 2024—2025 гг. побратимами Бреста стали Калуга и Омск [7]; Минска — Казань и Уфа [8 ; 9]; Островца — Обнинск

и др. [10] В настоящее время между российскими и белорусскими городами и районами действуют порядка 140 соглашений, предметом которых служат развитие и углубление сотрудничества на самых разных направлениях.

Информацию об участниках анализируемых российско-белорусских коммуникаций, но неполную на данный момент, предоставляет сайт МАПГ. Собственно породненными (побратимами), согласно МАПГ, признаются города, между которыми установлены постоянные дружественные связи для взаимного ознакомления с жизнью, историей и культурой, с целью достижения лучшего взаимопонимания, укрепления сотрудничества и дружбы между народами разных стран, а также обмена опытом в разрешении аналогичных проблем, стоящих перед городскими властями и организациями [11]. К ним относятся как города (районы) российско-белорусского приграничья, так и города, весьма отдаленные друг от друга (табл. 1).

Таблица 1

Породненные города Российской Федерации и Республики Беларусь
Twin Cities of the Russian Federation and the Republic of Belarus

Город, район (Российская Федерация)	Город, район (Республика Беларусь)
Брянск	Гомель, Могилев, Минск
Валдай	Вилейка
Владимир	Бобруйск
Волгоград	Минск
Дмитров	Марьина Горка (Минская область)
Егорьевск	Мозырь
Екатеринбург	Могилев
Истра	Пинск
Калининград	Гродно
Кашира	Клецк
Клин	Советский район г. Минска
Ковров	Брест
Красногорск	Кореличи
Кронштадт	Осиповичи
Липецк	Витебск
Можайск	Вилейка
Москва	Брест
Городской округ Мытищи	Барановичи, Борисовский район, Жодино, Смолевичский район
Наро-Фоминск	Бобруйск
Новороссийск	Брест
Новосибирск	Минск
Орел	Брест
Орехово-Зуево	Новополоцк
Павловский Посад	Любань

Город, район (Российская Федерация)	Город, район (Республика Беларусь)
Петрозаводск	Брест
Псков	Витебск
Реутов	Несвиж
Ростов-на-Дону	Минск
Санкт-Петербург	Минск
Северодвинск	Мозырь
Серпухов	Слуцк, Заславль
Солнечногорск	Крупки (Минская область)
Тула	Могилев
Фрязино	Слуцк
Химки	Гродно
Череповец	Молодечно
Чехов	Копыль
Шатура	Узденский район (Минская область)
Щелково	Гродненский район
Ялта	Заславль

Наибольший объем побратимских связей фиксируется между двумя основными группами населенных пунктов: 1) между столицами Российской Федерации и Республики Беларусь, между Минском и Санкт-Петербургом; 2) между приграничными крупными городами Российской Федерации и Республики Беларусь (Смоленск, Брянск, Псков и др.; Витебск, Могилев, Гомель). Большую активность проявляют города, выполняющие функции культурных и туристических центров (Полоцк) и др. [12, с. 53].

Расширение географии побратимства и в целом межрегионального сотрудничества Российской Федерации и Республики Беларусь можно интерпретировать как важный проинтеграционный фактор, позволяющий обеспечить большую связанность пространства Союзного государства, вовлечь новых агентов, заинтересованных в выстраивании и укреплении интеграционных взаимосвязей, наметить новые пути устранения межрегиональных диспропорций в обеих странах-участницах, внедрить принципы субсидиарности и партиципаторности в интеграционный процесс. Кроме того, данный фактор развивает горизонтальные коммуникации, что может способствовать усилению общественно-политической поддержки идеи и реализации практики союзного строительства, его легитимации.

Можно утверждать, что повестка побратимских связей в контексте союзного строительства на современном этапе

воплощает в концентрированном виде представления городов и муниципальных образований Российской Федерации и Республики Беларусь о потенциале, механизмах и векторах соразвития, возможностях обмена позитивными практиками, сбережения традиционных ценностей, сохранения и укрепления исторической правды и памяти. И она продолжает расширяться и углубляться. В частности, в содержание секций встреч (форумов) городов-побратимов включаются разнообразные вопросы, а тематические секции посвящены решению актуальных вопросов в сферах экономики, социальной сферы, культуры и образования (табл. 2).

Значимым моментом является обращение городов-побратимов Российской Федерации и Республики Беларусь не только непосредственно к проблематике союзного строительства, но и развития евразийской интеграции (VIII форум), т. е. российско-белорусское побратимство фактически мыслится встроенным в более широкий пространственный контекст. Собственно, это утверждение справедливо и в отношении официальных трактовок сопряжения Союзного государства и Евразийского экономического союза, других интеграционных форматов. Причем о Союзном государстве говорится как о своего рода фундаменте, ядре интеграции, модельной, передовой площадке апробирования интеграционных инициатив и проектов в регионе СНГ [13 ; 14].

В этой связи следует уделить внимание серьезным упущениям, которые в рамках Союзного государства проявляются в отсутствие должной имплементации собственно межрегионального сотрудничества в нормативное союзное поле. Лишь относительно недавно, в конце 2024 г., Парламентским собранием Союза Беларуси и России был принят Модельный закон «О приграничном сотрудничестве в Союзном государстве», в сферу действия которого попадают только сопредельные приграничные регионы Российской Федерации и Республики Беларусь.

Однако стоит подчеркнуть, что на первом месте среди основных задач приграничного сотрудничества в данном документе указано укрепление интеграции, создание единого экономического пространства для обеспечения социально-экономического развития на основе объединения материального и интеллектуального потенциала сопредельных приграничных регионов государств — участников Союзного государства [15]. Таким образом, повышается степень именно интеграционной комплементарности совокупности коммуникаций в пространстве Союзного государства.

Таблица 2

Повестка форумов городов-побратимов Российской Федерации и Республики Беларусь
 Agenda of the Twin-City Forums of the Russian Federation and the Republic of Belarus

Встреча (форум)	Город, дата проведения	Общая тематика	Тематика секций
VII	Минск (РБ), 16 ноября 2012 г.	Торгово-экономическое сотрудничество	Реализация проектов регионального партнерства как фактор устойчивого развития и межгосударственного сотрудничества Торгово-экономическое сотрудничество в области перерабатывающей промышленности Содействие устойчивому ведению сельского хозяйства и развитию сельскохозяйственных районов
VIII	Подольск (РФ), 26—28 ноября 2015 г.	Взаимодействие городов-побратимов России и Беларуси для развития экономических, инвестиционных, инновационных и социальных проектов в рамках Евразийского экономического союза	Экономическое сотрудничество: промышленность, предпринимательство, сельское хозяйство Социальная сфера и социокультурный сектор: взаимодействие и взаимообучение Патриотическое воспитание молодежи Государственное и муниципальное управление
IX	Могилев (РБ), 30—31 марта 2017 г.	Расширение взаимовыгодного сотрудничества городов-побратимов как потенциальный ресурс укрепления интеграционных процессов в условиях трансформации современного мира	Экономическое сотрудничество городов-побратимов. Опыт г. Могилева и его партнеров по развитию интеграционных процессов Сотрудничество в области культуры, спорта и туризма, молодежной политики, в развитии народной дипломатии Современное образование: актуальные вопросы, достижения, инновации
X	Жодино (РБ), 7—8 октября 2021 г.	Побратимство как важный потенциал укрепления Союзного государства Беларуси и России и единства народов	Экономика и бизнес: поощрение взаимных инвестиций, расширение производственной кооперации Социальная сфера: взаимодействие в развитии инфраструктуры, обмен опытом в решении аналогичных проблем городской жизни Культура и образование: побратимство как платформа для совершенствования работы с молодежью
XI	Псков (РФ), 14—16 октября 2022 г.	Роль городов-побратимов в укреплении Союзного государства в условиях внешних вызовов и угроз	Экономическое сотрудничество городов-побратимов Сотрудничество в области культуры и туризма Сотрудничество в области молодежной политики Современные формы организации международного сотрудничества в сфере образования

Встреча (форум)	Город, дата проведения	Общая тематика	Тематика секций
XII	Брест (РБ), 28—30 сентября 2023 г.	Побратимское движение: новые грани актуальности в условиях активизации межрегионального российско-белорусского сотрудничества	Экономическое и деловое сотрудничество
			Социальная политика и ценность опыта и взаимодействия
			Народная дипломатия: образование, культура и туризм как связующее звено духовного родства и созидания
XIII	Красногорск (РФ), 19—21 ноября 2025 г.	80-летие Победы в Великой Отечественной войне	Развитие экономического сотрудничества между побратимскими городами и районами
			Обмен опытом в сфере муниципального управления
			Укрепление культурно-гуманитарных связей

Целесообразно принятие соглашения и (или) концепции, которые бы распространялись на межрегиональное сотрудничество в Союзном государстве в целом по аналогии с Конвенцией о межрегиональном сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств от 16 сентября 2016 г. и Концепцией межрегионального и приграничного сотрудничества государств — участников СНГ на период до 2030 года. В свою очередь, опыт Союзного государства уже перенимают и в СНГ. Так, в апреле 2025 г. в Ташкенте состоялся первый Форум государств — участников СНГ, нацеленный на обсуждение ключевых аспектов экономического, социального и гуманитарного взаимодействия [16]. Востребованной площадкой пересечения интересов городов государств — участников СНГ в рассматриваемом ракурсе выступает Международная ассамблея столиц и крупных городов СНГ (МАГ), куда входят многие города Российской Федерации и Республики Беларусь [17]. МАГ является партнером Союза российских городов (СРГ) и вовлекается в обсуждение интеграционной проблематики: примером может служить панельная дискуссия «Возможности активизации экономического потенциала городов МАГ за счет интеграции в международное евразийское экономическое пространство» на IX Общероссийском форуме «Города России» (Екатеринбург, 27—28 ноября 2025 г.) [18]. Ряд объединений, в том числе СРГ, МАГ, МАПГ, Белорусская ассоциация «Породненные города», входят в Международную ассоциацию «Объединенные города и местные власти Евразии» (ОГМВ—Евразия), представляющую инте-

ресы евразийского региона в рамках Всемирной организации «Объединенные города и местные власти» (ОГМВ). Деятельность ОГМВ—Евразия также ориентирована на содействие интеграционным процессам на евразийском пространстве [19].

Повестка встреч городов-побратимов во многом перекликается с повесткой форумов регионов Беларуси и России и других форматов на площадке Союзного государства (Межгосударственного форума «Территория Союзного государства как единое историческое, образовательное и информационное пространство», Российско-Белорусского молодежного форума, Патриотического форума молодежи Союзного государства и др.), общей союзной повесткой. Все более в их фокусе оказываются вопросы патриотического воспитания, формирования общего пространства (информационного, образовательного и др.), защиты и сохранения исторической памяти, традиционных ценностей. Характерны их взаимоувязка, интерпретация путем сопряжения разных областей межгосударственного, межрегионального, приграничного взаимодействия [20, с. 47, 55]. В этом смысле побратимство благотворно сказывается на развитии народной дипломатии Союзного государства. Его предназначение заключается прежде всего в содействии укреплению единства народов России и Белоруссии. Одним из главных ресурсов здесь по праву воспринимается общая историческая память. Показательна резолюция, принятая по итогам XII Форума об ускорении интеграционных процессов городов в рамках Союзного государства. В ней сделан акцент на отстаивание исторических и мо-

ральных ценностей в условиях противодействия внешним вызовам и угрозам, в том числе в борьбе с фашизмом и фальсификацией истории [21]. Так, XIII Форум был посвящен 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. В целом 2025 г. был насыщен мероприятиями историко-патриотической направленности, в том числе касающимися и побратимских связей. Например, МАПГ был организован фестиваль-конкурс исполнителей из городов-героев, городов воинской славы и городов трудовой доблести «Любимый город» (Волоколамск, 21—23 июня 2025 г.), проведен круглый стол «Роль городов-героев и городов воинской славы в развитии породненных связей» (в рамках фестиваля-конкурса «Любимый город»). В Витебске 26—28 сентября 2025 г. прошел Международный фестиваль-конкурс молодежных творческих коллективов из городов-побратимов России и Беларуси «Две страны — одна история».

Культура и туризм в повестке российско-белорусского побратимства обоснованно трактуются как связующее звено духовного родства и созидания. Пространство Союзного государства обладает мощным потенциалом для развития историко-патриотического и культурно-образовательного туризма. При этом важная роль в его развитии отводится и городам-побратимам. На его территории проводятся Белорусско-Российский туристический конгресс, Туристский слет учащихся Союзного государства. Запланирован запуск Российско-белорусского туристического центра (Смоленск). В июле 2025 г. в Минске прошел Международный туристический форум «Пора путешествовать по Союзному государству». Имеется необходимая нормативная и программная основа — Межправительственное соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь 1995 года, Межведомственное соглашение 2023 года и др. Особое внимание уделяется профильной Союзной программе на 2024—2026 гг. Кроме того, развивается межрегиональный туризм. Предложены трансграничные туристические маршруты, отвечающие смысловым акцентам союзной повестки («Природа памяти — память природы» и др.). В практическую плоскость переведено

создание общего бренд-ядра Союзного государства в данной сфере в целях создания уникальных туристических сувениров для Союзного государства, городов-побратимов и международных туристических маршрутов Российской Федерации и Республики Беларусь (проект «Акселератор „Туристический сувенир Союзного государства”») [22—25].

В обсуждаемом проблемном поле существенное внимание уделяется молодежи и вовлечению ее в процесс союзного строительства. Молодежных институций в структуре Союзного государства сейчас достаточно много, начиная с Молодежной палаты Парламентского собрания Союза Беларуси и России и заканчивая разнообразными форумами, фестивалями, олимпиадами и прочими коммуникативными площадками. Появились подобные форматы и в системе побратимских связей.

Так, в рамках XII и XIII форумов городов-побратимов были проведены две встречи молодежи. В их повестке находились, соответственно, вопросы сохранения базовых общественных ценностей в молодежной среде, патриотического воспитания подрастающего поколения и взаимодействия молодежных организаций, патриотического воспитания, исторической правды. На первой встрече молодежи (Брест, 2023 г.) была выдвинута идея создания Молодежного совета городов-побратимов России и Беларуси. Он рассматривается как объединение, которое может стать площадкой консолидации инициатив и совместных проектов. Сформирована российско-белорусская рабочая группа, занимающаяся институционализацией Молодежного совета. Еще ранее, «на полях» VII Российско-Белорусского молодежного форума (Санкт-Петербург, 2019 г.), было достигнуто соглашение о Молодежном совете приграничья Смоленской и Витебской областей [26 ; 27]. Следует также вспомнить, что Декретом Высшего государственного совета (ВГС) Союзного государства от 29 января 2024 г. в основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024—2026 годы включен пункт о реализации упорядоченного взаимодействия в сферах гражданско-патриотического воспитания, волонтерства, спорта, творчества, профессионального разви-

тия молодежи [28]. Полагаем, что в проекте подобного документа на 2027—2029 годы, подготовка которого близится к завершению, эти ориентиры будут не только по-прежнему присутствовать, но и фигурировать в расширенном виде. По крайней мере состоявшееся 26 февраля 2026 г. очередное заседание ВГС продемонстрировало внимание обоих лидеров к сфере приграничного и межрегионального сотрудничества [29], а одно из принятых на нем решений, оформленное декретом, предполагает организацию и развитие трансграничного пригородного пассажирского сообщения, в том числе развития железнодорожного сообщения между сопредельными приграничными территориями субъектов Российской Федерации и областей Республики Беларусь [30].

В то же время предпринимаемые усилия пока видятся недостаточными. Необходима системная поддержка региональными и центральными властями института побратимства между городами [31, с. 98]. Разделяем также мнение о чрезвычайной значимости российско-белорусского приграничья для обеспечения безопасности и развития западного порубежья России и поддерживаем идею формирования единой концепции общественной дипломатии не только на общенациональном уровне, но и на уровне приграничных регионов [32, с. 52]. Претворение в жизнь подобных мер в русле совершенствования интеграционного инструментария, несомненно, будет способствовать и укреплению нормативной базы горизонтальных коммуникаций, выравниванию баланса между отношениями «государство — государство» и «регион — регион» как во внутреннем, так и во внешнем измерениях, улучшению статусно-ролевых характеристик неправительственных институтов, повышению общественной активности на благо Союзного государства.

В целом побратимским связям в Союзном государстве свойственна поступательная динамика, несмотря на сохраняющиеся проблемы. Города, как и регионы России и Белоруссии, постепенно превращаются в важных социально-политических агентов союзного строительства, одновременно обретая дополнительные возможности для реализации собственных интересов. Их дальнейшую

активность, побратимство и союзное строительство в целом могут стимулировать комплексные корректирующие многоуровневые меры:

- разработка, принятие и полномасштабное введение в действие названных документов в формате Союзного государства;

- своевременная имплементация: нередко наблюдается промедление и торможение уже одобренных интеграционных решений (в частности, это касается создания туристического центра Союзного государства, принятия Стратегии молодежной интеграции, невыполнения в полном объеме положений Договора о создании Союзного государства и пр.);

- устранение коллизий в национальном законодательстве стран — участниц Союзного государства, имеющих отношение к сфере межрегионального и приграничного сотрудничества, их обновление сообразно изменившимся условиям, чего нет на деле;

- усиление внимания российских и белорусских политических акторов (например, политических партий) к вопросам российско-белорусского побратимства, общесоюзных коммуникаций, включение соответствующих разделов, блоков в программные документы;

- проведение на постоянной основе мониторинга общественного мнения в данной проблемной области, создание подобной службы или центра в рамках Союзного государства;

- повышение информационного обеспечения побратимских связей, например, за счет создания определенных разделов / рубрик на порталах / сайтах регионов Российской Федерации и Республики Беларусь, их муниципальных образований.

Предложенные меры, разумеется, не являются исчерпывающими. Они учитывают лишь некоторые слабые стороны побратимства / коммуникативного пространства Союзного государства и нуждаются в дополнительной аргументации, коррекции и расширении через призму сопряжения усилий в ряде сфер государственной политики (региональной политики / политики регионального развития, молодежной политики, интеграционной в рамках внешней политики) и в направлении внедрения общих политик Союзного государства (аграрной, молодежной, информационной и пр.).

Список источников

1. Deutsch K. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. N. Y. : The Free Press of Glencoe (Macmillan), 1963. 316 p.
2. *Путин* объявил о создании общего товарного знака России и Белоруссии // LIFE. URL: <https://life.ru/p/1846225> (дата обращения: 01.03.2026).
3. *Сенатор* Андрей Кутепов: важным направлением межрегионального взаимодействия может стать создание единого бренда «Сделано в Союзном государстве» // Постоянный комитет Союзного государства. URL: https://посткомсг.рф/news/politika_ekonomika/222418/ (дата обращения: 01.03.2026).
4. *Доброе братство дороже богатства* // Союзное вече. URL: <https://www.souzveche.ru/articles/community/28892/> (дата обращения: 05.03.2026).
5. 9-я встреча городов-побратимов Беларуси и России в Могилеве // Администрация Ленинского района г. Могилева. URL: <https://lenadm-mogilev.gov.by/newsregion/13672-9-aya-vstrecha-gorodov-pobratimov-belarusi-i-rossii-v-mogileve> (дата обращения: 01.03.2026).
6. О XII форуме городов-побратимов России и Белоруссии в Бресте / Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/by/1907658/> (дата обращения: 01.03.2026).
7. *Заместитель* председателя Брестского облисполкома Михаил Баценко: «Мы готовы всех накормить, у нас планы амбициозные» // Постоянный комитет Союзного государства. URL: <https://посткомсг.рф/interview/244027/> (дата обращения: 01.03.2026).
8. *Минск и Уфа* станут ближе: города будут развивать экономику и туризм // Информационно-аналитический портал Союзного государства. URL: <https://soyuz.by/multimedi/minsk-i-ufa-stanut-blizhe-goroda-budut-razvivat-ekonomiku-i-turizm> (дата обращения: 01.03.2026).
9. *От автобусов* до технопарков: как Минск и Казань укрепляют сотрудничество // Информационно-аналитический портал Союзного государства. URL: <https://soyuz.by/sotrudnichestvo-regionov/ot-avtobusov-do-tehnoparkov-kak-minsk-i-kazan-ukreplyayut-sotrudnichestvo> (дата обращения: 01.03.2026).
10. *Островец* стал побратимом российского наукограда Обнинска // Информационно-аналитический портал Союзного государства. URL: <https://soyuz.by/sotrudnichestvo-regionov/ostrovec-stal-pobratimom-rossiyskogo-naukograda-obninska> (дата обращения: 01.03.2026).
11. *Породненные* города // Международная ассоциация «Породненные города» (МАПГ). URL: <http://goroda-pobratim.ru/porodnennnye-goroda> (дата обращения: 01.03.2026).
12. *Арутюнов А. Г.* Побратимство городов Российской Федерации и Республики Беларусь: опыт и перспективы // Побратимство городов: состояние, возможности развития, вызовы, приоритеты : сб. ст. Тюмень, 2021. С. 51—56.
13. *Мезенцев*: Союзное государство может быть примером для СНГ, ЕАЭС и ШОС // Парламентское собрание Союза Беларуси и России. URL: <https://belrus.ru/info/mezencev-soyuznoe-gosudarstvo-mozhet-byt-primerom-dlya-sng-eaes-i-shos/> (дата обращения: 01.03.2026).
14. *Шире* круг: ЕАЭС ставит на интеграцию // Российская газета. URL: https://rg.ru/2024/05/29/shire-krug-eaes-stavit-na-integraciiu.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 01.03.2026).
15. *О модельном* законодательном акте «О приграничном сотрудничестве в Союзном государстве» : постановление Парламентского собрания Союза Беларуси и России от 24 дек. 2024 г. № LXVII—6 // Информационно-аналитический портал Союзного государства. URL: <https://soyuz.by/projects/resheniya-parlamentskogo-sobraniya-soyuza-belarusi-i-rossii/postanovlenie-o-modelnom-zakonodatelnom-akte-o-prigranichnom-sotrudnichestve-v-soyuznom-gosudarstve> (дата обращения: 01.03.2026).
16. *Главы* правительств стран СНГ актуализировали план реализации Концепции межрегионального и приграничного сотрудничества / Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/glava_pravitelstv_stran_sng_aktualizirovali_plan_realizacii_koncepcii_mezhregionalnogo_i_prigranichnogo_sotrudnichestva.html (дата обращения: 01.03.2026).
17. *Города — члены* МАГ // Международная ассамблея столиц и крупных городов СНГ. URL: <https://e-gorod.ru/города-члены-маг/> (дата обращения: 01.03.2026).
18. *Возможности* активизации экономического потенциала городов МАГ за счет интеграции в международное евразийское экономическое пространство : IX Общероссийский форум стратегического развития «Города России» // Международная ассамблея столиц и крупных городов СНГ. URL: <https://e-gorod.ru/панельная-дискуссия-возможности-ак/> (дата обращения: 01.03.2026).
19. *Цели и задачи* // Международная ассоциация «Объединенные города и местные власти Евразии». URL: <https://euroasia-ucig.ru/about/aims-and-purposes/> (дата обращения: 01.03.2026).
20. *Бахлова О. В., Слугина А. Н.* Историко-патриотическая и культурно-гуманитарная составляющие в повестке форума регионов Беларуси и России // Межрегиональные и межгородские

связи на евразийском пространстве в условиях системных изменений мирового порядка : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Тюмень, 2024. С. 46—58. EDN CRDGMО.

21. *Города-побратимы* РФ и Белоруссии выразили обеспокоенность геополитической обстановкой // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18878555> (дата обращения: 01.03.2026).

22. *Беларусь* и Россия развивают единое туристическое пространство Союзного государства // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/news/566/125628/> (дата обращения: 01.03.2026).

23. В Минске состоялся Форум «Пора путешествовать по Союзному государству» 28 июля 2025 г. // Пора путешествовать по Союзному государству. URL: <https://travel-on-belarus.com/tpost/6toaxicvf1-v-minske-sostoyalsya-forum-pora-putesheshe> (дата обращения: 01.03.2026).

24. Подвели итоги проекта «Акселератор „Туристический сувенир Союзного государства“» // Пора путешествовать по Союзному государству. URL: <https://travel-on-belarus.com/tpost/1jm4ls81b1-podveli-itogi-proekta-akselerator-turist> (дата обращения: 01.03.2026).

25. Развитие туризма в Союзном государстве: выгоды для Беларуси и России // Информационно-аналитический портал Союзного государства. URL: <https://soyuz.by/obshchestvo/razvitiye-turizma-v-soyuznom-gosudarstve-vygody-dlya-belarusi-i-rossii> (дата обращения: 01.03.2026).

26. В Московской области состоялся XIII Форум городов-побратимов России и Беларуси и Вторая встреча молодежи городов-побратимов // Ульяновская городская дума. URL: https://ugd.ru/main_news/v-moskovskoy-oblasti-sostoyalsya-xiii-forum-gorodov-pobratimov-rossii-i-belarusi-i-vtoraya-vstrecha/ (дата обращения: 01.03.2026).

27. Соколова Д. А. Российско-белорусское молодежное сотрудничество (информационная справка по состоянию на 2024 год) // Институт молодежной политики и международных отношений МИРЭА. URL: <https://intermol.su/upload/iblock/171/p0c0tyfcqfsyp6idj2iy8a11auyw4fon.pdf> (дата обращения: 01.03.2026).

28. Об основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024—2026 годы : декрет Высш. гос. совета от 29 янв. 2024 г. № 2 // Информационно-аналитический портал Союзного государства. URL: <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/dekret-ot-29-yanvarya-2024-g-2-ob-osnovnyh-napravleniyah-realizacii-polozheniy-dogovora-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva-na-2024-2026-gody> (дата обращения: 01.03.2026).

29. Заседание Высшего государственного совета Союзного государства // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/79225> (дата обращения: 01.03.2026).

30. 26 февраля 2026 года в Кремле состоялось заседание Высшего государственного совета Союзного государства // Постоянный комитет Союзного государства. URL: <https://посткомсг.рф/activities/events/244541/> (дата обращения: 01.03.2026).

31. Сапрыка В. А., Травин Р. А. Институт городов-побратимов как инструмент развития приграничных территорий // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 4. С. 91—99. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-4-91-99. EDN ZGVFUR

32. Сапрыка В. А., Пастюк А. В., Солоха В. В. Потенциал общественной дипломатии приграничных регионов для снижения социокультурных угроз западного порубежья России // Сравнительная политика. 2023. Т. 14, № 1—2. С. 39—56. DOI: 10.46272/2221-3279-2023-1-2-14-39-56. EDN LFMAKJ

References

1. Deutsch K. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. New York : The Free Press of Glencoe (Macmillan), 1963, 316 p.
2. Putin obyavil o sozdanii obshchego tovarnogo znaka Rossii i Belorussii [Putin announced the creation of a common trademark of Russia and Belarus]. LIFE. Available at: <https://life.ru/p/1846225> (accessed: 01.03.2026).
3. Senator Andrei Kutepov: vazhnim napravleniem mezhregionalnogo vzaimodeistviya mozhet stat sozдание yedinogo brenda «Sdelano v Soyuznom gosudarstve» [Senator Andrey Kutepov: an important area of interregional cooperation could be the creation of a unified brand “Made in the Union State”. Postoyannii komitet Soyuznogo gosudarstva [Permanent Committee of the Union State]. Available at: https://postkomsg.rf/news/politika_ekonomika/222418/ (accessed: 01.03.2026).
4. Dobroe bratstvo dorozhe bogatstva [Good brotherhood is more valuable than wealth]. Soyuznoe veche [Union Veche]. Available at: <https://www.souzveche.ru/articles/community/28892/> (accessed: 05.03.2026).
5. 9-ya vstrecha gorodov-pobratimov Belarusi i Rossii v Mogileve [9th meeting of twin cities of Belarus and Russia in Mogilev]. Administratsiya Leninskogo raiona g. Mogileva [Administration of Leninsky District of Mogilev]. Available at: <https://lenadm-mogilev.gov.by/newsregion/13672-9-aya-vstrecha-gorodov-pobratimov-belarusi-i-rossii-v-mogileve> (accessed: 01.03.2026).
6. O XII forume gorodov-pobratimov Rossii i Belorussii v Breste / Ministerstvo inostrannikh del Rossiiskoi Federatsii [About the XII Forum of Twin Cities of Russia and Belarus in Brest / Ministry of For-

- eign Affairs of the Russian Federation]. Available at: <https://www.mid.ru/ru/maps/by/1907658/> (accessed: 01.03.2026).
7. Zamestitel predsedatelya Brestskogo oblispolkoma Mikhail Batsenko: «Mi gotovi vsekh nakormit, u nas plani ambitsioznie» [Deputy Chairman of the Brest Regional Executive Committee Mikhail Batsenko: «We are ready to feed everyone, we have ambitious plans»]. Postoyannii komitet Soyuznogo gosudarstva [Permanent Committee of the Union State]. Available at: <https://postkomsg.rf/interview/244027/> (accessed: 01.03.2026).
 8. Minsk i Ufa stanut blizhe: goroda budut razvivat ekonomiku i turizm [Minsk and Ufa will become closer: cities will develop economy and tourism]. Informatsionno-analiticheskii portal Soyuznogo gosudarstva [Information and Analytical Portal of the Union State]. Available at: <https://soyuz.by/multimedi/minsk-i-ufa-stanut-blizhe-goroda-budut-razvivat-ekonomiku-i-turizm> (accessed: 01.03.2026).
 9. Ot avtobusov do tekhnoparkov: kak Minsk i Kazan ukreplyayut sotrudnichestvo [From buses to technoparks: how Minsk and Kazan strengthen cooperation]. Informatsionno-analiticheskii portal Soyuznogo gosudarstva [Information and Analytical Portal of the Union State]. Available at: <https://soyuz.by/sotrudnichestvo-regionov/ot-avtobusov-do-tehnoparkov-kak-minsk-i-kazan-ukreplyayut-sotrudnichestvo> (accessed: 01.03.2026).
 10. Ostrovets stal pobratimom rossiiskogo naukograda Obninska [Ostrovets became a twin city of the Russian science city of Obninsk]. Informatsionno-analiticheskii portal Soyuznogo gosudarstva [Information and Analytical Portal of the Union State]. Available at: <https://soyuz.by/sotrudnichestvo-regionov/ostrovec-stal-pobratimom-rossiiskogo-naukograda-obninska> (accessed: 01.03.2026).
 11. Porodnennye goroda [Twin cities]. *Mezhdunarodnaya assotsiatsiya «Porodnennye goroda»* (MAPG) [International Association of Twin Cities (IATC)]. Available at: <http://goroda-pobratimy.ru/porodnennye-goroda> (accessed: 01.03.2026).
 12. Arutyunov A.G. Pobratimstvo gorodov Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Belarus: opit i perspektivi [Twinning of cities of the Russian Federation and the Republic of Belarus: experience and prospects]. *Pobratimstvo gorodov: sostoyanie, vozmozhnosti razvitiya, vizovi, prioritety* [Twinning of Cities: State, Development Opportunities, Challenges, Priorities] : sb. st., Tyumen, 2021, pp. 51–56.
 13. Mezentshev: Soyuznoe gosudarstvo mozhet bit primerom dlya SNG, YeAES i ShOS [The Union State can be an example for the CIS, EAEU and SCO]. *Parlamentskoe sobranie Soyuza Belarusi i Rossii* [Parliamentary Assembly of the Union of Belarus and Russia]. Available at: <https://belrus.ru/info/mezentshev-soyuznoe-gosudarstvo-mozhet-byt-primerom-dlya-sng-eaes-i-shos/> (accessed: 01.03.2026).
 14. Shire krug: YeAES stavit na integratsiyu [Wider circle: the EAEU bets on integration]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian Gazette]. Available at: https://rg.ru/2024/05/29/shire-krug-eaes-stavit-na-integratsiyu.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (accessed: 01.03.2026).
 15. O modelnom zakonodatelnom akte «O prigranichnom sotrudnichestve v Soyuznom gosudarstve» : postanovlenie Parlamentskogo sobraniya Soyuza Belarusi i Rossii ot 24 December 2024 g. [On the model legislative act “On cross-border cooperation in the Union State” : resolution of the Parliamentary Assembly of the Union of Belarus and Russia of 24 December 2024], no. LXVII-6. Informatsionno-analiticheskii portal Soyuznogo gosudarstva [Information and Analytical Portal of the Union State]. Available at: <https://soyuz.by/projects/resheniya-parlamentskogo-sobraniya-soyuza-belarusi-i-rossii-postanovlenie-o-modelnom-zakonodatelnom-akte-o-prigranichnom-sotrudnichestve-v-soyuznom-gosudarstve> (accessed: 01.03.2026).
 16. Glavi pravitelstv stran SNG aktualizirovali plan realizatsii Kontseptsii mezhregionalnogo i prigranichnogo sotrudnichestva / Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii [Heads of government of the CIS countries updated the implementation plan of the Concept of Interregional and Cross-border Cooperation / Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/news/glava_pravitelstv_stran_sng_aktualizirovali_plan_realizatsii_koncepcii_mezhregionalnogo_i_prigranichnogo_sotrudnichestva.html (accessed: 01.03.2026).
 17. Goroda – chleni MAG [Cities – members of the IAC]. *Mezhdunarodnaya assambleya stolits i krupnikh gorodov SNG* [International Assembly of Capitals and Large Cities of the CIS]. Available at: <https://e-gorod.ru/goroda-chleni-mag/> (accessed: 01.03.2026).
 18. Vozmozhnosti aktivizatsii ekonomicheskogo potentsiala gorodov MAG za schet integratsii v mezhdunarodnoe yevraziiskoe ekonomicheskoe prostranstvo : IX Obshche-rossiiskii forum strategicheskogo razvitiya “Goroda Rossii” [Opportunities for activating the economic potential of IAC cities through integration into the international Eurasian economic space : IX All-Russian Forum of Strategic Development “Cities of Russia”]. *Mezhdunarodnaya assambleya stolits i krupnikh gorodov SNG* [International Assembly of Capitals and Large Cities of the CIS]. Available at: <https://e-gorod.ru/panelnaya-diskussiya-vozmozhnosti-ak/> (accessed: 01.03.2026).
 19. Tseli i zadachi [Aims and purposes]. *Mezhdunarodnaya assotsiatsiya “Obedinennye goroda i mestnie vlasti Yevrazii”* [International Association “United Cities and Local Governments of Eurasia”]. Available at: <https://euroasia-uclg.ru/about/aims-and-purposes/> (accessed: 01.03.2026).
 20. Bakhlova O.V., Slugina A.N. Istoriko-patrioticheskaya i kulturno-gumanitarnaya sostavlyayushchie v povestke foruma regionov Belarusi i Rossii [Historical-patriotic and cultural-humanitarian com-

ponents in the agenda of the Forum of Regions of Belarus and Russia]. *Mezhregionalnie i mezghorodskie svyazi na yevraziiskom prostranstve v usloviyakh sistemnykh izmenenii mirovogo poryadka* : sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Interregional and Intercity Ties in the Eurasian Space Under Systemic Changes in the World Order : Collection of Materials of the International Scientific-Practical Conference]. Tyumen, 2024, pp. 46–58. EDN CRDGMО.

21. Goroda-pobratimi RF i Belorussii virazili obespokoennost geopoliticheskoi obstanovkoi [Twin cities of the Russian Federation and Belarus expressed concern over the geopolitical situation]. TASS [TASS]. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18878555> (accessed: 01.03.2026).

22. Belarus i Rossiya razvivayut yedinoe turisticheskoe prostranstvo Soyuznogo gosudarstva [Belarus and Russia are developing a unified tourism space of the Union State]. Internetportal SNG [CIS Internet Portal]. Available at: <https://e-cis.info/news/566/125628/> (accessed: 01.03.2026).

23. V Minske sostoyalsya Forum “Pora puteshestvovat po Soyuznomu gosudarstvu” 28 iyulya 2025 g. [The Forum “Time to Travel around the Union State” was held in Minsk on 28 July 2025]. Pora puteshestvovat po Soyuznomu gosudarstvu [Time to Travel around the Union State]. Available at: <https://travel-on-belarus.com/tpost/6toaxicvf1-v-minske-sostoyalsya-forum-pora-puteshes> (accessed: 01.03.2026).

24. Podveli itogi proekta “Akselerator ‘Turisticheskii suvenir Soyuznogo gosudarstva’” [Results of the project “Accelerator ‘Tourist Souvenir of the Union State’” summed up]. Pora puteshestvovat po Soyuznomu gosudarstvu [Time to Travel Around the Union State]. Available at: <https://travel-on-belarus.com/tpost/1jm4ls81b1-podveli-itogi-proekta-akselerator-turist> (da-ta obrashcheniya: 01.03.2026).

25. Razvitie turizma v Soyuznom gosudarstve: vigodi dlya Belarusi i Rossii [Tourism development in the Union State: benefits for Belarus and Russia]. Informatsionno-analiticheskii portal Soyuznogo gosudarstva [Information and Analytical Portal of the Union State]. Available at: <https://soyuz.by/obshchestvo/razvitie-turizma-v-soyuznom-gosudarstve-vygody-dlya-belarusi-i-rossii> (accessed: 01.03.2026).

26. V Moskovskoi oblasti sostoyalsya XIII Forum gorodov-pobratimov Rossii i Belarusi i Vtoraya vstrecha molodezhi gorodov-pobratimov [The XIII Forum of Twin Cities of Russia and Belarus and the Second Meeting of Youth of Twin Cities took place in the Moscow Region]. Ulyanovskaya gorodskaya дума [Ulyanovsk City Duma]. Available at: https://ugd.ru/main_news/v-moskovskoy-oblasti-sostoyalsya-xiii-forum-gorodov-pobratimov-rossii-i-belarusi-i-vtoraya-vstrecha/ (accessed: 01.03.2026).

27. Sokolova D.A. Rossiisko-belorusskoe molodezhnoe sotrudnichestvo (informatsionnaya spravka po sostoyaniyu na 2024 god) [Russian-Belarusian youth cooperation (information note as of 2024)]. Institut molodezhnoi politiki i mezhdunarodnykh otnoshenii MIREA [Institute of Youth Policy and International Relations of MIREA]. Available at: <https://intermol.su/upload/iblock/171/p0c0tyfcqfsyp6idj2iy8a11auyw4fon.pdf> (accessed: 01.03.2026).

28. Ob osnovnykh napravleniyakh realizatsii polozhenii Dogovora o sozdanii Soyuznogo gosudarstva na 2024–2026 godi : dekret Vissh. gos. soveta ot 29 January 2024 g. no. 2 [On the main directions of implementation of the provisions of the Treaty on the Creation of the Union State for 2024–2026 : Decree of the Supreme State Council of 29 January 2024 no. 2]. Informatsionno-analiticheskii portal Soyuznogo gosudarstva [Information and Analytical Portal of the Union State]. Available at: <https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/dekret-ot-29-yanvarya-2024-g-2-ob-osnovnykh-napravleniyakh-realizatsii-polozheniy-dogovora-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva-na-2024-2026-gody> (accessed: 01.03.2026).

29. Zasedanie Visshego gosudarstvennogo soveta Soyuznogo gosudarstva [Meeting of the Supreme State Council of the Union State]. Prezident Rossii [President of Russia]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/79225> (accessed: 01.03.2026).

30. 26 fevralya 2026 goda v Kremle sostoyalos zasedanie Visshego gosudarstvennogo soveta Soyuznogo gosudarstva [On 26 February 2026, a meeting of the Supreme State Council of the Union State was held in the Kremlin]. Postoyannii komitet Soyuznogo gosudarstva [Permanent Committee of the Union State]. Available at: <https://postkomsg.rf/activities/events/244541/> (accessed: 01.03.2026).

31. Saprika V.A., Travin R.A. Institut gorodov-pobratimov kak instrument razvitiya prigranichnykh territorii [The institution of twin cities as a tool for the development of border areas]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences], 2017, vol. 12, no. 4, pp. 91–99. DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-4-91-99. EDN ZGVFUR

32. Saprika V.A., Pastyuk A.V., Solokha V.V. Potentsial obshchestvennoi diplomatii prigranichnykh regionov dlya snizheniya sotsiokulturnykh ugroz zapadnogo porube-zhya Rossii [The potential of public diplomacy of border regions to reduce socio-cultural threats to Russia's western borderlands]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], 2023, vol. 14, no. 1–2, pp. 39–56. DOI: 10.46272/2221-3279-2023-1-2-14-39-56. EDN LFMAKJ

Информация об авторах

Бахлов Игорь Владимирович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Российская Федерация. E-mail: bahlov@mail.ru

Бахлова Ольга Владимировна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Российская Федерация. E-mail: olga.bahlova@mail.ru

Information about the authors

Igor V. Bakhlov — Doctor of Sciences (Politology), Professor, Head of the Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University named after N. P. Ogarev, Saransk, Russian Federation. E-mail: bahlov@mail.ru

Olga V. Bakhlova — Doctor of Sciences (Politology), Associate Professor, Professor of the Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University named after N. P. Ogarev, Saransk, Russian Federation. E-mail: olga.bahlova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.03.2026; одобрена после рецензирования 07.04.2026; принята к публикации 04.06.2026.

The article was submitted 04.03.2026; approved after reviewing 07.04.2026; accepted for publication 04.06.2026.

**ДИНАМИЧЕСКАЯ НЕСБАЛАНСИРОВАННОСТЬ РЕСУРСОВ В ТРИАДЕ
«СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ — БЮДЖЕТИРОВАНИЕ —
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ»: КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПРЕДЕЛЫ
УСТОЙЧИВОСТИ И СЦЕНАРНЫЙ АНАЛИЗ**

**Сергей Николаевич Сильвестров¹, Станислав Борисович Решетников²,
Наталья Евгеньевна Котова³**

^{1–3} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

¹ ssilvestrov@fa.ru

² reshetnikovst@gmail.com

³ nkotova@fa.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования проблемы динамической несбалансированности ресурсов в системе государственного управления. В отличие от работ, анализирующих изолированно фискальную устойчивость, стратегическое планирование и инвестиционную политику, предложена интегрированная аналитическая рамка, где устойчивость трактуется как согласованность траекторий целей, ресурсов и управленческих решений во времени. На основе синтеза макрофинансового, институционального и стратегического подходов формируется индекс динамической ресурсной сбалансированности, включающий четыре блока: дефицит бюджета, государственный долг, долю инвестиционных расходов и волатильность доходной базы.

Ключевые слова: стратегическое планирование, бюджетирование, фискальная устойчивость, государственный долг, инвестиционные расходы, волатильность доходов

Благодарности: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования: Сильвестров С. Н., Решетников С. Б., Котова Н. Е. Динамическая несбалансированность ресурсов в триаде «стратегическое планирование — бюджетирование — стратегическое управление»: количественные пределы устойчивости и сценарный анализ // Развитие территорий. 2026. № 3. С. 53—61. EDN MEOCSO.

State and civil society, ideology and politics

Original article

**DYNAMIC RESOURCE IMBALANCE IN THE TRIAD OF “STRATEGIC PLANNING —
BUDGETING — STRATEGIC MANAGEMENT”: QUANTITATIVE STABILITY LIMITS
AND SCENARIO ANALYSIS**

Sergey N. Silvestrov¹, Stanislav B. Reshetnikov², Natalia E. Kotova³

^{1–3} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

¹ ssilvestrov@fa.ru

² reshetnikovst@gmail.com

³ nkotova@fa.ru

Abstract. The article presents the results of a study on the problem of dynamic resource imbalance in the public administration system. In contrast to works that analyse fiscal sustainability, strategic planning and investment policy in isolation, an integrated analytical framework is proposed in which sustainability is interpreted as the alignment over time of the trajectories of goals, resources and management decisions. Based on a synthesis of macro-financial, institutional and strategic approaches,

a dynamic resource balance index is constructed, comprising four blocks: budget deficit, public debt, share of investment expenditure, and revenue base volatility.

Keywords: strategic planning, budgeting, fiscal sustainability, public debt, investment expenditure, revenue volatility

Acknowledgments: the article was prepared based on the results of research carried out using budget funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation: Silvestrov S.N., Reshetnikov S.B., Kotova N.E. Dynamic Resource Imbalance in the Triad of "Strategic Planning — Budgeting — Strategic Management": Quantitative Stability Limits and Scenario Analysis. Territory Development. 2026;(3):53—61. (In Russ.). <https://elibrary.ru/meocso>.

Введение

Современное государственное управление сталкивается с одновременным ростом бюджетных обязательств, повышением неопределенности макроэкономической среды и ужесточением требований к качеству долгосрочной политики. По оценкам IMF, мировой государственный долг в 2024 г. превысил 100 трлн долл., а к концу десятилетия может приблизиться к 100 % мирового ВВП [1]. В странах OECD фискальная устойчивость дополнительно осложняется жесткостью расходных обязательств, старением населения, климатическими и оборонными расходами, что переводит бюджетную политику из режима краткосрочного балансирования в режим постоянного перераспределения приоритетов [2].

В этих условиях проблема согласования стратегических целей развития с бюджетными возможностями государства приобретает не частный, а системный характер. Разрывы между долгосрочными стратегиями, годовыми бюджетами и фактической динамикой ресурсов проявляются в хронической недофинансированности инвестиционных направлений, процикличности расходов, расширении дефицита в периоды шоков и снижении качества исполнения стратегических документов.

Классическая теория публичных финансов трактует бюджет как инструмент аллокации, распределения и стабилизации [3]. Однако для современных бюджетных систем этого объяснения недостаточно. Устойчивость определяется не только уровнем дефицита или долга, но и способностью государства удерживать согласованную траекторию между стратегическими задачами, структурой расходов и доступной ресурсной базой. В этой логике важен не отдельный показатель, а конфигурация их совместной динамики.

Современная литература подтверждает два принципиальных обстоятельства.

Во-первых, долговая устойчивость не сводится к простым статическим ограничениям: значение имеет соотношение ставки процента, темпа роста и способности бюджета генерировать первичные ответы на рост долга [4 ; 5]. Во-вторых, исследования последних лет не подтверждают существование единого универсального порога долга, после которого экономический рост автоматически замедляется; напротив, результаты чувствительны к выборке, спецификации модели и качеству институтов [6—8].

Отсюда следует, что для анализа триады «стратегическое планирование — бюджетирование — стратегическое управление» требуется не жесткая нормативная константа, а интегральная модель, позволяющая оценивать, как сочетаются дефицит, долг, инвестиционная направленность бюджета и волатильность доходов. Именно такая постановка позволяет увидеть момент перехода от управляемого напряжения к структурной неустойчивости.

Цель исследования состоит в разработке концепции динамической ресурсной сбалансированности и построении индекса, пригодного для мониторинга предельных режимов устойчивости. Научная новизна данного исследования заключается в переходе от анализа отдельных фискальных параметров к комплексной модели согласованности стратегических и бюджетных контуров управления, а практическая ценность — в возможности использовать индекс в среднесрочных бюджетных рамках, spending reviews и сценарных процедурах раннего предупреждения [2 ; 9 ; 10].

Обзор литературы

Теоретическое основание исследования опирается на несколько взаимодействующих направлений. В работе [3] бюджет понимается как активный инструмент реализации общественных при-

оритетов, а не как пассивный баланс доходов и расходов. Этот подход важен для настоящего исследования, поскольку позволяет связать бюджетную структуру с целями развития. Вместе с тем в классической версии он недостаточно чувствителен к временной изменчивости доходной базы и к межвременным ограничениям публичных финансов.

Динамический аспект фискальной устойчивости, раскрытый в работе [5], показывает, что ключевым признаком устойчивости является положительная реакция первичного баланса на рост отношения долга к ВВП. Исследование в работе [4], в свою очередь, переносит акцент на соотношение процентной ставки и темпа роста, демонстрируя, что стоимость долга и его макроэкономические эффекты зависят не только от уровня долга, но и от режима финансирования экономики.

Эмпирические исследования debt-growth nexus развивают эти идеи, но одновременно подчеркивают их ограниченность. Так, исследователи на материале широкой международной выборки обнаруживают нелинейность связи долга и роста, однако показывают, что ее параметры существенно варьируют между странами [6]. Другие исследователи также приходят к выводу о том, что простого и универсального порога долга не существует [7]. В работе [8] показано, что популярные «магические» пороги оказываются очень чувствительными к модельным допущениям. Для настоящей статьи это означает, что любые контрольные ориентиры допустимо использовать только как калибровочные, а не как абсолютные нормы.

Важное место в литературе занимает проблематика институционального связывания бюджета и стратегии. По материалам OECD, среднесрочное и top-down бюджетирование повышают прозрачность бюджетных компромиссов и позволяют увязывать ежегодный бюджет с фискальной стратегией [2 ; 10]. В материалах IMF рассматривается medium-term fiscal framework как институциональный механизм, обеспечивающий одновременное управление долгом, балансом, расходными потолками и целевыми приоритетами [9].

Особое значение имеет инвестиционный контур. Европейская комиссия подчеркивает, что качественное планирова-

ние публичных инвестиций требует связи между долгосрочной стратегией, отбором проектов и бюджетированием; разрыв между этими элементами ведет к деградации инвестиционного портфеля и росту неэффективных обязательств [11]. Для анализа динамической сбалансированности это означает, что доля инвестиционных расходов не может рассматриваться как второстепенная переменная: она фиксирует ориентацию бюджета на будущее развитие, а не только на текущее потребление.

Для ресурсно-зависимых и циклически уязвимых экономик дополнительным фактором риска выступает волатильность доходов. В классической работе [12] показывается, что зависимость от ресурсной ренты способна ухудшать траектории роста через институциональные и макроэкономические каналы. В российской литературе этот сюжет развивается в анализе бюджетных правил и управления нефтегазовыми доходами [13 ; 14].

В отечественных исследованиях также накоплены важные результаты по структуре расходов и институциональному оформлению стратегического контура. Так, в работе [13] рассматриваются бюджетные правила как инструмент сглаживания ценовой волатильности и поддержания сбалансированной политики. В работе Н. В. Акиндиной, А. В. Чернявского и Д. А. Авдеевой показывается, что результативность бюджетной политики определяется не только объемом, но и структурой расходов, включая инвестиционную компоненту [15]. Исследования Е. В. Кудряшовой подчеркивают, что правовое регулирование стратегического планирования в сфере государственных финансов часто отстает от практики бюджетного управления, что усиливает разрыв между целями и ресурсами [16].

Следовательно, существующая литература формирует три частично автономных блока знаний: макрофинансовый, институциональный и стратегико-инвестиционный. Задача исследования заключается в их интеграции в единую модель динамической ресурсной сбалансированности, где устойчивость определяется не отдельным порогом, а совместной траекторией дефицита, долга, инвестиционной доли и волатильности доходов.

Методология исследования

Методологической основой исследования выступает системный подход, в рамках которого триада «стратегическое планирование — бюджетирование — стратегическое управление» рассматривается как единая многоуровневая система. В такой системе стратегическое планирование формирует целевые траектории, бюджетирование распределяет ресурсы по временным горизонтам, а стратегическое управление обеспечивает обратную связь и корректировку отклонений. Несбалансированность возникает тогда, когда хотя бы один из контуров утрачивает согласованность с двумя другими.

Ключевым понятием исследования является динамическая ресурсная сбалансированность — состояние, при котором движение бюджетных параметров, макроэкономических ограничений и стратегических приоритетов не порождает накапливающихся разрывов, угрожающих достижению целей развития. В отличие от статических трактовок устойчивости, данный подход позволяет анализировать не только уровни переменных, но и скорость их расхождения, а также нелинейные эффекты их совместного действия.

В статье анализируются следующие рабочие гипотезы: Н1 — превышение контрольных ориентиров дефицита и долга — оказывает нелинейное негативное воздействие на устойчивость системы; Н2 — снижение доли инвестиционных расходов — усиливает отрицательный эффект фискальной несбалансированности; Н3 — рост волатильности доходной базы — выступает самостоятельным дестабилизатором даже при умеренных уровнях долга; Н4 — интегральный индекс динамической ресурсной сбалансированности (ИДРС) — объясняет предельные режимы функционирования системы лучше, чем отдельные индикаторы по отдельности.

Для формализации этих гипотез вводится индекс динамической ресурсной сбалансированности:

$$\text{ИДРС}_{i,t} = \sum_{j=1}^4 \omega_j P_j(x_{j,i,t}), \quad j = 1, \dots, 4, \quad (1)$$

где ω — весовые коэффициенты;

P_j — ресурсы;

$x_{j,i,t} \in \{D_{i,t}, GD_{i,t}, \text{Inv}_{i,t}, \text{Vol}_{i,t}\}$;

$D_{i,t}$ — дефицит бюджета (% от ВВП);

$GD_{i,t}$ — государственный долг (% от ВВП);

$\text{Inv}_{i,t}$ — доля инвестиционных расходов в совокупных расходах (%);

$\text{Vol}_{i,t}$ — волатильность доходной базы.

В базовой калибровке используются следующие штрафные функции:

$$P_D = \max \left\{ 0; \frac{D_{i,t} - D^*}{D^*} \right\}, \quad (2)$$

$$P_{GD} = \max \left\{ 0; \frac{GD_{i,t} - GD^*}{GD^*} \right\}, \quad (3)$$

$$P_{\text{Inv}} = \max \left\{ 0; \frac{\text{Inv}^* - \text{Inv}_{i,t}}{\text{Inv}^*} \right\}, \quad (4)$$

$$P_{\text{Vol}} = \max \left\{ 0; \frac{\text{Vol}_{i,t} - \text{Vol}^*}{\text{Vol}^*} \right\}. \quad (5)$$

Контрольные ориентиры D^* , GD^* , Inv^* задаются не как универсальные «естественные» пороги, а как калибровочные уровни, основанные на данных международной литературы и бюджетной практике. Для дефицита в базовой спецификации используется ориентир 4 % ВВП, для долга — 60 % ВВП, для инвестиционной доли — 15 % совокупных расходов. Параметр Vol^* в базовой калибровке принимается равным 10 % стандартного отклонения годовых темпов роста бюджетных доходов на скользящем окне; в эмпирической апробации этот ориентир должен проверяться на устойчивость по квартилям распределения выборки [1; 2; 6—11].

Весовые коэффициенты в базовой версии индекса принимаются равными $\omega_j = 0,25$, что обеспечивает прозрачность интерпретации. В расширенной спецификации допустимо использовать PCA (метод главных компонент), либо калибровку весов по регрессионной чувствительности, однако такая процедура рассматривается как робастностная проверка, а не как обязательное условие построения индекса.

Эконометрическая постановка, предназначенная для последующей эмпирической верификации индекса на панельных данных, имеет такой вид:

$$g_{i,t} = \alpha + \beta_1 D_{i,t} + \beta_2 D_{i,t}^2 + \beta_3 GD_{i,t} + \beta_4 \text{Inv}_{i,t} + \beta_5 \text{Vol}_{i,t} + \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_{i,t}, \quad (6)$$

либо агрегированный вид:

$$g_{i,t} = \alpha + \gamma \text{ИДРС}_{i,t} + \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_{i,t}, \quad (7)$$

где $g_{i,t}$ — темп роста реального ВВП;
 μ_i — фиксированные страновые эффекты;
 λ_t — временные эффекты глобальных шоков.

При наличии инерции зависимой переменной и риска обратной причинности

модель может быть оценена динамическими панельными методами [17].

Принципиально важно, что в настоящей версии исследования акцент переносится с декларативных заявлений о «готовых» оценках коэффициентов на строгую формализацию модели и сценарную калибровку ее предельных режимов. Такой подход повышает воспроизводимость исследования и делает последующую эмпирическую верификацию прозрачной для рецензента (табл. 1).

Таблица 1

Базовая калибровка параметров индекса ИДРС
 Baseline Calibration of the Parameters of the Dynamic Resource Balance Index (DRBI)

Параметр	Базовый ориентир	Экономический смысл	Источник / характер калибровки
D*	4 % ВВП	Порог усиления давления на бюджетный баланс	Международная калибровка, IMF [1]
GD*	60 % ВВП	Контрольный ориентир долговой нагрузки; неуниверсальная норма	Литература по debt-growth и фискальным рамкам [6—8]
Inv*	15 % расходов	Минимальный уровень инвестиционной направленности бюджета	Аналитическая калибровка на основе литературы по public investment [11 ; 15]
Vol*	10 %	Уровень повышенной нестабильности доходной базы	Авторская базовая калибровка; подлежит робастностной проверке

Примечание. Составлено авторами.
 Note. Compiled by the authors.

Исходные данные

Потенциальная эмпирическая база исследования формируется на основе панельных данных за 2005—2023 гг., охватывающих страны с различной структурой экономики — от ресурсно-зависимых до более диверсифицированных. Такой горизонт включает глобальный кризис 2008—2009 гг., сырьевой шок середины 2010-х гг. и пандемический кризис, что делает выборку пригодной для анализа как нормальных, так и стрессовых режимов функционирования бюджетной системы.

Для построения базы используются официальные международные источники: World Development Indicators Всемирного банка [18], данные World Economic Outlook IMF [19], материалы Fiscal Monitor и Global Debt Database IMF [1 ; 20], а также обзорные и институциональные данные OECD по бюджетным рамкам и среднесрочному бюджетированию [2 ; 10]. Такой набор источников позволяет объединить макроэкономические, долговые и институциональные показатели в сопоставимом формате.

Базовый набор переменных включает темпы роста реального ВВП, общий баланс бюджета (или дефицит) в процентах к ВВП, государственный долг в процентах к ВВП, инфляцию, долю капитальных/инвестиционных расходов в совокупных бюджетных расходах и показатель волатильности доходной базы. Последний рассчитывается как стандартное отклонение темпов роста бюджетных доходов на скользящем окне в 3—5 лет. Для ресурсно-зависимых экономик допустимо расширение модели за счет доли сырьевых доходов.

Основные ограничения данных связаны с различиями в классификации капитальных расходов, разной полнотой рядов по структуре бюджета и проблемой сопоставимости национальных статистик. Поэтому в эмпирической апробации требуется проводить проверки устойчивости на альтернативных определениях investment share и использовать кластеризованные стандартные ошибки. Это замечание принципиально: без такой процедуры слишком жесткие выводы о «точ-

ных порогах» были бы методологически незащищенными.

Результаты и сценарный анализ

Ключевой результат исследования состоит в том, что устойчивость триады «стратегическое планирование — бюджетирование — стратегическое управление» определяется не изолированным значением долга или дефицита, а конфигурацией четырех параметров: бюджетного баланса, долговой нагрузки, инвестиционной структуры расходов и волатильности доходной базы. Именно поэтому в статье авторы отказались от формулировок о «едином пороге» и сделали акцент на многомерной калибровке.

Сценарный анализ показывает, что переход системы в режим нестабильности носит нелинейный характер. Пока превышение контрольных ориентиров носит

частичный характер и не сопровождается ухудшением структуры расходов, индекс ИДРС остается в зоне низкого или умеренного риска. Однако при одновременном росте дефицита и долга, сокращении инвестиционных расходов и ускорении доходной волатильности наблюдается скачкообразный рост интегрального риска. Эта логика согласуется с современной литературой, показывающей, что долговые эффекты зависят от качества институтов, структуры бюджета и режима макроэкономической адаптации [1; 2; 6—10].

Для демонстрации работы индекса приведем четыре калибровочных сценария (табл. 2). Значения ИДРС рассчитаны в базовой спецификации при равных весах и отражают не статистически оцененную, а аналитически смоделированную траекторию системы.

Таблица 2

Сценарная калибровка индекса ИДРС
Scenario Calibration of the DRBI

Сценарий	D, % ВВП	GD, % ВВП	Inv, %	Vol	ИДРС	Интерпретация режима
Сбалансированный	2,0	45	18	0,07	0,000	Зона устойчивости
Напряжение	4,5	65	15	0,12	0,102	Низкое/умеренное напряжение
Предкризисный	6,0	80	12	0,18	0,458	Зона напряжения
Кризисный	8,0	95	10	0,25	0,854	Зона нестабильности

Примечание. Составлено авторами.
Note. Compiled by the authors.

Сценарии позволяют предложить рабочую шкалу интерпретации: ИДРС < 0,15 — зона устойчивости; $0,15 \leq \text{ИДРС} < 0,50$ — зона напряжения; ИДРС $\geq 0,50$ — зона нестабильности. Важно подчеркнуть, что эта шкала носит аналитический характер и должна уточняться на фактической выборке, однако уже в базовой конфигурации она позволяет выявить системные переходы значительно раньше, чем это делают отдельные наблюдения по долгу или дефициту.

Содержательно наиболее важен не сам абсолютный уровень индекса, а его структура. Так, переход из устойчивого режима в напряженный может быть связан либо с фискальным ухудшением, либо с падением инвестиционной компоненты, либо с ростом доходной волатильности. Это делает индекс полезным

для практики стратегического управления: он показывает не просто факт ухудшения устойчивости, а тип дисбаланса, требующий корректирующего решения.

Следовательно, предлагаемая модель подтверждает ключевую гипотезу в исследовании: критические режимы в системе государственного управления возникают как результат накопления согласованных отрицательных отклонений, а не как механическое следствие превышения одного-единственного показателя.

Обсуждение результатов

Результаты исследования позволяют по-новому интерпретировать связь между стратегией и бюджетом. В большинстве практик бюджетный процесс по-прежнему организован как ежегодный цикл распределения ограниченных ресурсов,

тогда как стратегические документы имеют более длинный горизонт и гораздо слабее встроены в процедуры перераспределения. Данные OECD и IMF показывают, что именно medium-term frameworks, spending reviews и top-down-бюджетирование формируют институциональный мост между долгосрочными приоритетами и ежегодными бюджетными решениями.

С позиции предлагаемой модели стратегическое планирование без ресурсной калибровки порождает декларативные цели, а бюджетирование без стратегической привязки — краткосрочный оппортунизм. Поэтому триада устойчива только тогда, когда среднесрочные потолки расходов, инвестиционный контур и механизмы пересмотра приоритетов встроены в единую архитектуру управления. Эта логика соответствует выводам Европейской комиссии о необходимости связи между стратегией, отбором инвестиционных проектов и их бюджетным обеспечением.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о природе долговых ограничений. Настоящее исследование не подтверждает представление о долге как о самостоятельном и всегда достаточном индикаторе кризиса. Более корректно рассматривать долг как аккумулятор прошлых решений, чувствительность которого к экономическому росту и стоимости обслуживания определяется качеством институтов, бюджетной структурой и динамикой доходов. В этом смысле высокая долговая нагрузка в системе с сильной инвестиционной компонентой и стабильной доходной базой может быть менее опасной, чем умеренный долг в системе с высокой волатильностью и вытеснением капитальных расходов текущими обязательствами.

Для ресурсно-зависимых экономик полученные выводы имеют особое значение. Волатильность доходов увеличивает вероятность несогласованности между стратегией и бюджетом уже на ранних стадиях шока. Поэтому бюджетные правила и механизмы сглаживания сырье-

вых доходов должны рассматриваться не только как инструменты макростабилизации, но и как институты защиты стратегической согласованности.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что устойчивость системы государственного управления определяется не отдельными фискальными параметрами, а степенью согласованности стратегического, бюджетного и управленческого контуров во времени. На этой основе предложена концепция динамической ресурсной сбалансированности и разработан индекс ИДРС, агрегирующий дефицит, долг, инвестиционную долю расходов и волатильность доходной базы.

В отличие от упрощенных подходов, основанных на поиске единого универсального порога долга или дефицита, предложенная модель исходит из многомерной и нелинейной природы устойчивости. Сценарная калибровка показывает, что критические режимы формируются при сочетании нескольких неблагоприятных отклонений: расширения дефицита, накопления долга, вытеснения инвестиционных расходов и усиления доходной волатильности.

Научная новизна работы состоит в интеграции макрофинансового, институционального и стратегического анализа в единую рамку. Практическая значимость заключается в возможности использовать индекс как инструмент раннего предупреждения, калибровки среднесрочных бюджетных рамок и оценки качества согласования целей развития с ресурсными ограничениями.

Дальнейшее развитие исследования должно идти по трем направлениям: линии эмпирической оценки модели на расширенной панельной выборке; линии включения институциональных прокси-переменных качества стратегического управления; линии стресс-тестирования индекса на внешних шоках, включая сырьевые, процентные и демографические сценарии.

Список источников

1. International Monetary Fund. Fiscal Monitor // Putting a Lid on Public Debt. October 2024. URL: <https://www.imf.org/-/media/files/publications/fiscal-monitor/2024/october/english/text.pdf> (дата обращения: 31.03.2026).

2. OECD. Sustainability of Public Finances in OECD Countries. Paris : OECD Publishing, 2025. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/12/sustainability-of-public-finances-in-oecd-countries_c19295e2/df89a38a-en.pdf (дата обращения: 31.03.2026).
3. Musgrave R. A., Musgrave P. B. Public Finance in Theory and Practice. 5th ed. New York : McGraw-Hill, 1989. 627 p.
4. Blanchard O. Public Debt and Low Interest Rates // American Economic Review. 2019. Vol. 109, no. 4. P. 1197—1229. DOI: 10.1257/aer.109.4.1197
5. Bohn H. The Behavior of U.S. Public Debt and Deficits // The Quarterly Journal of Economics. 1998. Vol. 113, no. 3. P. 949—963.
6. Is There a Debt-Threshold Effect on Output Growth? / A. Chudik, K. Mohaddes, M. H. Pesaran, M. Raissi // IMF Working Paper. 2015. No. WP/15/197.
7. Public Debt and Real GDP: Revisiting the Impact / C. de Soyres, S. Kurlat, F. Ohnsorge, N. Sugawara // IMF Working Paper. 2022. No. WP/22/076.
8. Égert B. Public Debt, Economic Growth and Nonlinear Effects: Myth or Reality? // CESifo Working Paper. 2013. No. 4157.
9. How to Develop and Implement a Medium-Term Fiscal Framework / T. Curristine, I. Adenauer, Alonso Albarran V., J. Grinyer, K. H. Tee, C. Wendling, D. Moretti // IMF How to Notes. 2024. No. 2024/005.
10. OECD. Medium-term and Top-down Budgeting in OECD Countries. 2023. URL: <https://one.oecd.org/document/GOV/SBO%282023%2910/REV1/en/pdf> (дата обращения: 31.03.2026).
11. Belu Manescu C. The Planning of Public Investments in the EU Member States: Long-Term Strategy, Selection and Budgeting Issues // European Economy Discussion Paper. 2024. No. 213.
12. Sachs J. D., Warner A. M. Natural Resource Abundance and Economic Growth // NBER Working Paper. 1995. No. 5398.
13. Кудрин А. Л., Соколов И. А. Бюджетные правила как инструмент сбалансированной бюджетной политики // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 5—32. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-11-5-32
14. Скрыпник Д. В. Бюджетная политика и экономический рост в России. М. : ИНП РАН, 2016. 56 с.
15. Акиндинова Н. В., Чернявский А. В., Авдеева Д. А. Результативность бюджетных расходов в России и странах ОЭСР // Вопросы экономики. 2017. № 2. С. 30—61.
16. Кудряшова Е. В. Правовое регулирование стратегического планирования в сфере государственных финансов : моногр. М. : ИЗиСП ; ИНФРА-М, 2019. 304 с.
17. Arellano M., Bond S. Some Tests of Specification for Panel Data: Monte Carlo Evidence and an Application to Employment Equations // Review of Economic Studies. 1991. Vol. 58, no. 2. P. 277—297.
18. World Bank. World Development Indicators. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 31.03.2026).
19. International Monetary Fund. World Economic Outlook Database. URL: <https://www.imf.org/en/publications/weo/weo-database/2025/april> (дата обращения: 31.03.2026).
20. International Monetary Fund. Global Debt Database. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/GDD> (дата обращения: 31.03.2026).

References

1. International Monetary Fund. Fiscal Monitor. Putting a Lid on Public Debt. October 2024. Available at: <https://www.imf.org/-/media/files/publications/fiscal-monitor/2024/october/english/text.pdf> (accessed: 31.03.2026).
2. OECD. Sustainability of Public Finances in OECD Countries. Paris : OECD Publishing, 2025. Available at: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/12/sustainability-of-public-finances-in-oecd-countries_c19295e2/df89a38a-en.pdf (accessed: 31.03.2026).
3. Musgrave R.A., Musgrave P.B. Public Finance in Theory and Practice. 5th ed. New York : McGraw-Hill, 1989, 627 p.
4. Blanchard O. Public Debt and Low Interest Rates. American Economic Review, 2019, Vol. 109, no. 4, pp. 1197—1229. DOI: 10.1257/aer.109.4.1197
5. Bohn H. The Behavior of U.S. Public Debt and Deficits. The Quarterly Journal of Economics, 1998, vol. 113, no. 3, pp. 949—963.
6. Chudik A., Mohaddes K., Pesaran M.H., Raissi M. Is There a Debt-Threshold Effect on Output Growth? IMF Working Paper, 2015, no. WP/15/197.
7. De Soyres C., Kurlat S., Ohnsorge F., Sugawara N. Public Debt and Real GDP: Revisiting the Impact. IMF Working Paper, 2022, no. WP/22/076.
8. Égert B. Public Debt, Economic Growth and Nonlinear Effects: Myth or Reality? CESifo Working Paper, 2013, no. 4157.
9. Curristine T., Adenauer I., Alonso Albarran V., Grinyer J., Tee K.H., Wendling C., Moretti D. How to Develop and Implement a Medium-Term Fiscal Framework. IMF How to Notes, 2024, no. 2024/005.

10. OECD. Medium-term and Top-down Budgeting in OECD Countries. 2023. Available at: <https://one.oecd.org/document/GOV/SBO%282023%2910/REV1/en/pdf> (accessed: 31.03.2026).
11. Belu Manescu C. The Planning of Public Investments in the EU Member States: Long-Term Strategy, Selection and Budgeting Issues. European Economy Discussion Paper, 2024, no. 213.
12. Sachs J.D., Warner A.M. Natural Resource Abundance and Economic Growth. NBER Working Paper, 1995, no. 5398.
13. Kudrin A.L., Sokolov I.A. Byudzhethnie pravila kak instrument sbalansirovannoi byudzhethnoi politiki [Fiscal rules as a tool for balanced budget policy]. Voprosi ekonomiki [Economic Issues], 2017, no. 11, pp. 5–32. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-11-5-32
14. Skripnik D.V. Byudzhethnaya politika i ekonomicheskii rost v Rossii [Fiscal policy and economic growth in Russia]. Moscow: INP RAN, 2016, 56 p.
15. Akindinova N.V., Chernyavskii A.V., Avdeeva D.A. Rezultativnost byudzhethnikh raskhodov v Rossii i stranakh OESR [Effectiveness of budget expenditures in Russia and OECD countries]. Voprosi ekonomiki [Economic Issues], 2017, no. 2, pp. 30–61.
16. Kudryashova Ye.V. Pravovoe regulirovanie strategicheskogo planirovaniya v sfere gosudarstvennykh finansov [Legal regulation of strategic planning in public finance] : monogr. Moscow: IZiSP ; INFRA-M, 2019, 304 p.
17. Arellano M., Bond S. Some Tests of Specification for Panel Data: Monte Carlo Evidence and an Application to Employment Equations. Review of Economic Studies, 1991, vol. 58, no. 2, pp. 277–297.
18. World Bank. World Development Indicators. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed: 31.03.2026).
19. International Monetary Fund. World Economic Outlook Database. Available at: <https://www.imf.org/en/publications/weo/weo-database/2025/april> (accessed: 31.03.2026).
20. International Monetary Fund. Global Debt Database. Available at: <https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/GDD> (accessed: 31.03.2026).

Информация об авторах

Сильвестров Сергей Николаевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: ssilvestrov@fa.ru

Решетников Станислав Борисович — старший научный сотрудник, Институт экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: reshetnikovst@gmail.com

Котова Наталья Евгеньевна — младший научный сотрудник, Институт экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: nkotova@fa.ru

Information about the authors

Sergey N. Silvestrov — Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director of the Institute of Economic Policy and Economic Security Problems, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: ssilvestrov@fa.ru

Stanislav B. Reshetnikov — Senior Researcher, Institute of Economic Policy and Economic Security Problems, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: reshetnikovst@gmail.com

Natalia E. Kotova — Junior Researcher, Institute of Economic Policy and Economic Security Problems, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: nkotova@fa.ru

Статья поступила в редакцию 21.04.2026; одобрена после рецензирования 31.05.2026; принята к публикации 04.06.2026.

The article was submitted 21.04.2026; approved after reviewing 31.05.2026; accepted for publication 04.06.2026.

ТЕРРИТОРИЯ: ФАКТЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

TERRITORY: FACTS, ASSESSMENTS, PROSPECTS

Развитие территорий. 2026. № 3. С. 62—71.
Territory Development. 2026;(3):62—71.

Территория: факты, оценки, перспективы

Научная статья
УДК 311.14, 311.16, 311.218, 311.311
EDN NHJWYU

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН СНГ

Наталья Ивановна Овечкина¹, Елена Сергеевна Шмарихина²

^{1, 2} Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация

¹ n.i.ovechkina@edu.nsuem.ru

² e.s.shmarikhina@edu.nsuem.ru

Аннотация. В статье представлена система статистических показателей, характеризующих качество жизни населения, с выделением шести разделов: государственная поддержка, демография, здравоохранение, образование, условия быта, окружающая среда. В качестве основных источников данных использованы сайты Всемирного банка, Межгосударственного статистического комитета СНГ и национальных статистических служб. Пропуски в данных восстановлены специальными статистическими методами. Рассчитана и проанализирована интегральная оценка качества жизни населения в целом и по шести характеристикам качества жизни за 2014 г., 2019 г. и 2024 г. с учетом направления влияния факторов по странам СНГ, за исключением Туркменистана. Проведена оценка согласованности изменений рейтинговых позиций стран СНГ во времени на основе коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Выполнена визуализация качества жизни населения в странах СНГ за 2024 г. с помощью графика «Лица Чернова» посредством ППП «STATISTICA».

Ключевые слова: качество жизни населения, восстановление данных, интегральная оценка, ранговая корреляция, визуализация графика «Лица Чернова»

Для цитирования: Овечкина Н. И., Шмарихина Е. С. Статистическая оценка качества жизни населения стран СНГ // Развитие территорий. 2026. № 3. С. 62—71. EDN NHJWYU.

Territory: facts, assessments, prospects

Original article

STATISTICAL ASSESSMENT OF THE QUALITY OF LIFE IN THE CIS COUNTRIES

Natalia I. Ovechkina¹, Elena S. Shmarikhina²

^{1, 2} Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation

¹ n.i.ovechkina@edu.nsuem.ru

² e.s.shmarikhina@edu.nsuem.ru

Abstract. The article presents a system of statistical indicators characterising the quality of life of the population, divided into six sections: state support, demography, healthcare, education, living conditions, and environment. The main data sources were the websites of the World Bank, the Interstate Statistical Committee of the CIS, and national statistical services. Missing data were imputed using special statistical methods. An integral assessment of the quality of life was calculated and analysed

© Овечкина Н. И., Шмарихина Е. С., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

for the years 2014, 2019 and 2024, both overall and for the six dimensions, taking into account the direction of influence of factors across the CIS countries, with the exception of Turkmenistan. The consistency of changes in the ranking positions of the CIS countries over time was assessed using Spearman's rank correlation coefficient. Visualisation of the quality of life in the CIS countries for 2024 was performed using Chernoff faces in the STATISTICA software package.

Keywords: quality of life, data imputation, integral assessment, rank correlation, Chernoff faces visualisation

For citation: Ovechkina N. I., Shmarikhina E. S. Statistical Assessment of the Quality of Life in the CIS Countries. Territory Development. 2026;(3):62—71. (In Russ.). <https://elibrary.ru/nhjwyu>.

В современном мире исследование уровня и качества жизни населения является основой социально-экономической политики любого государства. Страны Содружества Независимых Государств (СНГ), объединенные общим историческим прошлым, демонстрируют существенную дифференциацию в уровне жизни населения, который характеризуется по степени обеспеченности, доступности и удовлетворенности населения социальными благами. Экономическая интеграция и при этом различия в структуре экономик, а также демографический дисбаланс стран делает регион СНГ уникальным для изучения качества жизни населения.

Качество жизни населения в силу многогранности понятия определяется в основном системой статистических показателей, что обуславливает применение научного подхода к его интегральной оценке.

Объектом статистического исследования выступают десять стран СНГ (Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Узбекистан, Украина). Туркменистан, как ассоциированный член, не включается в анализ ввиду отсутствия сопоставимых статистических данных за анализируемый временной период. Исследование охватывает подавляющую часть населения постсоветского пространства.

Источниками статистической информации послужили сайты Межгосударственного статистического комитета СНГ, Федеральной службы государственной статистики России, Всемирного банка и национальных статистических служб рассматриваемых стран [1—11]. Пропуски в данных восстановлены методами аналитического выравнивания, среднего абсолютного прироста и средней арифметической величины соседних уровней ряда динамики.

В рамках исследования применены индексный метод и визуализация с помо-

щью графика «Лица Чернова» для интегральной многомерной оценки качества жизни населения.

Результаты данного исследования могут быть использованы органами государственной статистики и межгосударственными структурами СНГ для разработки рекомендаций по совершенствованию социальной политики, направленной на устойчивое повышение уровня и качества жизни населения.

Под качеством жизни понимается система индикаторов, характеризующих уровень благосостояния населения, ситуацию на рынке труда, социальную защиту, здоровье, образование, жилищные условия населения, экологическую ситуацию, правовую защищенность, культуру и досуг [12].

Интегральная оценка качества жизни населения осуществлялась на основе системы из 18 статистических показателей, объединенных в шесть групп, куда вошли:

— государственная поддержка: размер минимальной заработной платы (на конец года, доллары США); средний размер пенсии (доллары США); удельный вес расходов консолидированных бюджетов на отдых, культуру и религию (% к ВВП);

— демография: ожидаемая продолжительность жизни (лет); коэффициент устойчивости браков (раз); коэффициент миграционного прироста (на 10 тыс. человек населения);

— здравоохранение: численность врачей всех специальностей — всего, на 10 тыс. человек населения; количество больничных коек (для детей и взрослых) — на 10 тыс. человек населения; численность среднего медицинского персонала — на 10 тыс. человек населения;

— образование: охват детей дошкольными образовательными учреждениями (%); численность студентов в средних профессиональных учебных учреждениях (человек); численность студентов в высших профессиональных учебных учреждениях (человек);

— условия быта: обеспеченность населения общей площадью (м^2); удельный вес пользователей сети Интернет (%); число абонентов сетей сотовой связи на 1 тыс. населения (единиц);

— окружающая среда: площадь особо охраняемых природных территорий (% от общей площади страны); коэффициент преступности (общее число зарегистрированных преступлений в расчете на 100 тыс. человек населения); выбросы CO_2 от газа (т).

Факторы, определяющие качество жизни населения, делятся по направлению связи (прямую и обратную), которую они оказывают на него. Прямая связь показывает, что с ростом того или иного отобранного фактора повышается качество жизни населения. Обратная связь демонстрирует, что с ростом данного фактора качество жизни населения снижается [13]. В нашем исследовании лишь два признака оказывают обратное действие: коэффициент преступности и выбросы CO_2 .

Поскольку показатели измерены в различных единицах, использована про-

цедура линейного масштабирования для приведения данных к сопоставимому виду в диапазоне от 0 до 1.

Для индикаторов с прямой связью используется формула (1):

$$I_{x_i} = \frac{x_i - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}}, \quad (1)$$

где x_i — значение показателя у i -й страны; $x_{\max}$ и $x_{\min}$ — максимальное и минимальное условное значение показателя X среди стран.

Для индикатора с обратной связью к качеству жизни применяется формула (2):

$$I_{x_i} = \frac{x_{\max} - x_i}{x_{\max} - x_{\min}}. \quad (2)$$

После нормирования интегральный индекс рассчитывается как средняя арифметическая простая всех частных индексов показателей. Расчеты за 2014 г., 2019 г. и 2024 г. позволили сформировать сводную характеристику качества жизни населения стран СНГ (рис. 1).

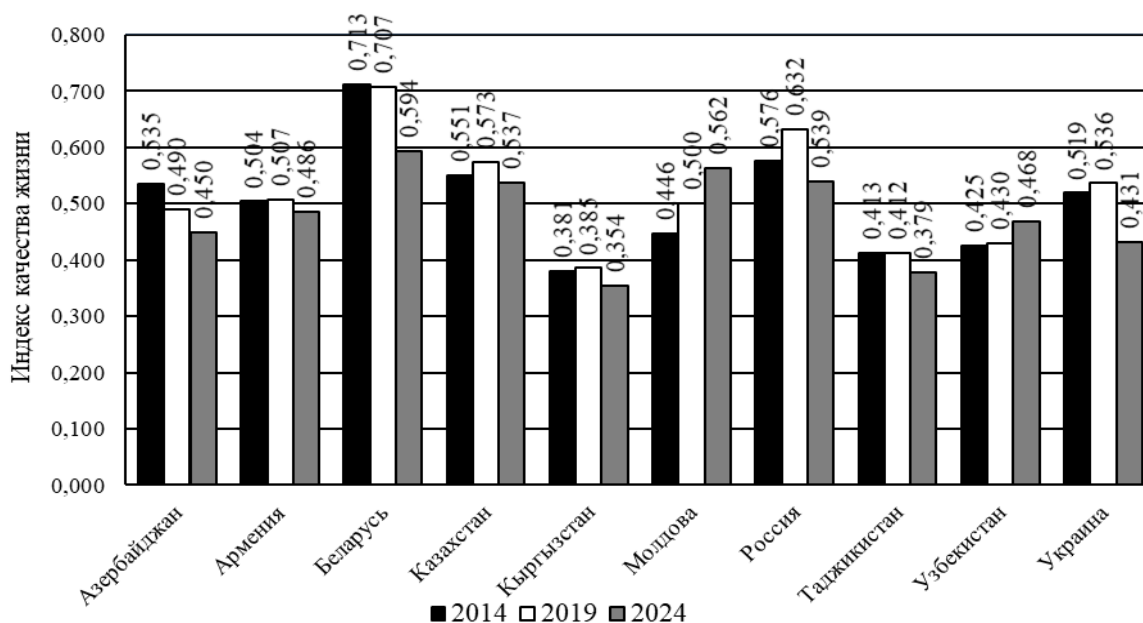

Рис. 1. Индекс качества жизни стран СНГ за 2014 г., 2019 г. и 2024 г.
Quality of life index for the CIS countries in 2014, 2019 and 2024

Анализ данных диаграмм (см. рис. 1) показывает, что Беларусь стабильно удерживает лидерство на протяжении всего анализируемого временного периода. Россия занимает второе место в 2014 г. и 2019 г. Однако к 2024 г. уступает Молдове, опускаясь на третью позицию. Молдова демонстрирует наибо-

лее выраженный позитивный сдвиг: перемещение с 7-го места в 2014 г. на 2-е в 2024 г. Это обусловлено кратным ростом минимальной заработной платы с 65 долл. США до 281 долл. в 2024 г., увеличением среднего размера пенсии с 69,7 до 215,1 долл. США и масштабной цифровизацией сферы быта (проникно-

вание Интернета выросло с 40,5 до 74,7 %). Казахстан сохраняет позиции в тройке лидеров, занимая в 2014 г. и 2019 г. 3-е место, а в 2024 г. — 4-е место.

Армения демонстрирует стабильность, переместившись с 6-го места в 2014 г. на 5-е в 2019 г. и 2024 г. В Азербайджане наблюдается негативная динамика (снижение с 4-го места в 2014 г. до 7-го места в 2024 г.), при этом ухудшение позиций обусловлено низким развитием социальной сферы. Узбекистан показывает позитивную динамику, поднявшись в 2014 г. с 8-го на 6-е место в 2024 г. Прогресс обусловлен масштабными реформами в сфере образования: численность студентов высших профессиональных учебных учреждений увеличилась с 84 до 382 человек на 10 тыс. населения. Доля пользователей сети Интернет выросла с 32,7 до 93,3 %, охват детей дошкольными образовательными учреждениями увеличился с 20,3 до 72,4 %.

Наиболее выраженное снижение позиций зафиксировано у Украины: с 5-го места в 2014 г. и 4-го в 2019 г. до 8-го в 2024 г. Это напрямую коррелирует с воздействием внешних факторов, таких как снижение численности студентов в высших профессиональных учебных учреждениях с 335,0 до 213,8 в среднем на 10 тыс. человек. Таджикистан стабильно занимает 9-е место с тенденцией к снижению: индекс уменьшился с 0,413 в 2014 г. до 0,379 в 2024 г. Кыргызстан замыкает рейтинг со значениями индекса 0,381 (2014 г.), 0,385 (2019 г.) и 0,354 (2024 г.), что указывает на системные трудности в финансировании социальной сферы и инфраструктуры.

Расчет сводных индексов по шести сферам позволил выявить неоднородность динамики: одни компоненты демонстрируют стабильность, другие — существенную трансформацию, что отражено в приведенных показателях (табл. 1—3).

Таблица 1

Сводные индексы качества жизни стран СНГ по ключевым группам в 2014 г.
Aggregate quality of life indices for the CIS countries by key groups in 2014

Страна	Государственная поддержка	Демография	Здравоохранение	Образование	Условия быта	Окружающая среда
Азербайджан	0,701	0,727	0,253	0,133	0,601	0,794
Армения	0,337	0,492	0,300	0,371	0,743	0,782
Беларусь	0,889	0,554	0,906	0,689	0,709	0,529
Казахстан	0,734	0,378	0,533	0,564	0,767	0,327
Кыргызстан	0,316	0,370	0,089	0,442	0,402	0,665
Молдова	0,490	0,106	0,392	0,535	0,625	0,530
Россия	0,760	0,316	0,889	0,609	0,784	0,100
Таджикистан	0,367	0,795	0,032	0,132	0,151	1,000
Узбекистан	0,302	0,790	0,305	0,392	0,145	0,619
Украина	0,498	0,373	0,704	0,480	0,603	0,455

Результаты расчетов (см. табл.1) показывают, что в 2014 г. Беларусь лидировала по государственной поддержке, здра-

воохранению, образованию; Россия — по условиям быта; Таджикистан — по демографии и окружающей среде.

Таблица 2

Сводные индексы качества жизни стран СНГ по ключевым группам в 2019 г.
Aggregate quality of life indices for the CIS countries by key groups in 2019

Страна	Государственная поддержка	Демография	Здравоохранение	Образование	Условия быта	Окружающая среда
Азербайджан	0,472	0,713	0,176	0,224	0,588	0,767
Армения	0,359	0,627	0,295	0,383	0,729	0,650
Беларусь	0,837	0,545	0,956	0,694	0,771	0,438
Казахстан	0,592	0,445	0,486	0,842	0,734	0,342
Кыргызстан	0,319	0,436	0,021	0,512	0,419	0,605

Окончание табл. 2

Страна	Государственная поддержка	Демография	Здравоохранение	Образование	Условия быта	Окружающая среда
Молдова	0,428	0,012	0,693	0,585	0,854	0,427
Россия	0,926	0,477	0,825	0,702	0,844	0,020
Таджикистан	0,370	0,783	0,052	0,293	0,000	0,973
Узбекистан	0,151	0,871	0,338	0,216	0,352	0,654
Украина	0,672	0,370	0,598	0,509	0,666	0,402

Результаты расчетов, отраженные в табл. 2, демонстрируют, что в 2019 г. лидером в здравоохранении остается Беларусь, Таджикистан — по окружающей

среде; Казахстан становится лидером в образовании, Молдова — по условиям быта, Россия — по государственной поддержке, Узбекистан — по демографии.

Таблица 3

Сводные индексы качества жизни стран СНГ по ключевым группам в 2024 г.
Aggregate quality of life indices for the CIS countries by key groups in 2024

Страна	Государственная поддержка	Демография	Здравоохранение	Образование	Условия быта	Окружающая среда
Азербайджан	0,563	0,413	0,204	0,219	0,528	0,770
Армения	0,325	0,777	0,260	0,379	0,654	0,524
Беларусь	0,562	0,260	1,000	0,556	0,706	0,480
Казахстан	0,504	0,388	0,502	0,670	0,628	0,527
Кыргызстан	0,274	0,244	0,000	0,596	0,355	0,656
Молдова	0,731	0,012	0,781	0,551	0,831	0,468
Россия	0,644	0,180	0,794	0,730	0,803	0,081
Таджикистан	0,393	0,654	0,162	0,065	0,000	1,000
Узбекистан	0,186	0,478	0,353	0,602	0,460	0,730
Украина	0,586	0,218	0,322	0,312	0,640	0,510

Значения сводных индексов качества жизни по ключевым группам в 2024 г. (см. табл. 3) показывают, что лидером в здравоохранении остается Беларусь, Таджикистан — по окружающей среде, Молдова — по условиям быта, а также

по государственной поддержке; Армения становится лидером по демографии; Россия — по образованию.

Наиболее наглядные изменения можно наблюдать в ранговом разделении стран (табл. 4).

Таблица 4

Ранжирование стран СНГ по группам качества жизни за 2014 г., 2019 г. и 2024 г.
Ranking of CIS countries by quality of life groups in 2014, 2019 and 2024

Страна	Государственная поддержка			Демография			Здравоохранение			Образование			Условия быта			Окружающая среда		
	2014	2019	2024	2014	2019	2024	2014	2019	2024	2014	2019	2024	2014	2019	2024	2014	2019	2024
Азербайджан	4	5	4	3	3	4	8	8	8	9	9	9	7	7	7	2	2	2
Армения	8	8	8	5	4	1	7	7	7	8	7	7	3	5	4	3	4	6
Беларусь	1	2	5	4	5	6	1	1	1	1	3	5	4	3	3	7	6	8
Казахстан	3	4	6	6	7	5	4	5	4	3	1	2	2	4	6	9	9	5
Кыргызстан	9	9	9	8	8	7	9	10	10	6	5	4	8	8	9	4	5	4
Молдова	6	6	1	10	10	10	5	3	3	4	4	6	5	1	1	6	7	9
Россия	2	1	2	9	6	9	2	2	2	2	2	1	1	2	2	10	10	10
Таджикистан	7	7	7	1	2	2	10	9	9	10	8	10	9	10	10	1	1	1
Узбекистан	10	10	10	2	1	3	6	6	5	7	10	3	10	9	8	5	3	3
Украина	5	3	3	7	9	8	3	4	6	5	6	8	6	6	5	8	8	7

Рассмотрим ранжирование стран по группам качества жизни подробно.

Государственная поддержка. Наиболее выраженный сдвиг продемонстрировала Молдова, переместившаяся с 6-го на 1-е место к 2024 г. Это обусловлено целенаправленной социальной политикой и индексацией выплат. Россия сохранила позиции в тройке лидеров (2-е место в 2014 г. и 2024 г.) благодаря устойчивому уровню бюджетных расходов на социальную сферу.

Демография. Армения, Таджикистан и Узбекистан стабильно занимают лидирующие позиции за счет высокого коэффициента устойчивости браков и миграционного прироста. В 2024 г. Армения вышла на 1-е место за счет положительного сальдо миграции (253,4 на 10 тыс. человек), Молдова и Россия фиксируют весьма низкие значения (–133,6 и 15,0 на 10 тыс. человек соответственно).

Здравоохранение. Эта группа условий является наиболее инерционной. Беларусь и Россия удерживают первые два места на протяжении всего периода. Это объясняется сохранением инфраструктурной базы и относительно стабильным финансированием. Таджикистан и Кыргызстан остаются в нижней части рейтинга из-за низкой обеспеченности врачами (менее 22 человек на 10 тыс. населения).

Образование. Узбекистан показал наиболее динамичный рост: с 7-го места в 2014 г. до 3-го в 2024 г. Это напрямую связано с реформой системы высшего образования и ростом численности студентов в высших профессиональных учеб-

ных учреждениях (с 84 до 382 человек на 10 тыс. населения), по этому показателю Россия в 2024 г. вышла на 1-е место. Отмечен рост как охвата, так и качества высшего образования.

Условия быта. Молдова заняла 1-е место в 2024 г. благодаря масштабной цифровизации: доля пользователей Интернета выросла с 40,5 до 74,7 %, число абонентов сотовой связи — с 1 537 до 1 988 на 1 тыс. человек. Россия и Беларусь сохраняют высокие позиции за счет обеспеченности жильем и развитой телекоммуникационной инфраструктурой.

По окружающей среде Таджикистан стабильно занимает 1-е место благодаря большой площади особо охраняемых природных территорий (20,7 %). Россия и Казахстан, напротив, находятся в нижней части рейтинга из-за высоких объемов промышленных выбросов CO₂, что объясняется прежде всего большей площадью территорий этих государств.

Для оценки согласованности изменений рейтинговых позиций стран во времени использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена [14].

Расчет коэффициента Спирмена подтвердил высокую устойчивость ядра рейтинга при наличии локальных сдвигов. Степень согласованности изменений рейтингов за 2014 г. и 2024 г. составляет 0,697, что находится на умеренном уровне, в то время как коэффициент Спирмена за 2019 г. и 2024 г. составил 0,770, что уже является высокой степенью. По группам условий качества жизни населения показатели согласованности варьируются (табл. 5).

Таблица 5

Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена по группам показателей качества жизни стран СНГ за 2014 г. и 2024 г.

Spearman rank correlation coefficients for groups of quality of life indicators in the CIS countries in 2014 and 2024

Группа	Значение коэффициента ранговой корреляции Спирмена	Интерпретация тесноты связи
Государственная поддержка	0,673	Умеренная
Демография	0,842	Высокая
Здравоохранение	0,903	Высокая
Образование	0,685	Умеренная
Условия быта	0,745	Высокая
Окружающая среда	0,758	Высокая

Таким образом, коэффициент Спирмена подтверждает преобладание рей-

тинговых позиций, однако локальные сдвиги свидетельствуют о чувствитель-

ности индекса к макроэкономическим шокам и институциональным реформам.

Визуализация многомерных данных о качестве жизни населения в странах СНГ за 2024 г. посредством графика

«Лица Чернова» позволяет выявить структурные диспропорции в социально-экономическом развитии стран.

Представим соответствие показателя конкретной черте лица (табл. 6).

Таблица 6

**Соотношение показателей качества жизни населения и показателей графика
«Лица Чернова»**

Correspondence between quality of life indicators and Chernoff face parameters

№ п/п	Черты лица	Качество жизни населения
1	Ширина лица	Размер минимальной заработной платы на конец года, долл. США
2	Уровень ушей	Средний размер пенсии, долл. США
3	Высота половины лица	Коэффициент преступности, общее количество зарегистрированных преступлений в расчете на 100 тыс. человек
4	Высота верхней части	Ожидаемая продолжительность жизни, лет
5	Высота нижней части лица	Коэффициент устойчивости браков, раз
6	Длина носа	Коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. человек населения
7	Положение центра рта	Численность врачей всех специальностей — всего на 10 тыс. человек населения
8	Кривизна рта	Количество больничных коек (для детей и взрослых) на 10 тыс. человек населения
9	Длина рта	Численность среднего медицинского персонала на 10 тыс. человек населения
10	Высота центра глаза	Охват детей дошкольными образовательными учреждениями, %
11	Разделение глаз	Численность студентов в средних профессиональных учебных учреждениях на 10 тыс. человек населения, человек
12	Разрез глаз	Численность студентов в высших профессиональных учебных учреждениях на 10 тыс. человек населения, человек
13	Наклон глаза	Обеспеченность населения общей площадью, м ²
14	Половина длины глаза	Удельный вес пользователей сети Интернет, %
15	Расположение зрачков	Число абонентов сетей сотовой связи на 1 тыс. населения, единиц
16	Угол наклона бровей	Удельный вес расходов консолидированных бюджетов на отдых, культуру и религию, % к ВВП
17	Длина бровей	Выбросы CO ₂ от газа, т
18	Радиус ушей	Площадь особо охраняемых природных территорий, % от общей площади страны

Представим визуализацию качества жизни населения в странах СНГ за 2024 г. с помощью пакета прикладных программ «STATISTICA» и графика «Лица Чернова», предварительно проранжированные по возрастанию значения интегрального индекса (рис. 2).

Наиболее благополучные страны — Беларусь, Россия и Молдова — формируют кластер с самым широким лицом. Поскольку именно они лидируют по размеру минимальной заработной платы, что и задает общую ширину лица. Лицо Молдовы, резко нарастившей минимальную заработную плату и уровень цифровизации, выглядит динамичным и «вытянутым вверх» за счет высокого положения центра рта (высокая обеспеченность

врачами) и кривизны рта (развитая сеть больничных коек). Лицо России, напротив, широкое, но с далеко посаженными глазами (низкий охват дошкольным образованием по сравнению с другими лидерами) и длинными бровями — выбросы CO₂ здесь колоссальные из-за большой территории страны. Лицо Беларуси наиболее пропорционально и «спокойно» за счет сбалансированной обеспеченности врачами, койками и Интернетом.

Самую высокую продолжительность жизни (высота верхней части лица) демонстрируют Армения и Таджикистан, но их портреты различаются кардинально. У Армении лицо вытянуто вверх из-за высокого миграционного прироста (длина носа), а разрез глаз (много студентов

в вузах) придает лицу интеллектуальное выражение. У Таджикистана же при максимальной ожидаемой жизни и самой большой площади охраняемых территорий (радиус ушей) — крошечная ширина лица (минимальная заработная плата

здесь одна из самых низких) и сильно опущенный наклон глаз (худшая обеспеченность жильем). Это лицо контрастов: экологическое благополучие на фоне социальной уязвимости.

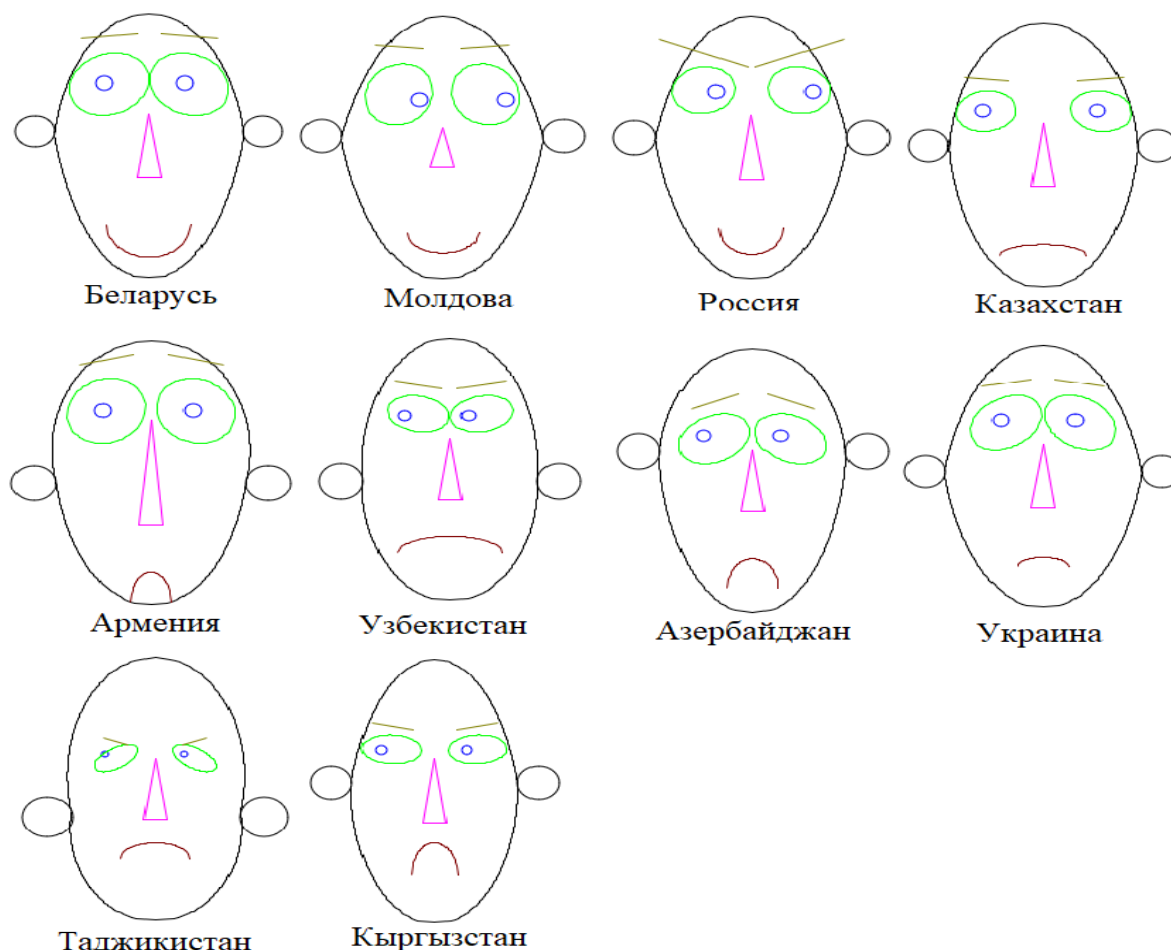

Рис. 2. Представление качества жизни населения в странах СНГ за 2024 г. посредством графика «Лица Чернова»
Representation of the quality of life in the CIS countries in 2024 using Chernoff faces

Казахстан и Азербайджан имеют «средние» лица с характерными чертами. Лицо Казахстана отличается высоким лбом (за счет отличного охвата детей дошкольными учреждениями) и большим разрезом глаз (много студентов в колледжах), но его портрет портит кривизна рта — низкое количество больничных коек относительно других параметров. Азербайджан выделяется уровнем ушей (пенсии выше, чем во многих других странах СНГ), однако минимальные расходы на культуру обнуляют угол наклона бровей, делая взгляд «пустым», а половина длины глаз (удельный вес пользователей Интернета) показывает, что республика пока отстает от лидеров в этом вопросе.

Самые нестандартные лица зафиксированы у Кыргызстана, Узбекистана и Украины. Лицо Кыргызстана — самое узкое, характеризующееся низкой минимальной заработной платой, с практически острой верхней частью головы, свидетельствующей о низкой продолжительности жизни, и минимальным радиусом ушей (наименьшая площадь охраняемых территорий). Единственное, что его нормализует, — это высокое разделение глаз (численность студентов колледжей) и длинный нос (положительное сальдо миграции). Узбекистан, напротив, демонстрирует мощный образовательный рывок. Но длина бровей, указывающая на выбросы углекислого газа, и низкий уро-

вень ушей, коррелирующий с низкими пенсиями, пока делают лицо негармоничным.

Лицо Украины выделяется узким лбом (низкая продолжительность жизни), короткие брови говорят о положительной экологической ситуации (невысокие выбросы газа), а широкое лицо отражает высокий размер минимальной заработной платы. Разрез глаз (численность студентов вузов) заметно сужен, а положение уголков рта указывает на низкое количество больных коек. Значит, лицо Украины — это портрет страны с высокой государственной поддержкой в сфере оплаты труда, но с выраженным дефицитом услуг в области образования и здравоохранения.

Таким образом, интегральная оценка качества жизни населения стран СНГ

позволила провести сравнительный анализ и выявить место каждой страны в разные годы в системе показателей качества жизни населения.

Полученные результаты позволяют сделать выводы об эффективности социально-экономической политики государств СНГ, выявить ключевые характеристики, определяющие благосостояние населения, и сформулировать рекомендации по совершенствованию региональной интеграции.

Повышение уровня и качества жизни стран СНГ — это долгосрочный процесс, требующий координации усилий государств, международных структур и гражданского общества.

Список источников

1. База данных «Статистика СНГ» // Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств. URL: <https://new.cisstat.org/cis-stat-home> (дата обращения: 02.05.2026).
2. Глинский В. В., Пуляевская В. Л., Серга Л. К. Статистический инструментарий в решении задач управления развитием территорий // Вопросы статистики. 2014. № 10. С. 14—20.
3. Мониторинг показателей качества жизни населения в Странах Содружества Независимых Государств 2013—2016 // Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств. М., 2017. 71 с.
4. Мониторинг показателей качества жизни населения в странах Содружества Независимых Государств 2017—2020 // Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств. М., 2021. 92 с.
5. Мониторинг показателей качества жизни населения в странах Содружества Независимых Государств 2021—2024 // Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств. М., 2025. 97 с.
6. Население и социальные индикаторы стран СНГ и отдельных стран мира 2013—2016 // Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств. М., 2017. 48 с.
7. Население и социальные индикаторы стран СНГ и отдельных стран мира 2017—2020 // Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств. М., 2021. 49 с.
8. Содружество Независимых Государств в 2024 году : стат. ежегод. / Межгосударственный статистический комитет СНГ. М., 2026. 621 с.
9. Социальная статистика : учеб. / под ред. чл.-корр. РАН И. И. Елисеевой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Финансы и статистика, 2003. 480 с.
10. Статистика : учеб. / под ред. В. В. Глинского. 5-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2024. 372 с.
11. Федеральная служба государственной статистики России (Росстат) : сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 02.05.2026).
12. 30 лет Содружеству Независимых Государств 1991—2021 : стат. сб. / Межгосударственный статистический комитет СНГ. М., 2021. 474 с.
13. UNECE // Население и здоровье. URL: <https://w3.unece.org/PXWeb/ru/Table?IndicatorCode> (дата обращения: 01.05.2026).
14. World Bank Open Data // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 03.05.2026).

References

1. Baza dannikh "Statistika SNG" [Database "CIS Statistics"]. Mezhhgosudarstvennii statisticheskii komitet Sodruzhestva Nezavisimikh Gosudarstv [Interstate Statistical Committee of the Commonwealth of Independent States]. Available at: <https://new.cisstat.org/cis-stat-home> (accessed: 02.05.2026).
2. Glinskii V.V., Pulyaevskaya V.L., Serga L.K. Statisticheskii instrumentarii v reshenii zadach upravleniya razvitiem territorii [Statistical tools in solving problems of territorial development management]. Voprosi statistiki [Issues of Statistics], 2014, no. 10, pp. 14—20.

3. Monitoring pokazatelei kachestva zhizni naseleniya v Stranakh Sodruzhestva Nezavisimikh Gosudarstv 2013–2016 [Monitoring of quality of life indicators in the Commonwealth of Independent States 2013–2016]. Mezhhgosudarstvennii statisticheskii komitet Sodruzhestva Nezavisimikh Gosudarstv [Interstate Statistical Committee of the CIS]. Moscow, 2017, 71 p.
4. Monitoring pokazatelei kachestva zhizni naseleniya v stranakh Sodruzhestva Nezavisimikh Gosudarstv 2017–2020 [Monitoring of quality of life indicators in the Commonwealth of Independent States 2017–2020]. Mezhhgosudarstvennii statisticheskii komitet Sodruzhestva Nezavisimikh Gosudarstv [Interstate Statistical Committee of the CIS]. Moscow, 2021, 92 p.
5. Monitoring pokazatelei kachestva zhizni naseleniya v stranakh Sodruzhestva Nezavisimikh Gosudarstv 2021–2024 [Monitoring of quality of life indicators in the Commonwealth of Independent States 2021–2024]. Mezhhgosudarstvennii statisticheskii komitet Sodruzhestva Nezavisimikh Gosudarstv [Interstate Statistical Committee of the CIS]. Moscow, 2025, 97 p.
6. Naselenie i sotsialnie indikatori stran SNG i otdelnykh stran mira 2013–2016 [Population and social indicators of the CIS countries and selected countries of the world 2013–2016]. Mezhhgosudarstvennii statisticheskii komitet Sodruzhestva Nezavisimikh Gosudarstv [Interstate Statistical Committee of the CIS]. Moscow, 2017, 48 p.
7. Naselenie i sotsialnie indikatori stran SNG i otdelnykh stran mira 2017–2020 [Population and social indicators of the CIS countries and selected countries of the world 2017–2020]. Mezhhgosudarstvennii statisticheskii komitet Sodruzhestva Nezavisimikh Gosudarstv [Interstate Statistical Committee of the CIS]. Moscow, 2021, 49 p.
8. Sodruzhestvo Nezavisimikh Gosudarstv v 2024 godu : stat. yezhegod. [Commonwealth of Independent States in 2024 : statistical yearbook]. Mezhhgosudarstvennii statisticheskii komitet SNG [Interstate Statistical Committee of the CIS]. Moscow, 2026, 621 p.
9. Sotsialnaya statistika [Social statistics] : ucheb. / pod red. chl.-korr. RAN I.I. Yeliseevoi, ed. 3, pererab. i dop. Moscow: Finansi i statistika, 2003, 480 p.
10. Statistika [Statistics] : ucheb. / pod red. V.V. Glinskogo, ed. 5. Moscow: INFRA-M, 2024, 372 p.
11. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoi statistiki Rossii (Rosstat) [Federal State Statistics Service of Russia (Rosstat)] : sait. Available at: <https://rosstat.gov.ru/> (accessed: 02.05.2026).
12. 30 let Sodruzhestvu Nezavisimikh Gosudarstv 1991–2021 [30 years of the Commonwealth of Independent States 1991–2021] : stat. sb. / Mezhhgosudarstvennii statisticheskii komitet SNG [Interstate Statistical Committee of the CIS]. Moscow, 2021, 474 p.
13. UNECE. Naselenie i zdorove [Population and health]. Available at: <https://w3.unece.org/PXWeb/ru/Table?IndicatorCode> (accessed: 01.05.2026).
14. World Bank Open Data. World Bank Group. Available at: <https://data.worldbank.org/> (accessed: 03.05.2026).

Информация об авторах

Овечкина Наталья Ивановна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: n.i.ovechkina@edu.nsuem.ru

Шмарихина Елена Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: e.s.shmarikhina@edu.nsuem.ru

Information about the authors

Natalia I. Ovechkina — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: n.i.ovechkina@edu.nsuem.ru

Elena S. Shmarikhina — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: e.s.shmarikhina@edu.nsuem.ru

Статья поступила в редакцию 31.05.2026; одобрена после рецензирования 04.06.2026; принята к публикации 15.06.2026.

The article was submitted 31.05.2026; approved after reviewing 04.06.2026; accepted for publication 15.06.2026.

Территория: факты, оценки, перспективы

Научная статья
УДК 911.3:577.4
EDN PEMLOH

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В КОНТЕКСТЕ ТРЕНДОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Зоя Гавриловна Мирзеханова¹, Анастасия Алексеевна Кольцова²

^{1, 2} Институт водных и экологических проблем, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Хабаровск, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Зоя Гавриловна Мирзеханова, lorp@ivep.as.khb.ru

Аннотация. Активизация экономической деятельности и усиление ресурсной ориентации на Востоке России ввиду сложившейся геополитической ситуации может привести к ухудшению экологической обстановки в данном регионе. Ослабление последствий хозяйственной деятельности возможно при условии корректировки направлений экологической политики, отраженных в программах по охране окружающей среды, в контексте стратегических планов регионального развития. Однако на практике часто просматривается разрозненность целей, противоречивость используемых показателей и общая несогласованность программ различных сфер развития регионов. Цель исследования заключается в раскрытии несогласованности некоторых показателей, призванных обеспечить охрану окружающей среды и зафиксированных в экологических программах субъектов Дальневосточного федерального округа, с перспективными планами социально-экономического развития территории округа. Гипотеза работы: региональные экологические программы и применяемые в них индикаторы не в полной мере отвечают трендам экономического развития этой территории. Информационной базой исследования послужили Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока, программы по «Охране окружающей среды» субъектов региона, принятые на период 2020—2025 гг., данные Росстата.

Ключевые слова: экологическая политика Дальневосточного федерального округа, социально-экономическое развитие, контент-анализ, региональные экологические программы, индикаторы, охрана окружающей среды

Благодарности: работа выполнена в рамках реализации государственного заказа, согласно тематическому плану ИВЭП ДВО РАН, тема «Состояние природных и природно-хозяйственных систем умеренной зоны Западной Пацифики» (2026—2030 гг.). Номер госрегистрации 12603118637-5.

Для цитирования: Мирзеханова З. Г., Кольцова А. А. Экологические программы регионов Дальневосточного федерального округа в контексте трендов социально-экономического развития // Развитие территорий. 2026. № 3. С. 72—87. EDN PEMLOH.

Territory: facts, assessments, prospects

Original article

ENVIRONMENTAL PROGRAMMES OF THE REGIONS OF THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT IN THE CONTEXT OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT TRENDS

Zoya G. Mirzekhanova¹, Anastasiya A. Koltsova²

^{1, 2} Institute of Water and Environmental Problems, Far East Branch of Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russian Federation

Corresponding author: Zoya G. Mirzekhanova, lorp@ivep.as.khb.ru

Abstract. The intensification of economic activity and the increasing resource orientation in the East of Russia due to the current geopolitical situation may lead to a deterioration of the environmental situation in this region. Mitigating the consequences of economic activity is possible provided that the directions of environmental policy reflected in environmental protection programmes are adjusted

in the context of strategic regional development plans. In practice, however, there is often a fragmentation of goals, inconsistency of the indicators used, and a general lack of coordination among programmes in various spheres of regional development. The aim of the study is to reveal the inconsistency of certain indicators intended to ensure environmental protection and recorded in the environmental programmes of the subjects of the Far Eastern Federal District with the long-term socio-economic development plans for the district. The research hypothesis is that regional environmental programmes and the indicators used in them do not fully correspond to the economic development trends of the territory. The information base of the study included the National Programme for the Socio-Economic Development of the Far East, the "Environmental Protection" programmes of the region's subjects adopted for 2020–2025, and data from Rosstat.

Keywords: environmental policy of the Far Eastern Federal District, socio-economic development, content analysis, regional environmental programmes, indicators, environmental protection

Acknowledgments: the work was carried out within the framework of the state order, according to the thematic plan of the Institute of Water and Ecology Problems, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, topic "State of natural and natural-economic systems in the temperate zone of the Western Pacific" (2026–2030). State registration number 12603118637-5.

For citation: Mirzekhanova Z.G., Koltsova A.A. Environmental Programmes of the Regions of the Far Eastern Federal District in the Context of Socio-Economic Development Trends. Territory Development. 2026;(3):72—87. (In Russ.). <https://elibrary.ru/pemloh>.

Введение

Современное развитие дальневосточных регионов происходит в непростых условиях. С одной стороны, это непрекращающиеся кризисные явления, жестко отражающиеся на ресурсных отраслях экономики, многочисленные санкции, разнообразие запретов, ограничивающих стимулирование российской экономики в целом и ее регионов в частности и т. д. С другой стороны, наблюдается неподдельный интерес со стороны правительства России, отечественных и зарубежных инвесторов к стратегически значимой территории, обладающей огромным природно-ресурсным потенциалом и выгодным экономико-географическим положением. С третьей стороны, налицо мировые тренды развития, ориентированные на максимально полное использование технологических возможностей, на цифровую экономику, а также нацеленные на социальную защищенность населения и высокие требования в сфере охраны окружающей среды (ООС).

Последний аспект мировых требований понятен. Экономические потери, вызванные ухудшением качества окружающей среды, оцениваются в 4—6 % ВВП¹, а от устойчивости экосистем зависит до половины мирового ВВП (44 трлн долл. США). При этом 52 % мирового ВВП приходится на отрасли, зависящие от состояния экосистем [1, с. 60].

Экологическая стратегия многих стран предусматривает решение насущных задач ООС в двух временных ракурсах: ис-

править допущенные в предшествующие периоды экологические нарушения; минимизировать влияние на окружающую среду в экономическом развитии на перспективу. Результативность этих задач в России отслеживается по достижении соответствующих целей, которые задекларированы в экологических программах страны и субъектов Российской Федерации и являются инструментом реализации национальной и региональной экологической политики, гарантируя, при условии выполнения поставленных задач, обеспечение экологического благополучия на территории, включенной в программы по охране окружающей среды.

С определенной периодичностью (как правило, это 5-летний период) программы пролонгируются с корректировкой направлений экологической политики в контексте стратегических планов регионального развития. При этом в этих программах сохраняется преемственность, часто в обновленных программах остаются те же цели и задачи, иногда они переформулируются с сохранением смысла. Но нередко остается неизменным и составляющий программы набор мероприятий, требующих для своего продолжения дополнительного финансирования [2]. Между тем во вновь принимаемых программах при характеристике текущего состояния природной среды не дается анализ того, как это состояние изменилось за период действия предыдущей программы, какие из реализованных ранее мероприятий оказали влияние на ситуацию и в какой мере [3 ; 4].

¹ См.: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41879>

В настоящее время формируются программы в области экологического развития Российской Федерации до 2030 г. Анализ обозначенных в программах задач и приемов использования показателей, применяемых для отслеживания эффективности их решения в предшествующих документах, свидетельствует о наличии ряда проблем, требующих незамедлительного анализа и последующей их нейтрализации [5—10]. В первую очередь исследователи обращают внимание на отсутствие связи между программами внутри региона (в частности, между проводимыми экономическими мероприятиями и их экологическими последствиями), а также указывают на игнорирование целевых экологических индикаторов в экономических программах, что не способствует достижению целей ООС [7; 11—15]. Как результат, значительная доля показателей программ по ООС не отражает реальную эколого-экономическую ситуацию в регионах и не позволяет решить поставленные задачи в плане улучшения экологической обстановки. Для дальневосточных регионов исследований, раскрывающих эффективность выполнения экологических программ в целом и увязанность экономических и экологических задач в частности, не проводилось.

Цель исследований — раскрыть несогласованность зафиксированных в экологических программах субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО) некоторых показателей, призванных обеспечить охрану окружающей среды, с перспективными планами социально-экономического развития территории данного округа.

Материалы и методы исследования

Информационной базой исследования послужили: Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока (распоряжение от 24 сентября 2020 г. № 2464-р «Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года»¹); региональные программы субъектов ДФО по «Охране окружающей среды», принятые на период 2020—2025 годов;

нормативные документы в области экологической безопасности России и субъектов ДФО; данные Росстата (Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года, утвержденные Президентом Российской Федерации от 30 апреля 2012 г.²). В анализе использованы программы ООС только 10 субъектов, исключение составила Республика Бурятия по причине отсутствия на момент исследования индикаторов выполнения экологической программы.

В исследовании был использован метод количественного и качественного контент-анализа. Он позволяет большой массив изучаемых данных сгруппировать по разработанным категориям в блоки с целью их дальнейшего анализа и поиска связей [16]. Метод активно используется при изучении данных различных нормативных правовых документов и направлений политики [17—19].

Контент-анализ был проведен в два этапа. На первом этапе объектом данного анализа была программа социально-экономического развития ДФО (далее — Программа СЭР), на втором — программы в области ООС субъектов ДФО (далее — программы ООС).

Цель проводимого контент-анализа заключалась в определении наличия в программах ООС экологических показателей, соответствующих тенденциям экономического развития, а также в выявлении слабых мест в экологической политике регионов ввиду возрастающей нагрузки в результате усиления развития ресурсоемких отраслей.

Основная задача контент-анализа Программы СЭР включала определение основных трендов развития экономики ДФО и выявление потенциальных источников/видов воздействия, влияющих негативно на преобразование природной среды. Кодирование проводилось в соответствии с подсчетами встречаемости конкретных проектов экологичных отраслей в планах развития субъектов ДФО. Ранжирование (классификация) отраслей промышленности и сельского хозяйства по степени экологической опасности для природы и человека (землеемкость, отходность, ресурсоемкость,

¹ См.: URL: <https://docs.cntd.ru/document/565853199?marker=6520IM> (дата обращения: 12.01.2025).

² См.: URL: <https://docs.cntd.ru/document/902369004> (дата обращения: 17.12.2024).

экологическое земледелие) проводилось согласно ГОСТ Р 70883-2023 «Охрана окружающей среды» (files.stroyinf.ru/Data/808/80861.pdf), а также «Ранжированию (классификации) отраслей...» (studwood.net/1319462/ekologiya/ranzhirovanie_...). Кодирование массива информации в последующем осуществлялось

в соответствии с выделенными категориями (табл. 1). За единицу подсчета приняты планируемые мероприятия/проекты Программы СЭР, в которых встречаются обозначенные категории, позволяющие определить наиболее приоритетные направления экономического развития по субъектам.

Таблица 1

Категории мероприятий для анализа содержательной части Программы СЭР ДФО и примеры кодов

Categories of activities for content analysis of the Socio-Economic Development Programme of the FEFD and examples of codes

Категория	Пример кодов
Мероприятия, связанные с развитием ресурсоемких отраслей	Добыча полезных ископаемых Промышленное производство Нефтегазохимия Авиа- и судостроение Лесоперерабатывающая промышленность Рыболовство
Мероприятия, связанные с устойчивым развитием в контексте требований концепции зеленой экономики	Зеленая экономика Зеленый рост Устойчивое развитие Отрасли зеленой экономики Туризм Гостиничные комплексы Сельское хозяйство Инновации

Количественный контент-анализ экологических программ регионов включал подсчет, кодирование и отнесение к выделенным категориям с дальнейшим подсчетом наиболее значимых индикаторов для ООС (табл. 2). При проведении анализа 425 обозначенных в региональных программах показателей опре-

делена доля наиболее чувствительных по степени влияния и, соответственно, значимых для ООС. Зафиксированные в экологических программах показатели проанализированы по соотношению к проводимым мероприятиям в рамках пяти категорий (см. табл. 2).

Таблица 2

Категории показателей программ ООС субъектов ДФО и примеры кодов
Categories of indicators of the Environmental Protection (EP) programmes of the FEFD subjects and examples of codes

Категория	Пример индикаторов (кодов)
Показатели, непосредственно улучшающие состояние окружающей среды	Переработка и обезвреживание отходов Ликвидация экологического ущерба Количество сохраненных уникальных природных комплексов Доля ООПТ
Материальные и инфраструктурные показатели, обеспечивающие улучшение окружающей среды	Импорт оборудования для утилизации отходов Оснащение оборудованием Приобретенные и купленные приборы Работы по оптимизации Капитальный ремонт Построенные сооружения

Категория	Пример индикаторов (кодов)
Организационно-управленческие показатели	Степень выполнения целевых показателей Доля установленных границ Руководство и управление Степень выполнения государственного задания
Информационно-образовательные показатели	Экологический мониторинг Экологические акции и мероприятия Количество изготовленных и установленных информационных аншлагов Количество исследований
Показатели, не имеющие отношения к целям программы	Объем просроченной задолженности по выплате заработной платы Лесной фонд Охотничьи угодья, охотник Количество должностных лиц

При анализе программ ООС основное внимание было сосредоточено на содержании принятых показателей, выделении среди них непосредственно улучшающих экологическую обстановку, а также на определении специфических проблемных задач, обусловленных особенностями развития каждого субъекта ДФО.

Качественный контент-анализ включал в себя выявление связности/соотнесения содержания экологических показателей социально-экономическим тенденциям регионального развития в соответствии с принятой Программой СЭР.

Основная задача контент-анализа заключалась в определении меры экологической политики, которая будет контролировать усиливающуюся экологическую нагрузку через принятую систему показателей.

Решение задачи было связано с необходимостью поиска ответов на три вопроса:

1) насколько содержание всех упомянутых в региональных экологических программах задач и, соответственно, индикаторов эффективности их решения отвечает целевым установкам этих документов и насколько эти задачи ориентированы на ООС субъектов ДФО?

2) в какой мере экологическая политика, реализуемая посредством выполнения

задач, зафиксированных в экологических программах через принятую систему показателей, будет соответствовать усиливающейся нагрузке?

3) каким образом применение показателей, соответствующих перспективным планам экономического развития, будет способствовать повышению эффективности экологических программ?

Результаты исследования и обсуждение

Анализ национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока

«Разворот на восток» стратегических планов России в значительной степени обеспечил диверсификацию структуры хозяйства субъектов ДФО, но специфика внешнеэкономических связей с ближайшими странами (в первую очередь с КНР, Японией, КНДР) не позволяет преломить устоявшуюся тенденцию доминирования ресурсных секторов экономики. Анализ изменения структуры валового регионального продукта (ВРП региона) даже за короткий период наблюдения свидетельствует не только о преобладании добывающих отраслей, но и их росте. Это при том, что другие секторы остаются практически неизменными (рис. 1).

Рис. 1. Структура ВРП ДФО в 2020 г. и 2022 г. (составлено авторами по материалам Росстата)
 GRP structure of the Far Eastern Federal District in 2020 and 2022 (Compiled by the authors based on the materials of the Federal State Statistics Service)

Эти возможности природных систем региона приобретают особый смысл в условиях усиления антропогенного воздействия, и для их сохранения выдвигаются особые требования к экологическим регламентам планируемой хозяйственной деятельности. Проведенный контент-анализ Программы СЭР ДФО на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года позволил определить основные тренды

развития территории и сопоставить полученные результаты с принятыми экологическими программами ООС субъектов ДФО. Обзор структуры Программы СЭР показал, что увеличение темпов экономического роста планируется за счет различных отраслей, включая отрасли зеленой экономики (туризм, сельское хозяйство, высокотехнологичные отрасли) (табл. 3).

Общие положения Программы СЭР
General Provisions of the Socio-Economic Development Programme

Положения Программы СЭР	Содержание
Основная цель	Обеспечение темпов экономического роста и показателей экономического развития Дальнего Востока
Задачи	Прекращение миграционного оттока населения. Превышение среднероссийских показателей качества жизни населения. Превышение среднероссийских показателей экономического развития
Приоритетные отрасли развития	Экспортно-ориентированные отрасли экономики: нефтегазохимия, авиа- и судостроение, сельское хозяйство, лесоперерабатывающая промышленность, рыболовство и аквакультура, логистика, туризм и добыча полезных ископаемых
Основные направления экономического развития	Развитие трансграничной инфраструктуры и конкурентное таможенное регулирование. Поддержка экспорта. Создание инфраструктуры для реализации новых инвестиционных проектов. Развитие малого и среднего предпринимательства Развитие инфраструктуры поддержки высокотехнологичных проектов. Развитие TOP

Примечание. Составлено авторами по материалам Программы СЭР Дальнего Востока.

Note. Compiled by the authors based on the materials of the Far East Socio-Economic Development Programme.

Данное обстоятельство включает два момента: во-первых, следует учитывать тенденцию на ближайшую перспективу (в том числе на срок действия пролонгированных экологических программ), которая останется неизменной; во-вторых, необходимо учитывать то, что добывающие отрасли на территории ДФО являются экологоемкими, поэтому воздействие на природную среду только усилится. При этом важно помнить об ее экологической значимости. Природные комплексы, сохранившиеся здесь на значительной площади (до 70 %) в естественном или близком к нему состоянии, обеспечивают экологический баланс не только собственного региона, но и планеты в целом [19]. По последним данным [20], углеродный след составляет 60 % в общей доле экологического следа человечества, для минимизации которого требуются меры, в том числе по сохранению естественных ландшафтов. Исследования также указывают на то, что для поддержания жизнеобеспечивающих функций биосферы площадь природных систем в среднем не должна составлять меньше 50 % площади суши, с трендом возрастания в широтном направлении от тропиков к полярным ландшафтам [21]. Учитывая степень сохранности природных комплексов и особенности геогра-

фического положения территории ДФО, биоемкость экосистем региона была оценена в 150 %, что свидетельствует об их реальной способности обеспечивать человека необходимыми экосистемными услугами [22—26].

Анализ народнохозяйственных планов, включающих 117 проектов Программы СЭР, был проведен в два этапа. На первом этапе из совокупности предполагаемых начинаний, обеспечивающих экономическое развитие субъектов, определена доля энерго- и ресурсоемких, а также экологических мероприятий (проектов) (рис. 2). В последующем все планируемые мероприятия (проекты) были структурированы по направлениям отраслевой структуры хозяйства (рис. 3).

Анализ показал, что значительная доля (34 %) перспективных проектов Программы СЭР в субъектах ДФО связана с усилением сырьевых трендов и дополнительным изъятием ресурсов. В этом лидируют Чукотский автономный округ (ЧАО), Хабаровский край, Камчатский край. Основное внимание уделено развитию золотодобычи, увеличению мощности действующих горно-обогатительных комбинатов, созданию новых горно-металлургических и обогатительных производств и др.

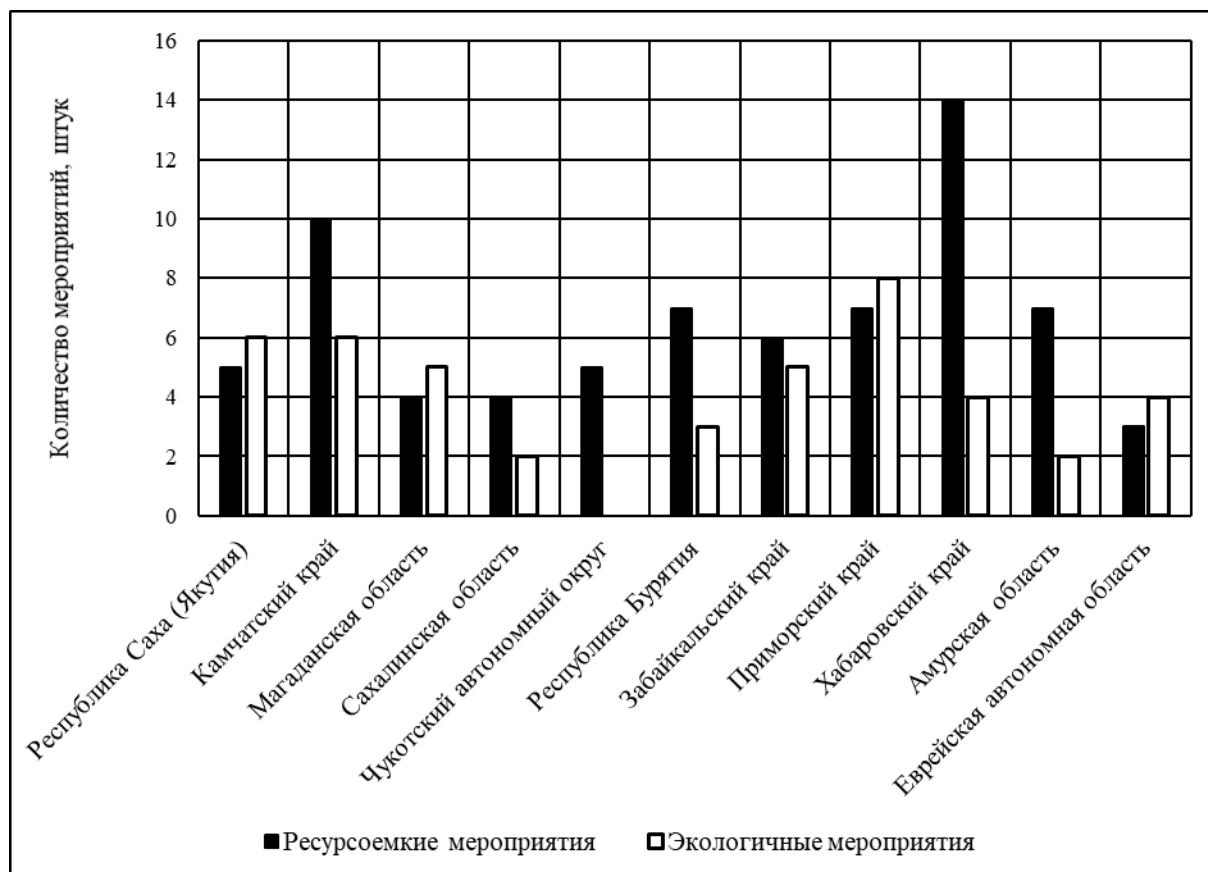

Рис. 2. Распределение ресурсоемких и экологичных мероприятий по субъектам ДФО в Программе СЭР
(составлено авторами)
Distribution of resource intensive and environmentally friendly activities across the FEFD subjects
in the Socio-Economic Development Programme (compiled by the authors)

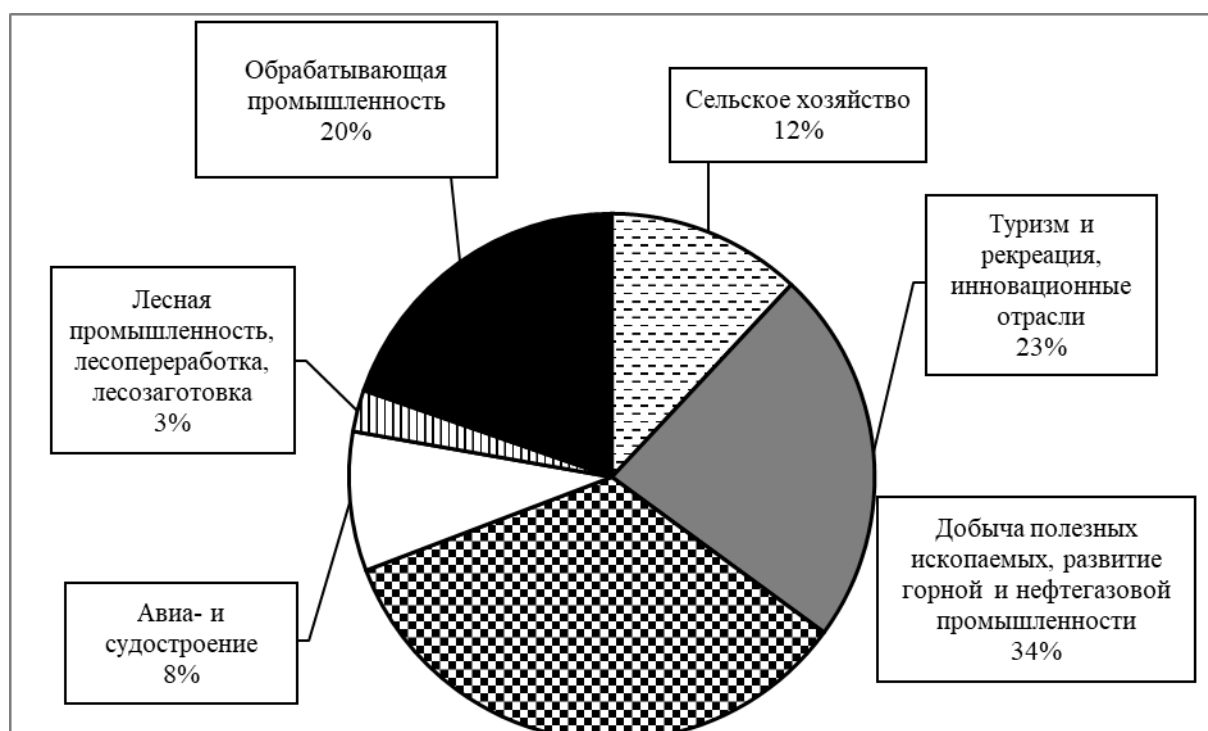

Рис. 3. Запланированные мероприятия в отраслевой структуре хозяйства ДФО (доля, %)
(составлено авторами)
Planned activities in the sectoral structure of the FEFD economy (share, %) (compiled by the authors)

В целом более детальный анализ по каждому субъекту наглядно демонстрирует высокую долю добывающих отраслей в стратегических планах развития практически всех субъектов (рис. 4).

Их экономическое будущее (за исключением Приморского края и ЕАО) ориентировано преимущественно на активизацию отраслей по добыче полезных ископаемых.

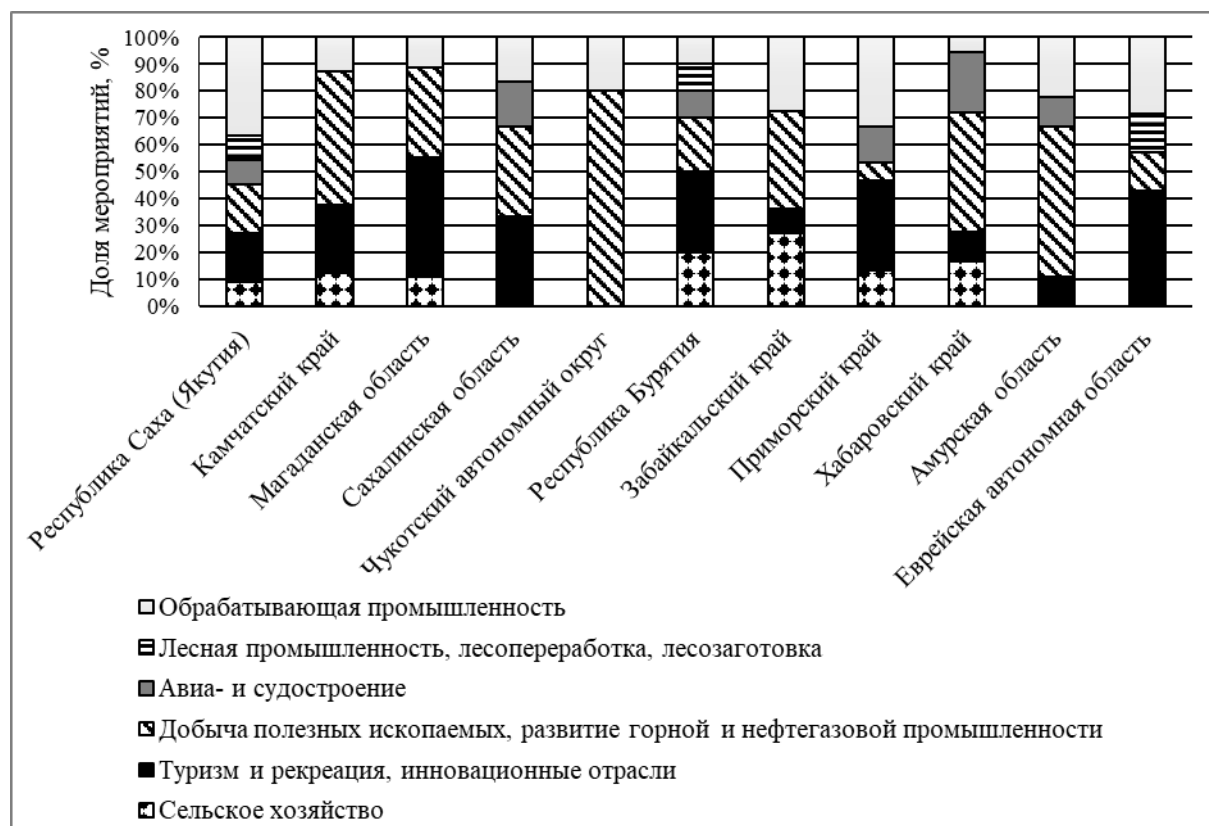

Рис. 4. Распределение в Программе СЭР планируемых мероприятий в территориально-отраслевой структуре хозяйства субъектов ДФО, % (составлено авторами)
Distribution of planned activities in the territorial sectoral structure of the FEFD subjects' economies under the Socio-Economic Development Programme, % (compiled by the authors)

Из положительных в экологическом отношении тенденций хозяйственного роста стоит отметить, что во всех субъектах присутствуют проекты, относящиеся к отраслям зеленого профиля — развитие туризма (23 %) и сельского хозяйства (12 %). В качестве примеров следует привести формирование рекреационно-оздоровительных комплексов, строительство гостиниц, наращивание потенциала туристических кластеров, модернизацию санаторно-курортных комплексов и т. д. В сельском хозяйстве северных регионов осуществляется строительство тепличных и агропромышленных комплексов.

Таким образом, проведенный анализ будущего экономического развития ДФО показывает повышение роли добывающих отраслей и обрабатывающей промышленности: 65 % планируемых мероприятий по всем регионам относится к энергозатратным и ресурсоемким, что, безусловно, скажется на экологической ситуации.

В сложившихся условиях экологическая составляющая неизбежно становится неотъемлемой частью государственного управления в целом и стратегического планирования в частности, что обозначено целями Программы СЭР.

Программа СЭР определяет цели и меры для ускорения развития экономики и социальной сферы макрорегиона, обеспечивает взаимосвязь мероприятий национальных проектов (программ), государственных программ Российской Федерации, направленных на развитие отдельных отраслей экономики и социальной сферы на территории Дальнего Востока (распоряжение, утвержденное Правительством Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. № 2464-р «Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года»). Так, в Национальной программе декларируется положение о том,

что все принимаемые стратегии должны взаимно учитывать цели, задачи и тренды развития региона в различных сферах, в том числе в области ООС. Посмотрим, насколько планы программы СЭР коррелируют с заявленными целями и задачами экологических программ и, наоборот, как последние взаимосвязаны с первыми.

Анализ программ в области охраны окружающей среды субъектов ДФО

Предшествующие наши исследования показали, что региональные программы ООС субъектов ДФО при определенной вольности их формирования отличаются наличием излишней информации, которая перегружает документ, усложняет его восприятие и не акцентирует внимание на наиболее значимых моментах

[14 ; 15 ; 19 ; 27 ; 28]. В первую очередь это касается используемых показателей достижения заявленных целей, их конкретной направленности на улучшение экологической обстановки на территории.

Анализ 425 предложенных показателей в экологических программах субъектов ДФО позволил определить долю наиболее значимых программ для ООС. По целевым показателям отслеживаются тенденции, содержание и реальные успехи/промахи принимаемых управленческих и социально-экономических мер в оздоровлении экологической ситуации на рассматриваемой территории. Диаграмма наглядно иллюстрирует низкую репрезентативность конкретных показателей, ориентированных на выполнение целевых установок (рис. 5).

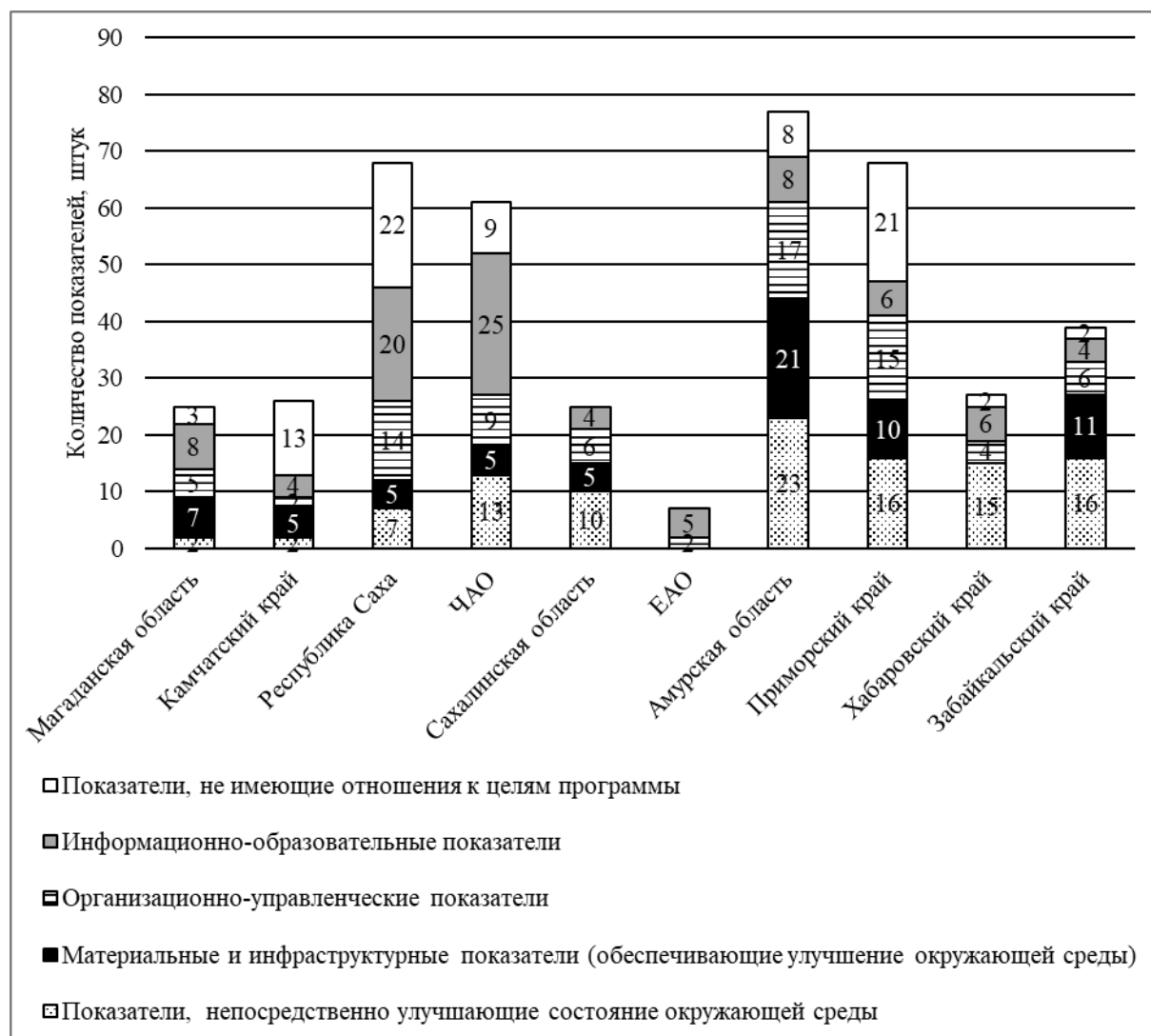

Рис. 5. Распределение показателей экологических программ ООС субъектов ДФО по их содержанию (составлено авторами)

Distribution of indicators of the environmental (EP) programmes of the FEFD subjects by their content (compiled by the authors)

По всем субъектам лишь 104 показателя, отслеживающие результаты запланированных мероприятий, направлено на непосредственное улучшение экологической обстановки, что составляет 24,5 %

(рис. 6). В совокупности с показателями, отражающими эффективность мероприятий по обеспечению процесса ООС, картина выглядит более оптимистично — их доля составляет 41 %.

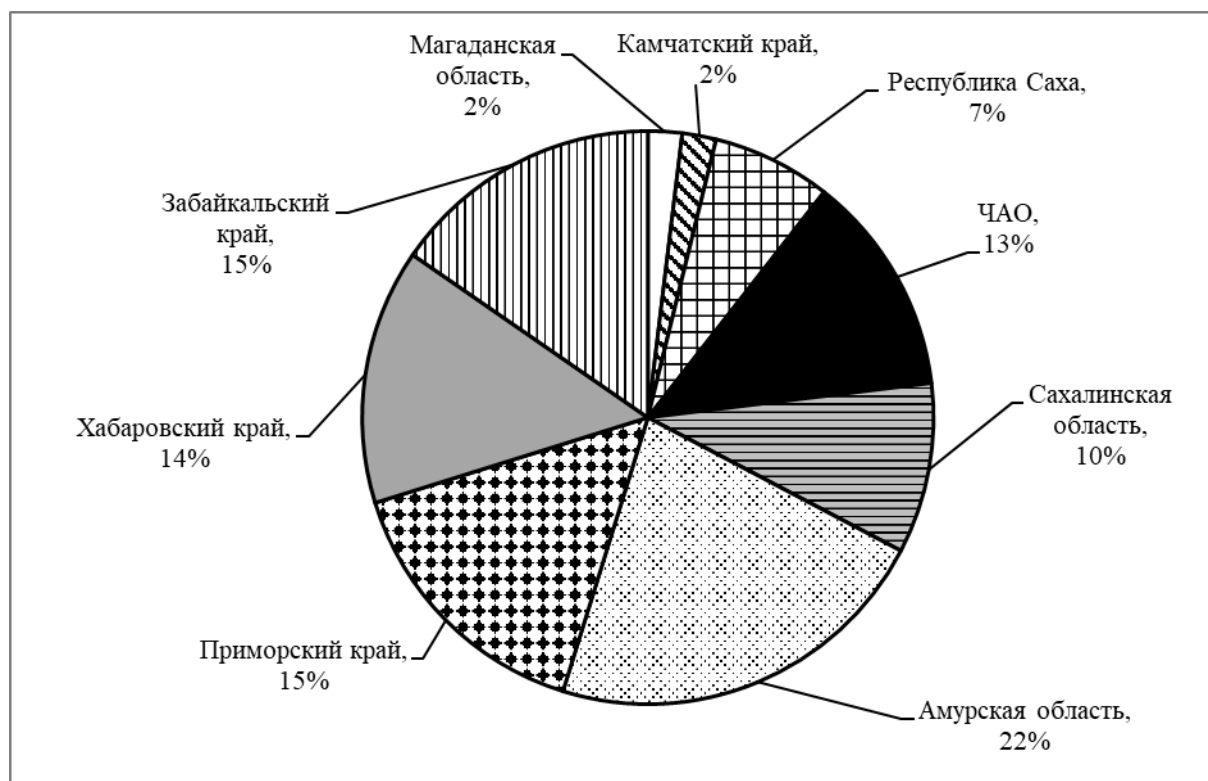

Рис. 6. Распределение показателей, используемых в экологических программах субъектов ДФО, направленных на улучшение окружающей среды, % (составлено авторами)
Distribution of indicators used in the environmental programmes of the FEFD subjects aimed at environmental improvement, % (compiled by the authors)

В природоохранных программах некоторых субъектов ДФО показатели, а значит, и задачи, ориентированные на реальное улучшение экологической обстановки, занимают очень скромные позиции. А показатели, не относящиеся к целевым установкам программ, имеют определенный вес и составляют в различных субъектах от 5 до 50 %. Сопоставление планируемых экономических меро-

приятий по регионам не находит полного отражения в задачах экологических программ (рис. 7). Коэффициент корреляции составляет 0,37, что свидетельствует о слабой взаимосвязи факторов. При активизации хозяйственной деятельности ресурсоемких отраслей количество показателей, отслеживающих нагрузку на ООС, остается на низком уровне.

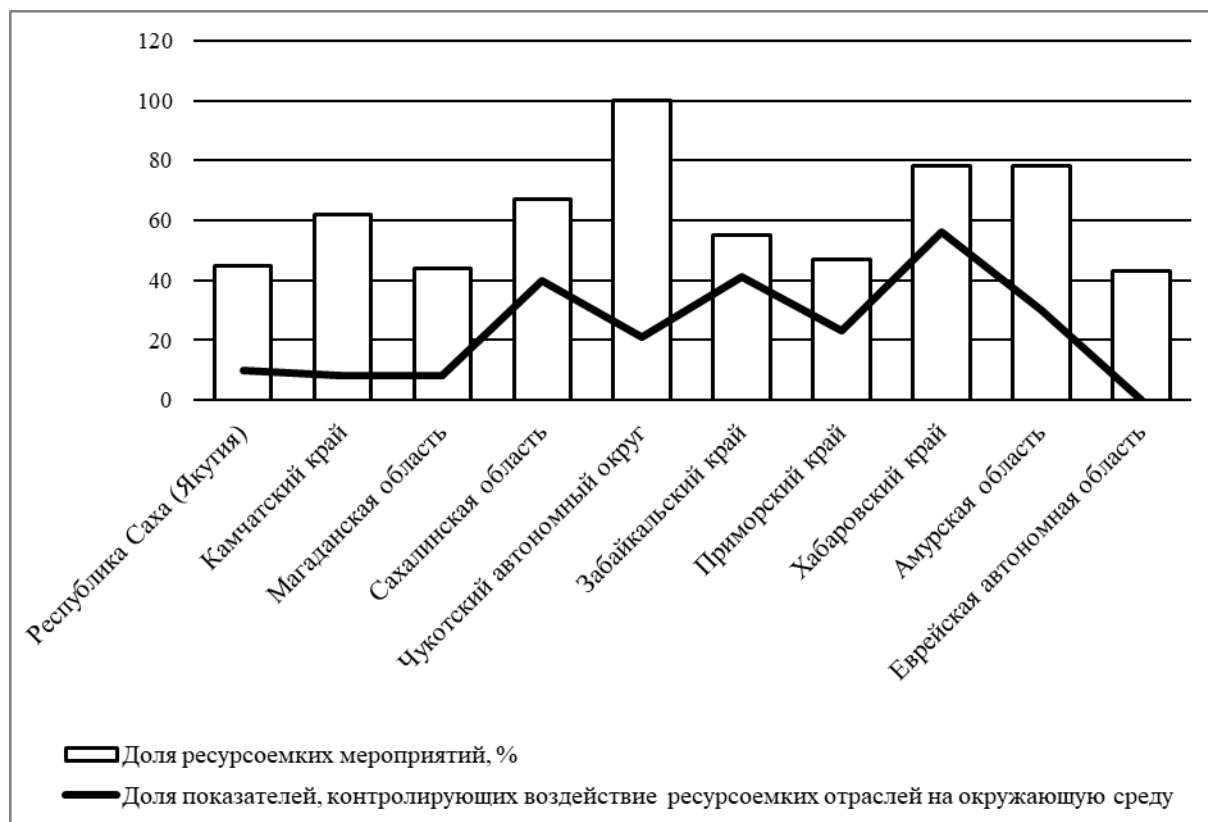

Рис. 7. Сопоставление экологических показателей, используемых в программах ООС, а также ресурсоемких мероприятий развития субъектов ДФО (составлено авторами)
Comparison of environmental indicators used in the EP programmes and resource intensive development activities of the FEFD subjects (compiled by the authors)

Таким образом, проведенный анализ показал, что индикаторы в принятых экологических программах не в полной мере учитывают заявленные тенденции экономического развития. В перспективе сложно ожидать изменения экологической обстановки в регионе в лучшую сторону, если при формировании экологических программ не исправить недоработки, исключая отсутствие/нечеткость связи с другими региональными программами, отсутствие целевых экологических индикаторов в экономических программах.

Заключение

Основная ценность региональных программ как важнейшего звена территориального управления состоит в возможности коррелировать поставленные задачи и ожидаемые в процессе их решения результаты. Повышение эффективности государственного управления в области ООС в регионах зависит от качества исполнения экологических программ. Основной и самой распространенной проблемой их низкой эффективности является несогласованность с другими регио-

нальными программами, в первую очередь с программами социально-экономического развития.

Анализ содержания зафиксированных в экологических программах субъектов ДФО показателей, которые призваны обеспечить ООС, и корреляция их с перспективными планами социально-экономического развития регионов свидетельствует об отсутствии тесных горизонтальных связей между программами в регионах, а также скоординированности экономических и экологических задач. Доработка программ в аспекте более тесной взаимосвязи планируемых мероприятий с социально-экономическими сценариями развития территории создает потенциал более высокого уровня государственного планирования и управления в сфере ООС, оздоровления экологической ситуации. Практическая значимость исследования заключается в возможности улучшить систему индикаторов экологических программ регионов в контексте согласованности экологических и экономических задач и в совершенствовании региональной экологической политики в целом.

Список источников

1. *Лабыкин А. Р.* Бизнес уже платит за будущее планеты // Эксперт. 2020. № 1149 (5). С. 58—62.
2. *Бреусова А. Г.* Оценка эффективности государственных программ // Вестник Омского университета. 2015. № 2. С. 128—136.
3. *Шпакова Р. Н.* Национальные цели развития в экологической сфере на период до 2036 года // Мир новой экономики. 2024. № 18 (4). С. 18—28. DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-4-18-28 27
4. *Шпакова М. В., Иванов А. А., Демидов М. О.* Экологическая политика в рамках развития региона // Наука без границ. 2017. № 7 (12). С. 77—80.
5. *Шахова И. Ю., Онолюк Е. Ю.* Экономика региона: анализ региональных программ по экологической безопасности // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. 2022. № 1 (51). С. 121—130. DOI: 10.6060/ivecofin.2022511.592
6. *Карагодина Д. С.* Обзор региональных программ по вопросам охраны окружающей среды. URL: <https://rb-centre.ru/upload/iblock/a48/a48304e8413978761ac4a16f73fb9d60.pdf> (дата обращения 20.01.2025).
7. *Турцева К. П.* Векторы региональной экологической политики в России: анализ государственных программ // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. № 16 (3). С. 27—40. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-3-27-40>
8. *Убонова Д. З.* Проблемы разработки региональных программ охраны окружающей среды // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2020. № 4. С. 133—138.
9. *Илинбаева Е. А.* Методика оценки результативности стратегического планирования социально-экономического развития на уровне субъектов Федерации с учетом экологической составляющей. Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2015. № 3. С. 108—122.
10. *Шахворостов Г. И., Яцкова Е. А.* Разработка предложений по совершенствованию региональной политики охраны окружающей среды (на примере Воронежской области) // Регион: системы, экономика, управление. 2020. № 4 (5). С. 62—69. DOI: 10.22394/1997-4469-20251-4-62-69
11. *Мюллер Д. Г., Фатыхова Д. Р.* Проблемы эффективности реализации государственных программ в РФ // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 4. С. 60—63.
12. *Бедняков А. С., Мизурин Л. А.* Национальные проекты России: проблемы и решения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 4 (118). С. 20—25.
13. *Самарина В. П., Ильичева Е. В.* Экологическая политика в стратегиях социально-экономического развития регионов Центрального Черноземья // Вестник Евразийской науки. 2021. № 4 (13). URL: <https://esj.today/PDF/15ECVN421.pdf> (дата обращения 2.06.2025).
14. *Мирзеханова З. Г., Кольцова А. А.* Экологическая политика регионов Дальневосточного федерального округа в контексте национальных стратегических целей // Экономика региона. 2024. № 20 (1). С. 218—234. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-15>
15. *Мирзеханова З. Г., Кольцова А. А.* Экологические программы регионов Дальневосточного федерального округа: сравнительный анализ // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2023. № 87 (8). С. 1—12. DOI: 10.31857/S2587556623080137
16. Bengtsson M. How to plan and perform a qualitative study using content analysis. Nursing Plus Open. 2016. P. 28—14. <http://dx.doi.org/10.1016/j.npls.2016.01.001>
17. Content analysis of Chinese cities' Five-Year Plan transport policy documents / Guo Meng, Li Qingyang, Wu Chenyang, Scott Le Vine, Ren Gang. Case Studies on Transport Policy 13. 2023. No. 101055. <https://doi.org/10.1016/j.cstp.2023.101055>
18. How are ecological approaches justified in European rural development policy? Evidence from a content analysis of CAP and rural development discourses / Leduc G. et al. // Journal of Rural Studies. 2021. No. 86. P. 611—622. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2021.06.009>
19. *Мирзеханова З. Г., Кольцова А. А.* Экологические программы регионов ДФО: анализ используемых показателей // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3. С. 95—121. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-3-95-121
20. Carbon Footprints and Ecological Footprints: Estimation and Mitigation Practices / N. K. Rai, Y. K. Vishwakarma, S. Bardhan, R. S. Singh // The Intersection of Global Energy Politics and Climate Change: Advances in Geographical and Environmental Sciences. Singapore. Springer, 2025. https://doi.org/10.1007/978-981-96-0535-4_16
21. *Яблоков А. В., Левченко В. Ф., Керженцев А. С.* О концепции «управляемой эволюции» как альтернативе концепции «устойчивого развития» // Теоретическая и прикладная экология. 2017. № 2. С. 4—8.
22. *Экологический след субъектов Российской Федерации. Основные выводы и рекомендации* // Всемирный фонд дикой природы (WWF). М. : WWF России, 2017.

23. Бобылев С. Н. Устойчивое развитие в интересах будущих поколений: экономические приоритеты // Мир новой экономики. 2017. № 3. С. 90—96.
24. Зеленая экономика и цели устойчивого развития для России : моногр. / под науч. ред. С. Н. Бобылёва, П. А. Кирюшина, О. В. Кудрявцевой. М. : Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. 2019. 284 с.
25. Экосистема Дальнего Востока и Забайкалья России. URL: <https://ngofeec.ru/ekosistema-dalnego-vostoka-i-zabajkalya/>
26. Environment Ecological Footprint by Country 2025 [online]. URL: <https://www.footprintnetwork.org/licenses/public-data-package-free/>
27. Мирзеханова З. Г., Кольцова А. А. Отражение в экологических программах субъектов Дальневосточного федерального округа специфики регионального развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 3. С. 162—186. DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-3-162-186
28. Мирзеханова З. Г. Региональные экологические программы: причины низкой эффективности исполнения // География и природные ресурсы. 2025. Т. 46, № 4. С. 5—15. DOI: 10.15372/GIPR20250401

References

1. Labikin A.R. Biznes uzhe platit za budushchee planeti [Business is already paying for the future of the planet]. Ekspert [Expert], 2020, no. 1149 (5), pp. 58–62.
2. Breusova A.G. Otsenka effektivnosti gosudarstvennikh programm [Evaluation of the effectiveness of state programmes]. Vestnik Omskogo universiteta [Bulletin of Omsk University], 2015, no. 2, pp. 128–136.
3. Shpakova R.N. Natsionalnie tseli razvitiya v ekologicheskoi sfere na period do 2036 goda [National development goals in the environmental sphere for the period up to 2036]. Mir novoi ekonomiki [World of New Economy], 2024, no. 18 (4), pp. 18–28. DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-4-18-28
4. Shpakova M.V., Ivanov A.A., Demidov M.O. Ekologicheskaya politika v ramkakh razvitiya regiona [Environmental policy within the framework of regional development]. Nauka bez granits [Science without Borders], 2017, no. 7 (12), pp. 77–80.
5. Shakhova I.Yu., Onopyuk Ye.Yu. Ekonomika regiona: analiz regionalnikh programm po ekologicheskoi bezopasnosti [Regional economy: analysis of regional environmental safety programmes]. Izvestiya visshikh uchebnikh zavedenii. Seriya: Ekonomika, finansi i upravlenie proizvodstvom [Proceedings of Higher Educational Institutions. Series: Economics, Finance and Production Management], 2022, no. 1 (51), pp. 121–130. DOI: 10.6060/ivecofin.2022511.592
6. Karagodina D.S. Obzor regionalnikh programm po voprosam okhrani okruzhayushchei sredi [Review of regional environmental protection programmes]. Available at: <https://rb-centre.ru/upload/iblock/a48/a48304e8413978761ac4a16f73fb9d60.pdf> (accessed 20.01.2025).
7. Turtseva K.P. Vektori regionalnoi ekologicheskoi politiki v Rossii: analiz gosudarstvennikh programm [Vectors of regional environmental policy in Russia: analysis of state programmes]. Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya [Bulletin of Perm University. Political Science], 2022, no. 16 (3), pp. 27–40. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-3-27-40>
8. Ubonova D.Z. Problemi razrabotki regionalnikh programm okhrani okruzhayu-shchei sredi [Problems of developing regional environmental protection programmes]. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment [Bulletin of Buryat State University. Economics and Management], 2020, no. 4, pp. 133–138.
9. Ilinbaeva Ye.A. Metodika otsenki rezultativnosti strategicheskogo planirovaniya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya na urovne subektov Federatsii s uchetom ekologicheskoi sostavlyayushchei. Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa [Methodology for evaluating the effectiveness of strategic planning of socio-economic development at the level of the subjects of the Federation, taking into account the environmental component. Corporate governance and innovative development of the Northern economy]. Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Siktivkarskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Research Centre for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktivkar State University], 2015, no. 3, pp. 108–122.
10. Shakhvorostov G.I., Yatskova Ye.A. Razrabotka predlozhenii po sovershenstvovaniyu regionalnoi politiki okhrani okruzhayushchei sredi (na primere Voronezhskoi oblasti) [Developing proposals for improving regional environmental protection policy (on the example of the Voronezh region)]. Region: sistemi, ekonomika, upravlenie [Region: Systems, Economics, Management], 2020, no. 4 (5), pp. 62–69. DOI: 10.22394/1997-4469-20251-4-62-69
11. Myuller D.G., Fatikhova D.R. Problemi effektivnosti realizatsii gosudarstvennikh programm v RF [Problems of the effectiveness of the implementation of state programmes in the Russian Federation]. Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii [Bulletin of Economics, Law and Sociology], 2018, no. 4, pp. 60–63.

12. Bednyakov A.S., Mierin L.A. Natsionalnie proekti Rossii: problemi i resheniya [National projects of Russia: problems and solutions]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of St. Petersburg State University of Economics], 2019, no. 4 (118), pp. 20–25.
13. Samarina V.P., Ilicheva Ye.V. Ekologicheskaya politika v strategiyakh sotsial-no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Tsentralnogo Chernozemya [Environmental policy in the socio-economic development strategies of the Central Black Earth regions]. *Vestnik Yevraziiskoi nauki* [Bulletin of Eurasian Science], 2021, no. 4 (13). Available at: <https://esj.today/PDF/15ECVN421.pdf> (accessed 2.06.2025).
14. Mirzekhanova Z.G., Koltsova A.A. Ekologicheskaya politika regionov Dalnevostochnogo federalnogo okruga v kontekste natsionalnikh strategicheskikh tselei [Environmental policy of the regions of the Far Eastern Federal District in the context of national strategic goals]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2024, no. 20 (1), pp. 218–234. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-15>
15. Mirzekhanova Z.G., Koltsova A.A. Ekologicheskie programmi regionov Dalnevostochnogo federalnogo okruga: sravnitel'nyy analiz [Environmental programmes of the regions of the Far Eastern Federal District: a comparative analysis]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Izvestiya Rossiiskaya Akademii Nauk, Seriya Geograficheskaya], 2023, no. 87 (8), pp. 1–12. DOI: 10.31857/S2587556623080137
16. Bengtsson M. How to plan and perform a qualitative study using content analysis. *Nursing Plus Open*, 2016, pp. 28–34. <http://dx.doi.org/10.1016/j.npls.2016.01.001>
17. Guo Meng, Li Qingyang, Wu Chenyang, Scott Le Vine, Ren Gang. Content analysis of Chinese cities' Five-Year Plan transport policy documents. *Case Studies on Transport Policy* 13, 2023, no. 101055. <https://doi.org/10.1016/j.cstp.2023.101055>
18. Leduc G. et al. How are ecological approaches justified in European rural development policy? Evidence from a content analysis of CAP and rural development discourses. *Journal of Rural Studies*, 2021, no. 86, pp. 611–622. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2021.06.009>
19. Mirzekhanova Z.G., Koltsova A.A. Ekologicheskie programmi regionov DFO: analiz ispolzuemikh pokazatelei [Environmental programmes of the FEFD regions: analysis of the indicators used]. *Voprosi gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya* [Issues of State and Municipal Management], 2023, no. 3, pp. 95–121. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-3-95-121
20. Rai N.K., Vishwakarma Y.K., Bardhan S., Singh R.S. Carbon Footprints and Ecological Footprints: Estimation and Mitigation Practices. *The Intersection of Global Energy Politics and Climate Change: Advances in Geographical and Environmental Sciences*. Singapore. Springer, 2025. https://doi.org/10.1007/978-981-96-0535-4_16
21. Yablokov A.V., Levchenko V.F., Kerzhentsev A.S. O kontseptsii “upravlyaemoy evo-lyutsii” kak alternative kontseptsii “ustoichivogo razvitiya” [On the concept of “controlled evolution” as an alternative to the concept of “sustainable development”]. *Teoreticheskaya i prikladnaya ekologiya* [Theoretical and Applied Ecology], 2017, no. 2, pp. 4–8.
22. Ekologicheskii sled subektov Rossiiskoi Federatsii. Osnovnye vivodi i rekomendatsii [Ecological footprint of the subjects of the Russian Federation. Main conclusions and recommendations]. *Vsemirnyy fond dikoi prirody (WWF)* [World Wildlife Fund (WWF)]. Moscow: WWF Rossii, 2017.
23. Bobilev S.N. Ustoichivoe razvitie v interesakh budushchikh pokolenii: ekonomicheskie prioritety [Sustainable development for the benefit of future generations: economic priorities]. *Mir novoi ekonomiki* [World of New Economy], 2017, no. 3, pp. 90–96.
24. Zelenaya ekonomika i tseli ustoichivogo razvitiya dlya Rossii [Green economy and sustainable development goals for Russia]: monogr. / pod nauch. red. S.N. Bobilyova, P.A. Kiryushina, O.V. Kudryavtsevoi. Moscow: Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova, 2019, 284 p.
25. Ekosistema Dalnego Vostoka i Zabaikalya Rossii [Ecosystem of the Far East and Transbaikalia of Russia]. Available at: <https://ngofeec.ru/ekosistema-dalnego-vostoka-i-zabajkalya/>.
26. Environment Ecological Footprint by Country 2025 [online]. Available at: <https://www.footprintnetwork.org/licenses/public-data-package-free/>
27. Mirzekhanova Z.G., Koltsova A.A. Otrazhenie v ekologicheskikh programmakh subektov Dalnevostochnogo federalnogo okruga spetsifiki regionalnogo razvitiya [Reflection of the specifics of regional development in the environmental programmes of the subjects of the Far Eastern Federal District]. *Voprosi gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya* [Issues of State and Municipal Management], 2024, no. 3, pp. 162–186. DOI: 10.17323/1999-5431-2024-0-3-162-186
28. Mirzekhanova Z.G. Regionalnie ekologicheskie programmi: prichiny nizkoi effektivnosti ispolneniya [Regional environmental programmes: reasons for low implementation efficiency]. *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources], 2025, vol. 46, no. 4, pp. 5–15. DOI: 10.15372/GIPR20250401

Информация об авторах

Мирзеханова Зоя Гавриловна — доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории оптимизации регионального природопользования, Институт водных и экологических проблем, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Хабаровск, Российская Федерация. E-mail: lorp@ivep.as.khb.ru

Кольцова Анастасия Алексеевна — кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории оптимизации регионального природопользования, Институт водных и экологических проблем, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Хабаровск, Российская Федерация. E-mail: never_give_up@mail.ru

Information about the authors

Zoya G. Mirzekhanova — Doctor of Sciences (Geography), Professor, Chief Researcher at the Laboratory for Optimisation of Regional Nature Management, Institute of Water and Ecology Problems, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russian Federation. E-mail: lorp@ivep.as.khb.ru

Anastasiya A. Koltsova — Candidate of Sciences (Geography), Researcher at the Laboratory for Optimisation of Regional Nature Management, Institute of Water and Ecology Problems, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russian Federation. E-mail: never_give_up@mail.ru

Статья поступила в редакцию 03.02.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 04.06.2026.

The article was submitted 03.02.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 04.06.2026.

Развитие территорий. 2026. № 3. С. 88—101.
Territory Development. 2026;(3):88—101.

Экономические исследования

Научная статья
УДК 332.12
EDN TMELUW

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ КАК МЕХАНИЗМ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКСПОРТНО-СЫРЬЕВОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Ольга Сергеевна Нагаева

Институт экономики и организации промышленного производства, Сибирское отделение Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация, ecpro@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются возможности трансформации экспортно-сырьевой модели развития Восточной Сибири на основе формирования межрегиональных цепочек создания стоимости. На базе структурно-функционального анализа ресурсно-сырьевой базы, производственных мощностей и инфраструктурных условий выявлены потенциальные конфигурации нефтегазовой, металлургической и батарейно-минеральной цепочек. Определены ключевые ограничения и наиболее реалистичные направления их развития. Показано, что формирование взаимосвязанных цепочек способствует росту добавленной стоимости, усилению межрегиональной интеграции и повышению устойчивости социально-экономического развития макрорегиона.

Ключевые слова: цепочки создания стоимости в условиях Восточной Сибири, ресурсно-сырьевой потенциал, устойчивое развитие, структурная трансформация, межрегиональная интеграция

Благодарности: статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Экономика регионов Сибири в условиях внешних и внутренних вызовов: интеграция и кооперация», № 126021116962-1.

Для цитирования: Нагаева О. С. Межрегиональные цепочки создания стоимости как механизм трансформации экспортно-сырьевой модели развития Восточной Сибири // Развитие территорий. 2026. № 3. С. 88—101. EDN TMELUW.

Economic research

Original article

INTERREGIONAL VALUE CHAINS AS A MECHANISM FOR TRANSFORMING THE EXPORT-RESOURCE DEVELOPMENT MODEL OF EASTERN SIBERIA

Olga S. Nagaeva

Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, ecpro@mail.ru

Abstract. The article analyses the possibilities of transforming the export-resource development model of Eastern Siberia through the formation of interregional value chains. Based on a structural-functional analysis of the resource base, production capacities and infrastructural conditions, potential configurations of oil-and-gas, metallurgical and battery-mineral chains are identified. Key constraints and the most realistic directions for their development are determined. It is shown that the

formation of interconnected chains contributes to value added growth, strengthening interregional integration and enhancing the sustainability of socio-economic development of the macro-region.

Keywords: value chains in Eastern Siberia, resource potential, sustainable development, structural transformation, interregional integration

Acknowledgments: the article was prepared according to the research plan of the Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, project “Economy of the Siberian regions under external and internal challenges: integration and cooperation”, No. 126021116962-1.

For citation: Nagaeva O.S. Interregional Value Chains as a Mechanism for Transforming the Export-Resource Development Model of Eastern Siberia. Territory Development. 2026;(3):88—101. (In Russ.). <https://elibrary.ru/tmeluw>.

Введение

Экономика регионов Восточной Сибири — Красноярского края, Иркутской области, Республики Хакасия и Республики Тыва — в значительной степени ориентирована на добычу и первичную переработку сырья [1]. В последние два десятилетия начала XXI в. были вовлечены в хозяйственный оборот крупные нефтегазоконденсатные, угольные, золоторудные и иные месторождения. За этот период объем инвестиций в сырьевой сектор в сопоставимых ценах увеличился более чем в 16,4 раза, а их доля в структуре инвестиций макрорегиона возросла с 7,9 % в 2005 г. до 26,6 % в 2024 г. Доля добычи полезных ископаемых в валовой добавленной стоимости увеличилась с 4,1 до 24,4 % [2 ; 3].

Однако вовлеченность сырьевого сектора в остальные отрасли экономики остается ограниченной, что проявляется в сравнительно низких значениях мультипликаторов валового выпуска и инвестиций [1]. Значительная часть добываемых ресурсов вывозится за пределы макрорегиона, преимущественно на экспорт, усиливая зависимость от внешне-экономической конъюнктуры. Сформировавшаяся анклавная модель функционирования сырьевого комплекса сдерживает развитие высокотехнологичных производств, ограничивает формирование внутреннего спроса на инновации и усиливает пространственную дифференциацию внутри Восточной Сибири.

В то же время ресурсно-сырьевой потенциал сохраняет определяющее значение для средне- и долгосрочного развития макрорегиона. В этих условиях ключевой задачей становится его структурная трансформация посредством удлинения стадий переработки и локализации добавленной стоимости. Одним из механизмов такой трансформации выступает формирование межрегиональных цепочек создания стоимости (ЦСС), обеспе-

чивающих интеграцию добывающих, перерабатывающих и обрабатывающих производств в пределах макрорегиона.

Целью данной работы является выявление потенциальных межрегиональных цепочек создания стоимости — от добычи сырья до выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью — и оценка перспектив их формирования в условиях Восточной Сибири.

Научная новизна исследования состоит в обосновании взаимосвязанных межрегиональных цепочек создания стоимости в ресурсном макрорегионе с учетом взаимодополняющего потенциала субъектов Восточной Сибири. В отличие от работ, рассматривающих отдельные отрасли или участие регионов в глобальных цепочках, в статье предложена комплексная конфигурация нефтегазовой, металлургической и батарейно-минеральной цепочек как элементов единого пространственно-экономического контура развития макрорегиона.

Межрегиональные цепочки создания стоимости: теоретические основы и эмпирические исследования

Цепочка создания стоимости в современной литературе рассматривается как механизм формирования и распределения добавленной стоимости в процессе создания конечного продукта, включающий последовательные стадии, которые могут быть пространственно разнесены и контролироваться различными участниками [4]. В структуре ЦСС выделяются восходящие (upstream) стадии, характеризующиеся относительно низкой добавленной стоимостью и высокой зависимостью от внешнего спроса, и нисходящие (downstream) сегменты, где концентрируются основные доходы и стратегический контроль над рынками [5].

В ряде исследований показано, что социально-экономическое развитие страны или региона во многом определяется их

позицией в цепочках создания стоимости. Экономики, ориентированные на поздние стадии и высокотехнологичные сегменты, демонстрируют более высокие темпы роста и инновационную активность, тогда как закрепление на восходящих стадиях связано с риском «ловушки низкой добавленной стоимости» и уязвимостью к внешним шокам [6 ; 7]. В этой связи ключевой задачей становится не столько участие в ЦСС, сколько продвижение к более сложным и капиталоемким переделам.

В последние годы исследовательский акцент смещается на региональный уровень. Так, анализируются факторы, способствующие функциональному продвижению регионов в цепочках добавленной стоимости [8], рассматривается трансформация межрегиональных связей в условиях включения стран в глобальные производственные сети [9], а также влияние межрегиональной кооперации на распределение добавленной стоимости внутри страны [10 ; 11].

Работы, посвященные участию России в глобальных цепочках создания стоимости, подчеркивают позицию страны как поставщика сырья и энергоресурсов, что отражает закреплённость на восходящих стадиях и ограниченную интеграцию в высокотехнологичные сегменты [12—14]. В этой связи трансформация участия страны в ЦСС предполагает не только продвижение в глобальных цепочках, но и формирование и удлинение внутренних и межрегиональных цепочек создания стоимости. Существенный вклад в разработку данной проблематики внесли исследования Вологодского научного центра РАН, рассматривающие межрегиональные ЦСС как инструмент пространственного выравнивания и ускорения экономического роста [15 ; 16].

Отдельное направление исследований посвящено ресурсным регионам, для которых характерна экспортная ориентация и доминирование восходящих стадий. Вместе с тем в ряде работ показано, что сырьевой сектор может выступать базой для устойчивого роста при формировании разветвленных межотраслевых и межрегиональных связей, однако подобная трансформация требует развития институтов, инфраструктуры и человеческого капитала [17 ; 18].

В прикладных работах предлагаются конкретные конфигурации цепочек со-

здания стоимости на базе сырьевых отраслей. Так, обоснована возможность формирования ЦСС в угледобывающих регионах с акцентом на углехимию и технологические сервисы [19], а также создание межрегиональных цепочек на основе освоения Попигайского месторождения алмазно-лонсдейлитового сырья с развитием сопряженных высокотехнологичных производств [20].

Несмотря на наличие значительного массива исследований, вопросы формирования межрегиональных цепочек создания стоимости в ресурсных макрорегионах и определения их отраслевых конфигураций с учетом взаимодополняемости ресурсной базы, производственных мощностей и инфраструктуры регионов остаются недостаточно разработанными. Это формирует исследовательский разрыв и обуславливает необходимость анализа возможностей формирования ЦСС в условиях Восточной Сибири.

Материалы и методы исследования

В представленной работе цепочки создания стоимости трактуются как последовательность переделов, повышающих добавленную стоимость относительно сырьевой стадии.

Выявление межрегиональных цепочек осуществлялось на основе структурно-функционального анализа ресурсно-сырьевой базы, действующих и проектируемых производственных мощностей, а также инфраструктурных и институциональных условий развития Восточной Сибири. Информационную основу исследования составили данные Росстата, материалы федеральных и региональных программ, корпоративная отчетность и инвестиционные планы ключевых компаний, а также отраслевые аналитические обзоры и экспертные публикации.

Формирование цепочек проводилось посредством последовательного анализа стадий создания добавленной стоимости — от добычи и первичной переработки сырья до выпуска продукции более высоких переделов. Особое внимание уделялось выявлению структурных «разрывов», при которых отдельные стадии переработки отсутствуют в макрорегионе, а сырьевые потоки направляются за его пределы. Такие разрывы интерпретировались как потенциальные точки локализации новых производственных зве-

ньев и усиления межрегиональной кооперации. В результате сформированы типовые конфигурации нефтегазовой, металлургической и батарейно-минеральной цепочек.

Для оценки социально-экономических эффектов использовались удельные отраслевые показатели капиталоемкости, добавленной стоимости, занятости и налоговой нагрузки, рассчитанные на основе данных официальной статистики Росстата и информации по отраслевым инвестиционным проектам. Показатели приведены в ценах 2024 г. с учетом транспортной удаленности и инфраструктурных ограничений макрорегиона. Оценки охватывают только перерабатывающие звенья производственных цепочек и не учитывают инвестиции в освоение месторождений, которые реализуются в макрорегионе независимо от уровня переработки.

Выявленные цепочки не предполагают жесткой фиксации конкретных инвестиционных проектов и рассматриваются как возможные направления пространственной и отраслевой интеграции экономики Восточной Сибири.

Предпосылки формирования межрегиональных цепочек создания стоимости в Восточной Сибири

Формирование межрегиональных цепочек создания стоимости на базе ресурсно-сырьевого потенциала рассматривается как один из механизмов структурной трансформации экономики Восточной Сибири, обеспечивающих переход от анклавной модели к сбалансированному развитию.

Макрорегион располагает рядом объективных предпосылок для формирования таких цепочек. Ключевой из них является наличие диверсифицированной сырьевой базы, что создает возможности для сочетания ресурсов, локализованных в различных субъектах Восточной Сибири, и для развития межрегиональной кооперации. Существенным фактором выступает мощный гидроэнергетический потенциал, который обеспечивает доступ к относительно дешевой низкоуглеродной электроэнергии и повышает привлекательность размещения энергоемких и перерабатывающих производств.

Важное значение имеет транспортная инфраструктура, которая создает про-

странственный каркас интеграции. Прохождение через макрорегион Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей, наличие федеральных автодорог и выход к Северному морскому пути создают условия для включения формируемых цепочек как во внутрироссийские, так и во внешние логистические контуры.

Дополнительным фактором является наличие перерабатывающих, машиностроительных, сервисно-инжиниринговых предприятий, а также научно-образовательного комплекса, ориентированного на запросы реального сектора. Это формирует технологическую и кадровую базу для развития более высоких переделов и локализации отдельных стадий цепочек создания стоимости.

Формированию межрегиональных ЦСС также способствует государственная политика импортозамещения, наличие инструментов государственной поддержки и проектного финансирования, а также растущий внутренний спрос на продукцию более высокой степени переработки.

Совокупность указанных факторов формирует необходимые предпосылки для углубления переработки сырья и усиления межрегиональной связанности экономики Восточной Сибири.

Потенциальные межрегиональные цепочки создания стоимости в Восточной Сибири

Наиболее значимой и уже частично сформированной для Восточной Сибири является нефтегазовая цепочка создания стоимости, обеспечивающая переход от добычи углеводородов к их переработке и выпуску продукции более высокого передела.

Основными нефтегазодобывающими регионами Восточной Сибири являются Красноярский край и Иркутская область, где сосредоточены значительные запасы нефти и газа. Промышленное освоение ресурсов началось с введением в 2009 г. магистрального нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО), интегрировавшего региональные нефтегазоконденсатные месторождения в экспортно-ориентированную систему. В газовом секторе аналогичную роль сыграл газопровод «Сила Сибири», обеспечивший в 2022 г. начало промышленной эксплуатации Ковыктинского месторождения. За период 2007—2024 гг. добыча

нефти увеличилась более чем в 100 раз, газа — в 25,6 раза. В настоящее время доля Восточной Сибири в общероссийской добыче составляет 6,7 % по нефти и 3,6 % по газу [2 ; 3].

Дальнейшее развитие отрасли было связано с реализацией проекта «Восток Ойл» ПАО «НК „Роснефть”» и вводом в разработку ряда месторождений в Красноярском крае и Иркутской области.

Несмотря на рост добычи, перерабатывающие мощности Восточной Сибири слабо интегрированы с региональной сырьевой базой. Ачинский НПЗ и Ангарская нефтехимическая компания в основном перерабатывают западносибирскую нефть, тогда как значительная часть восточносибирского сырья экспортируется по системе ВСТО. Газ Ковыктинского месторождения также ориентирован преимущественно на внешний рынок. Такая конфигурация ограничивает формирование внутренней добавленной стоимости и мультипликативных эффектов.

Вместе с тем макрорегион располагает предпосылками для развития глубокой переработки. К ним относятся компонентный («жирный») состав газа восточносибирских месторождений, наличие действующих перерабатывающих предприятий, мощная гидроэнергетическая база (Богучанская ГЭС), а также растущий региональный спрос на нефтегазохимическую продукцию и возможность включения региональных проектов в национальный проект «Новые материалы и химия».

Представим конфигурацию потенциальной цепочки (рис. 1).

Показательным примером формирования вертикально интегрированной ЦСС является проект Усть-Кутского газохимического комплекса Иркутской нефтяной компании на базе Ярактинского и Марковского месторождений. В его состав входят газоперерабатывающий завод (ГПЗ), установка по производству гелия, Иркутский завод полимеров мощностью 650 тыс. т в год, а также завод неорганической химии по переработке пластовых рассолов Марковского и Ковыктинского месторождений (проект реализуется совместно с ПАО «Газпром»). Реализация проекта уже обеспечила создание более 1 600 рабочих мест и внесла значительный вклад в социально-экономическое развитие региона.

Дальнейшее развитие этой цепочки возможно за счет создания вокруг Иркутского завода полимеров производств готовой продукции, ориентированных прежде всего на региональный спрос — «северных» марок полиэтилена, выдувной тары, газо- и водопроводных труб, геосинтетики. Вместе с тем создание крупного газоперерабатывающего комплекса на базе Ковыктинского месторождения представляется маловероятным ввиду его ключевой роли в обеспечении сырьем газопровода «Сила Сибири» и Амурского ГПЗ. Более реалистичным направлением выглядит создание СПГ-производства для газификации удаленных территорий макрорегиона.

Дополнительным направлением является расширение и углубление переработки на базе Ангарского нефтехимического комплекса, включающего Ангарскую нефтехимическую компанию (АНХК), Ангарский завод полимеров и Ангарский завод катализаторов и органического синтеза. Переориентация комплекса на сырье восточносибирских месторождений с высоким содержанием легких фракций позволит увеличить выход светлых нефтепродуктов и повысить эффективность нефтехимического передела.

В Красноярском крае перспективным является создание Богучанского газоперерабатывающего и газохимического комплекса на основе сырья Эвенкийской группы месторождений. В совокупности с Усть-Кутским и Ангарским комплексами он сформирует основу для глубокой переработки углеводородов и выпуска высокомаржинальной нефтегазохимической продукции.

Развитию нефтегазовых цепочек создания стоимости в Восточной Сибири препятствуют различные ограничения. К ключевым ограничениям относятся отсутствие магистрального газопровода; высокая капиталоемкость проектов, обусловленная сложными природно-климатическими условиями, слабой инфраструктурной освоенностью и удаленностью от поставщиков; зависимость от импортных технологий и оборудования, доступ к которым ограничен вследствие санкций; несогласованность и отсутствие механизмов координации интересов недропользователей.

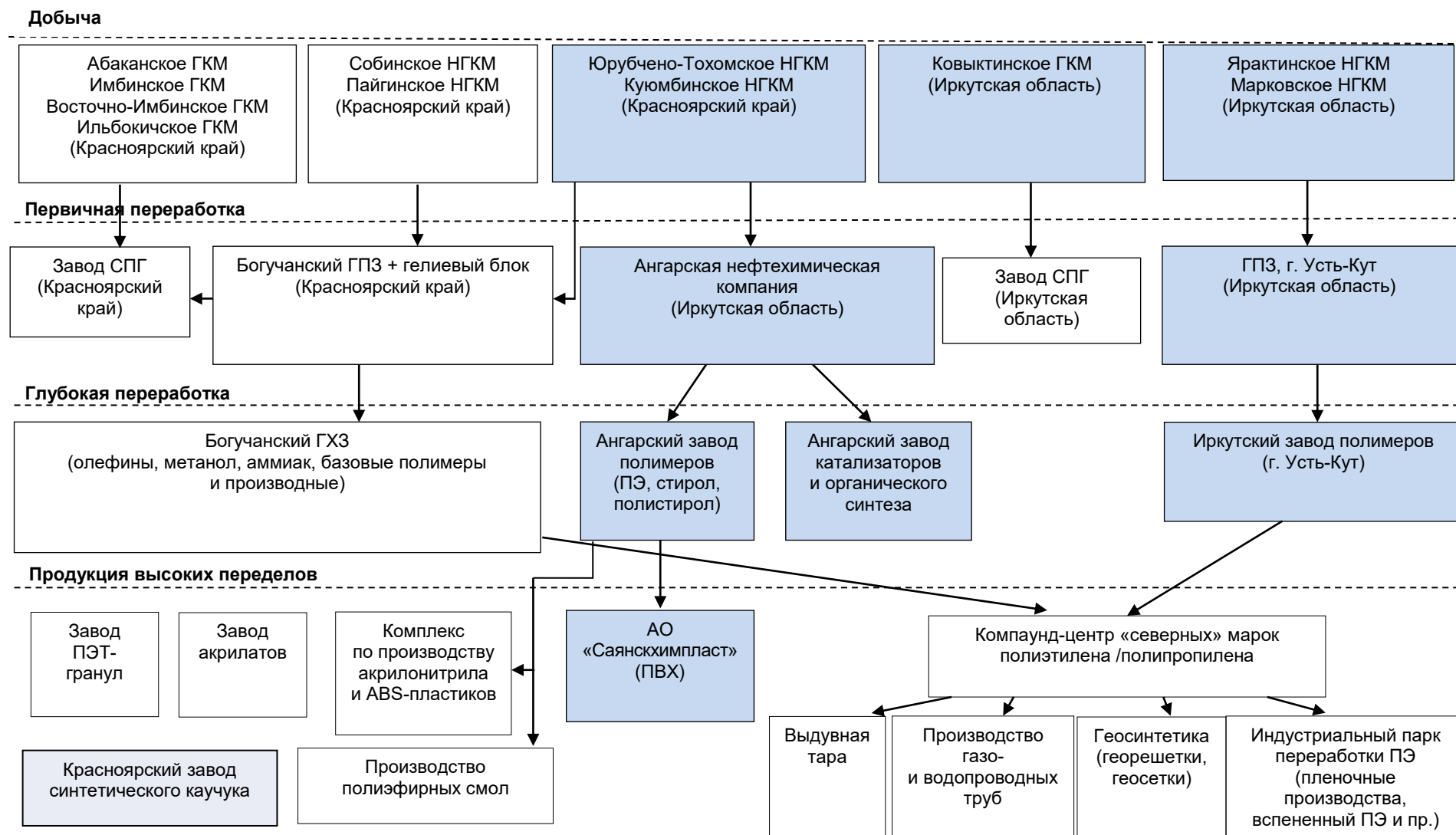

Рис. 1. Нефтегазовая цепочка создания стоимости в Восточной Сибири (составлено автором)
Oil and gas value chain in Eastern Siberia (compiled by the author)

Примечание. На рисунке серой заливкой выделены сформированные или формирующиеся элементы цепочки.
Note. In the figure, the grey shading indicates the formed or emerging elements of the chain.

Смягчение указанных ограничений предполагает поэтапную реализацию проектов с использованием механизмов государственной поддержки, локализацию производства оборудования и развитие собственных технологий в кооперации с региональными НИИ и вузами, координацию интересов недропользователей на государственном уровне. Особый приоритет следует отдать импортозамещающей продукции и специализированным маркам полимеров, адаптированным к экстремальным условиям Крайнего Севера и Арктики.

Таким образом, нефтегазовая цепочка в Восточной Сибири находится на стадии формирования. При условии последовательной локализации переработки и координации инвестиционных решений она способна обеспечить прирост региональной добавленной стоимости и усиление межрегиональной производственной интеграции.

Следующим направлением развития цепочек создания стоимости, открывающим новые возможности межрегиональной кооперации южных районов Красноярского края, Республики Хакасия и Республики Тыва, является металлургическая цепочка в сегментах специальных сталей и ферросплавов.

К ключевым предпосылкам развития данной цепочки относятся наличие значительной минерально-сырьевой базы с суммарными запасами свыше 1 млрд т, территориальная близость месторождений легирующих элементов, доступ к дешевой «зеленой» энергии Саяно-Шушенской и Майнской ГЭС, развитая транспортная инфраструктура и возможность технологической синергии с алюминиевым кластером. Дополнительным фактором выступает растущий спрос на специальные стали и ферросплавы со стороны машиностроения, горнодобывающей и нефтегазовой отраслей, а также инфраструктурных и арктических проектов.

Ядром предлагаемой цепочки является производственный комплекс, включающий окатышевую фабрику, модуль прямого восстановления железа (DRI) и электросталеплавильное производство специальных и высоколегированных сталей. Отсутствие газоснабжения в макрорегионе предопределяет необходимость рассмотрения альтернативных технологических решений: угольного восстановления

во вращающихся печах, использования синтез-газа угольной газификации либо водородного DRI.

Угольное восстановление во вращающихся печах отличается низкой капиталоемкостью, однако сопровождается более высокими выбросами и относительно низким качеством металлizedованного продукта, что делает данный вариант переходным решением. Синтез-газ позволяет применять стандартные газовые DRI-модули и получать высокую степень металлзации, но целесообразен лишь при интеграции с углехимическими проектами и требует значительных инвестиций. Наиболее предпочтительным в долгосрочной перспективе является водородный DRI, который обеспечивает выпуск высококачественного металлizedованного железа и соответствует мировым трендам низкоуглеродной металлургии. Мощная гидроэнергетическая база Хакасии (Саяно-Шушенская и Майнская ГЭС) в сочетании с глобальными трендами развития водородной энергетики формируют необходимые предпосылки для освоения этого направления.

Рассмотрим предлагаемую металлургическую цепочку создания стоимости (рис. 2).

Территориальная близость месторождений легирующих элементов, на основе которых уже действуют ферросплавные предприятия и реализуются новые проекты, позволяет сформировать легирующую подцепочку. На базе Сорского медно-молибденового месторождения функционирует Сорский ферромолибденовый завод. Планируемое вовлечение Агаскырского месторождения расширяет его сырьевую базу и создает предпосылки для наращивания выпуска легирующих добавок для производства специальных сталей. В Иркутской области действует Братский завод ферросплавов, выпускающий ферросилиций на базе кварцитов Уватского месторождения. Дополнительные возможности связаны с реализацией проектов по производству феррониобия на базе Большетангинского месторождения в Иркутской области и ферромарганца в Республике Хакасия на основе Усинского месторождения. Оба проекта имеют высокую вероятность реализации в условиях импортозамещения.

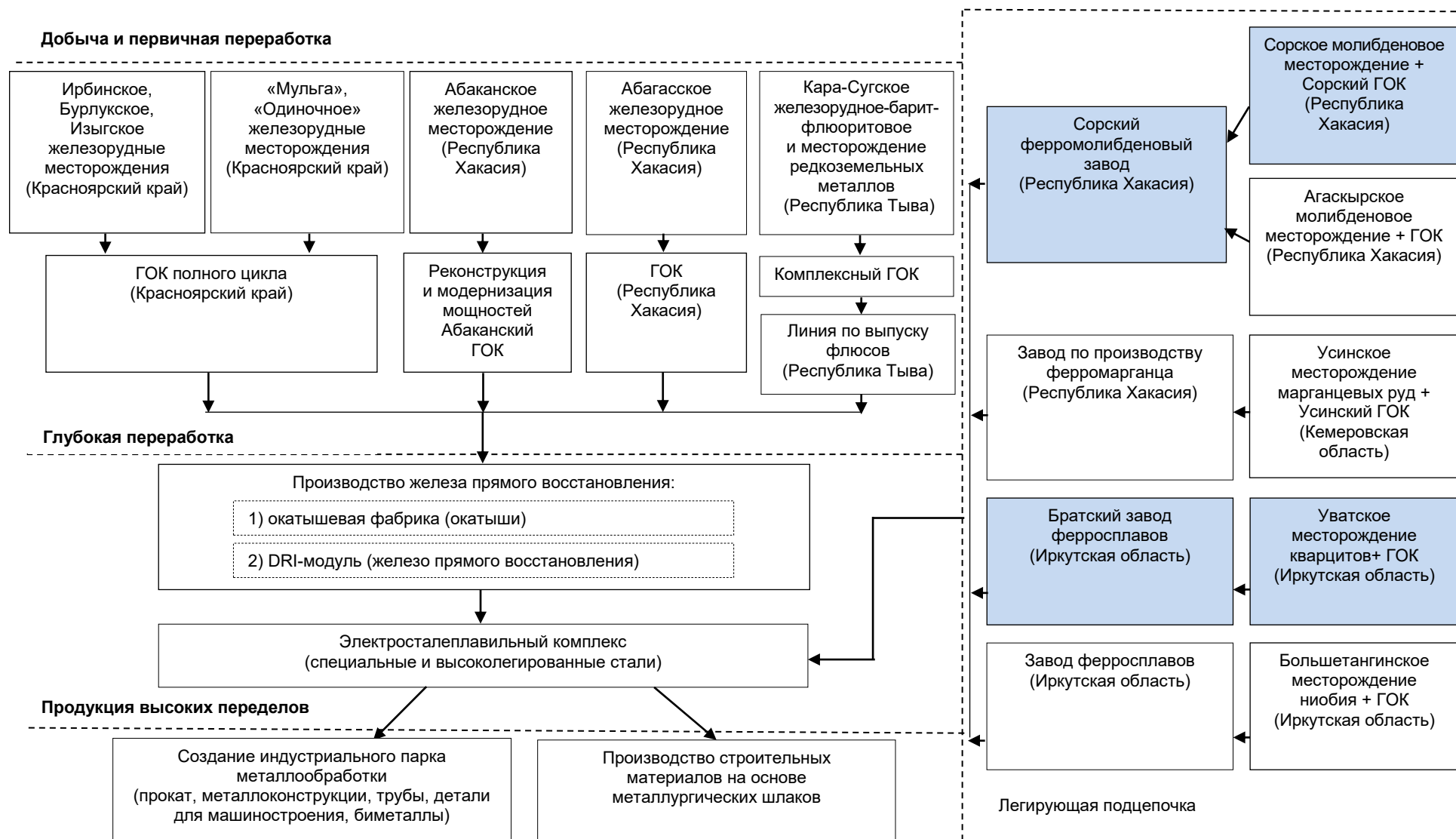

Рис. 2. Металлургическая цепочка создания стоимости в Восточной Сибири (составлено автором)
 Metallurgical value chain in Eastern Siberia (compiled by the author)

Примечание. На рисунке серой заливкой выделены сформированные или формирующиеся элементы цепочки.
 Note. In the figure, the grey shading indicates the formed or emerging elements of the chain.

Для максимизации мультипликативного эффекта целесообразно создать рядом с электросталеплавильным комплексом индустриальный парк металлообработки по выпуску проката, металлоконструкций, труб, машиностроительных деталей, биметаллов и строительных материалов из металлургических шлаков.

Развитию металлургической цепочки препятствуют институциональные и технологические ограничения: часть перспективных месторождений находится в нераспределенном фонде недр, качество руд не всегда соответствует требованиям DRI-технологий, сохраняется зависимость от импортного оборудования, отмечается дефицит специализированных компетенций и высокая капиталоемкость проектов. Дополнительным ограничивающим фактором является возможная конкуренция с действующими металлургическими центрами Сибири.

Смягчение ограничений возможно при комплексной реализации мер, включающих ускорение вовлечения месторождений в хозяйственный оборот, развитие обогащательных мощностей, переход на альтернативные технологические решения и локализацию оборудования, подготовку кадров, поэтапную реализацию проектов с использованием механизмов проектного финансирования и государственной поддержки, минимизацию экологических рисков за счет размещения производств вне населенных пунктов, применение соответствующих технологий и включение местных сообществ в механизмы контроля. Ключевое значение имеет ориентация на выпуск специальных «рецептурных» сталей, биметаллов и продукции высоких переделов для внутреннего рынка.

Таким образом, металлургическая цепочка создания стоимости в сегменте специальных сталей и ферросплавов обладает значительным потенциалом и способна стать одним из центров промышленного роста юга Восточной Сибири при условии преодоления ключевых ограничений и формирования устойчивых механизмов межрегиональной кооперации.

Не менее значимые возможности для формирования новых интеграционных производственных связей в Восточной Сибири открываются на базе развития батарейно-минеральной цепочки создания стоимости. Ее значимость обусловлена

высокой импортозависимостью: более 80 % российского рынка литий-ионных аккумуляторов формировалось за счет импорта [21]. Санкционные ограничения 2022 г. существенно сократили поставки батарей и ключевых компонентов, в том числе прекурсоров, солей лития и катодных материалов, что актуализировало задачу формирования национальной производственной базы. Восточная Сибирь обладает для этого значительным потенциалом благодаря сочетанию сырьевой базы, дешевой гидроэнергии, промышленной инфраструктуры и формирующихся химико-технологических центров.

С учетом потенциала макрорегиона батарейно-минеральная цепочка может быть структурирована в четыре взаимосвязанных блока (рис. 3).

Первый (базовый) блок включает производство катодной меди и медной фольги для анодных токосъемников, а также сульфатов никеля и кобальта как основы для катодных прекурсоров. Его сырьевой базой выступают Ак-Сугское медно-порфировое месторождение в Республике Тыва и Кингашская группа медно-никелевых месторождений Красноярского края. Реализация блока предполагает создание медеэлектролитического комплекса, завода медной фольги и гидрометаллургических мощностей. Размещение данного блока в регионе обусловлено близостью сырьевой базы, доступом к дешевой гидроэнергии, наличием развитой цветной металлургии и промышленных площадок.

Второй блок — производство прекурсоров и катодных материалов — целесообразно развивать после формирования базового звена. Его ключевыми предпосылками являются: реализация проекта по переработке пластовых рассолов Ярактинского и Ковыктинского месторождений для получения соединений лития, наличие Ангарского химического кластера, а также промышленных площадок для неорганического синтеза в Усолье-Сибирском, близость сырьевой базы для производства марганцевых соединений.

Реализация первых двух блоков позволяет сформировать в макрорегионе полный цикл производства катодных материалов.

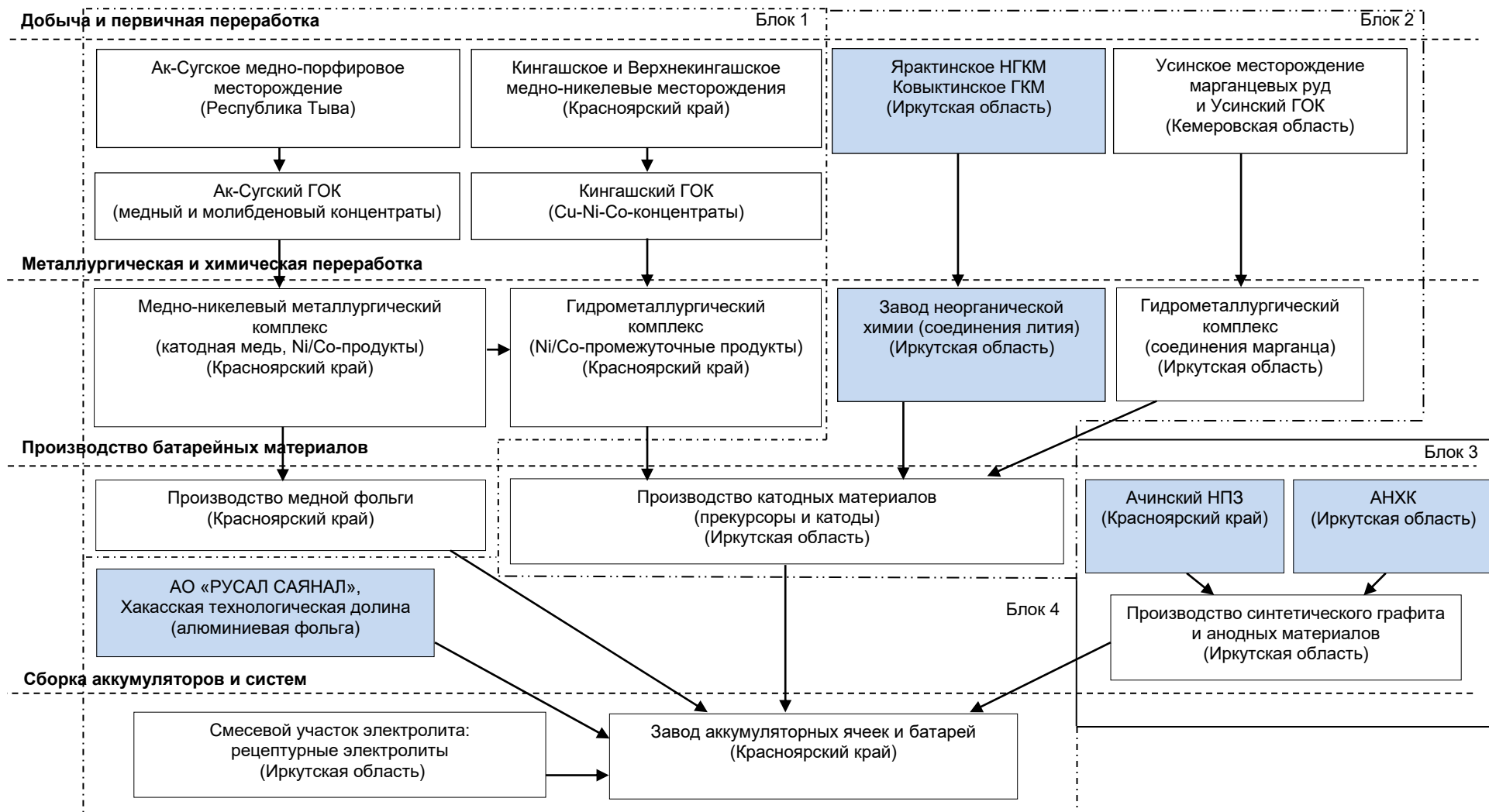

Рис. 3. Батарейно-минеральная цепочка создания стоимости в Восточной Сибири (составлено автором)
Battery mineral value chain in Eastern Siberia (compiled by the author)

Примечание. На рисунке серой заливкой выделены сформированные или формирующиеся элементы цепочки.
Note. In the figure, the grey shading indicates the formed or emerging elements of the chain.

Третий блок предусматривает выпуск анодных материалов — синтетического графита и графитового порошка. Ресурсной основой данного блока может стать нефтяной кокс Ачинского НПЗ и Ангарской НХК, а энергетической — гидроэнергетика Иркутской и Братской ГЭС.

Создание первых трех блоков создает предпосылки для заключительного этапа цепочки — производства литий-ионных аккумуляторных ячеек, модулей и батарейных систем. Его размещение в Восточной Сибири опирается на наличие базы для производства токосъемников (возможный выпуск алюминиевой фольги на АО «РУСАЛ-Саянал» и площадках Хакасской технологической долины) и формирующийся спрос на системы хранения энергии в промышленности и распределенной энергетике.

Реализация батарейно-минеральной цепочки в Восточной Сибири сталкивается с рядом институциональных, технологических, экологических и рыночных ограничений и рисков.

Ключевым институциональным ограничением является фрагментация управления сырьевой базой: разделение контроля над Кингашской группой месторождений и Ак-Сугским месторождением усложняет согласованное развитие добычи и переработки.

Технологические риски связаны с неопределенностью соответствия никель-кобальтовых концентратов требованиям батарейного качества, необходимостью масштабных НИОКР и отсутствием в регионе необходимых технологий.

Дополнительные ограничения связаны с экологическими требованиями и формированием устойчивого внутреннего спроса.

Снижение рисков предполагает проведение опытной переработки сырья, развитие замкнутых экологических циклов, создание пилотных производств прекурсоров и анодных материалов, формирование механизмов институциональной координации, а также поэтапную реализацию проектов с использованием инструментов государственной поддержки. Ключевым условием является концентрация усилий на звеньях, обеспечивающих наибольшую локализацию добавленной стоимости.

Наиболее реалистичными для локализации в Восточной Сибири являются первые два блока батарейно-минеральной цепочки — производство катодной меди, медной фольги, солей никеля и кобальта, а также выпуск катодных материалов. Развитие анодных производств и сборки аккумуляторных систем возможно при формировании технологических компетенций и устойчивого рыночного спроса.

Таким образом, формирование межрегиональных цепочек создания стоимости может рассматриваться как механизм структурной трансформации экономики Восточной Сибири, ориентированный на увеличение доли внутренней добавленной стоимости и углубление переработки сырья. Предварительные расчеты свидетельствуют о значительном потенциале прироста занятости, валовой добавленной стоимости и налоговых поступлений при реализации выявленных конфигураций (таблица). Оценки носят ориентировочный характер и отражают возможный эффект при выходе проектов на проектную мощность.

Социально-экономические эффекты формирования цепочек создания стоимости в Восточной Сибири

Socio economic effects of the formation of value chains in Eastern Siberia

Показатель	Нефтегазовая ЦСС	Металлургическая ЦСС	Батарейно-минеральная ЦСС
Общий объем инвестиций, млрд руб.	500—1100	180—530	150—525
Дополнительный объем производства основной продукции в год	Базовые полимеры: 0,45—0,95 млн т	Легированная сталь: 1—1,5 млн т	Катодная медь: 150—180 тыс. т Прекурсоры: 20 тыс. т Анодный порошок: 30 тыс. т
Создаваемые рабочие места, тыс. человек	2,5—7	2—4	1,5—5,3

Показатель	Нефтегазовая ЦСС	Металлургическая ЦСС	Батарейно-минеральная ЦСС
Добавленная стоимость, млрд руб. в год	65—105	50—100	60—208
Дополнительные налоговые поступления, млрд руб. в год	8—13,5	4,5—10	8—30,5

Примечание. Значения в таблице отражают диапазон сценариев: нижняя граница соответствует минимальному значению базового сценария, верхняя — максимальному значению расширенного сценария (развитие высоких переделов). Для нефтегазовой цепочки базовым является формирование Богучанского газохимического комплекса, для металлургической — создание DRI- и электросталеплавильного комплекса, для батарейно-минеральной — реализация первого блока.

Note. The values in the table reflect the scenario range: the lower bound corresponds to the minimum value of the baseline scenario, the upper bound to the maximum value of the extended scenario (development of high processing stages). For the oil and gas chain, the baseline is the formation of the Boguchany gas chemical complex; for the metallurgical chain, the creation of a DRI and electric arc steelmaking complex; for the battery mineral chain, the implementation of the first block.

Максимальный эффект достигается при их согласованном развитии, формирующем пространственно интегрированную сеть производственных комплексов и обеспечивающем локализацию более сложных стадий переработки.

Заключение

В статье обосновано, что перспективы социально-экономического развития Восточной Сибири связаны не с отказом от ресурсной специализации, а с ее структурной трансформацией на основе формирования межрегиональных ЦСС. Выявлены и проанализированы три ключевые цепочки создания стоимости (нефтегазовая, металлургическая и батарейно-минеральная), определены их потенциальные конфигурации, институци-

ональные и технологические ограничения, а также приоритетные направления локализации добавленной стоимости.

Настоящее исследование следует рассматривать как первый этап анализа формирования межрегиональных цепочек создания стоимости в Восточной Сибири. Полученные результаты могут быть использованы при формировании промышленной и инвестиционной политики, ориентированной на снижение сырьевой зависимости и усиление экономической интеграции макрорегиона. Дальнейшие исследования будут направлены на уточнение реализуемости выявленных и формирование новых цепочек с учетом инфраструктурных, рыночных и технологических факторов.

Список источников

1. Роль межрегиональной интеграции в пространственном социально-экономическом развитии регионов Восточной Сибири / под ред. Г. И. Поподько. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2025. 290 с.
2. Иркутскстат. URL: <https://38.rosstat.gov.ru/ofstatistics> (дата обращения: 15.09.2024).
3. Красноярскстат. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/ofstatistics> (дата обращения: 15.09.2024).
4. Sturgeon T. J. How Do We Define Value Chains and Production Networks? // IDS Bulletin. 2001. Vol. 32, no. 3. P. 9—18.
5. De Backer K., Miroudot S. Mapping Global Value Chains // OECD Trade Policy Papers. 2013. No. 159. OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/5k3v1trgnbr4-en
6. Pietrobelli C. Global value chains in the least developed countries of the world: Threats and opportunities for local producers // International Journal of Technological Learning, Innovation and Development. 2008. Vol. 1, no. 4. P. 459—481. DOI: 10.1504/IJTLID.2008.021964
7. Humphrey J., Schmitz H. How does insertion in global value chains affect upgrading in industrial clusters? // Regional Studies. 2002. Vol. 36, no. 9. P. 1017—1027. DOI: 10.1080/0034340022000022198
8. Functional upgrading and downgrading in global value chains: Evidence from EU regions / E. Hernández-Rodríguez, R. Boschma, A. Morrison, X. Ye // Papers in Regional Science. 2025. Vol. 104, no. 1. DOI: 10.1016/j.pirs.2024.100072

9. Okubo T., Sasahara A. A long-run transition of Japan's inter-regional value chains // RIETI Discussion Paper Series. 2022. No. 22-E-067.
10. The role of regions in global value chains: An analysis for the European Union / L. Bolea, R. Duarte, G. J. D. Hewings, S. Jiménez, J. Sánchez-Choliz // Papers in Regional Science. 2022. Vol. 101, no. 4. P. 771—795. DOI: 10.1111/pirs.12674
11. The role of complementary interregional linkages for functional upgrading and downgrading of global value chains in EU regions / E. Hernández-Rodríguez, R. Boschma, A. Morrison, X. Ye // Industry and Innovation. 2025. Vol. 32, no. 9. P. 1002—1036. DOI: 10.1080/13662716.2025.2480624
12. Стародубцева Е. Б., Ким А. Д. Проблемы участия России в глобальных цепочках стоимости // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2021. № 2. С. 21—30. DOI: 10.24143/2073-5537-2021-2-21-30
13. Сидорова Е. А. Россия в глобальных цепочках создания стоимости // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 9. С. 71—80. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-71-80
14. Россия в глобальном производстве : докл. к XXI Апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества / Ю. В. Симачев, А. А. Федюнина, М. Г. Кузык и др. М. : Высш. шк. экон., 2020. 148 с.
15. Сидоров М. А. Об ускорении роста экономики российских регионов на основе развития межрегиональных цепочек создания стоимости // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26, № 5. С. 10—23. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.2
16. Трансформация межрегиональных цепочек создания стоимости: проблемы и перспективы : моногр. / В. А. Ильин, Т. В. Ускова, Е. В. Лукин и др. Вологда : Вологод. науч. центр РАН, 2021. 244 с.
17. Anzolin G. Productive development policies in the mining value chain: Policy opportunity and alignment // Inter-American Development Bank (IDB) Working Paper. 2021. DOI: 10.18235/0003886
18. Savona M., Bontadini F. Revisiting the natural resource curse: Backward linkages for export diversification and structural economic transformation // Development and Change. 2023. Vol. 54. P. 378—421. DOI: 10.1111/dech.12754
19. Никитенко С. М., Гоосен Е. В. Цепочки добавленной стоимости как инструмент развития угольной отрасли // ЭКО. 2017. № 9. С. 104—124.
20. Крюков В. А., Самсонов Н. Ю., Крюков Я. В. Межрегиональные технологические цепочки в освоении Попигаевского месторождения алмаз-лонсдейлитового сырья // ЭКО. 2016. № 8. С. 51—66.
21. Анализ рынка аккумуляторных батарей в России в 2020—2024 гг. Прогноз на 2025—2029 гг. // BusinesStat. URL: https://businesstat.ru/images/demo/rechargeable_batteries_russia_demo_businesstat.pdf (дата обращения: 20.01.2026).

References

1. Rol mezhregionalnoi integratsii v prostranstvennom sotsialno-ekonomicheskom razvitii regionov Vostochnoi Sibiri [The Role of Interregional Integration in the Spatial Socio-Economic Development of the Regions of Eastern Siberia] / pod red. G.I. Popodko. Novosibirsk : IEOPP SO RAN, 2025, 290 p.
2. Irkutskstat [Irkutskstat]. Available at: <https://38.rosstat.gov.ru/ofstatistics> (accessed: 15.09.2024).
3. Krasnoyarskstat [Krasnoyarskstat]. Available at: <https://24.rosstat.gov.ru/ofstatistics> (accessed: 15.09.2024).
4. Sturgeon T.J. How Do We Define Value Chains and Production Networks?. IDS Bulletin, 2001, vol. 32, no. 3, pp. 9—18.
5. De Backer K., Miroudot S. Mapping Global Value Chains. OECD Trade Policy Papers, 2013, no. 159. OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/5k3v1trgnbr4-en
6. Pietrobelli C. Global value chains in the least developed countries of the world: Threats and opportunities for local producers. International Journal of Technological Learning, Innovation and Development, 2008, vol. 1, no. 4, pp. 459—481. DOI: 10.1504/IJTLID.2008.021964
7. Humphrey J., Schmitz H. How does insertion in global value chains affect upgrading in industrial clusters? Regional Studies, 2002, vol. 36, no. 9, pp. 1017—1027. DOI: 10.1080/0034340022000022198
8. Hernández-Rodríguez E., Boschma R., Morrison A., Ye X. Functional upgrading and downgrading in global value chains: Evidence from EU regions. Papers in Regional Science, 2025, vol. 104, no. 1. DOI: 10.1016/j.pirs.2024.100072
9. Okubo T., Sasahara A. A long-run transition of Japan's inter-regional value chains. RIETI Discussion Paper Series, 2022, no. 22-E-067.
10. Bolea L., Duarte R., Hewings G.J.D., Jiménez S., Sánchez-Choliz J. The role of regions in global value chains: An analysis for the European Union. Papers in Regional Science, 2022, vol. 101, no. 4, pp. 771—795. DOI: 10.1111/pirs.12674
11. Hernández-Rodríguez E., Boschma R., Morrison A., Ye X. The role of complementary interregional linkages for functional upgrading and downgrading of global value chains in EU regions. Industry and Innovation, 2025, vol. 32, no. 9, pp. 1002—1036. DOI: 10.1080/13662716.2025.2480624

12. Starodubtseva Ye.B., Kim A.D. Problemi uchastiya Rossii v globalnikh tsepochkakh stoimosti [Problems of Russia's participation in global value chains]. Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika [Bulletin of Astrakhan State Technical University. Series: Economics], 2021, no. 2, pp. 21–30. DOI: 10.24143/2073-5537-2021-2-21-30
13. Sidorova Ye.A. Rossiya v globalnikh tsepochkakh sozdaniya stoimosti [Russia in global value chains]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnie otnosheniya [World Economy and International Relations], 2018, vol. 62, no. 9, pp. 71–80. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-71-80
14. Simachev Yu.V., Fedyunina A.A., Kuzik M.G. et al. Rossiya v globalnom proizvodstve : dokl. K XXI Aprelskoi mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva [Russia in Global Production : Report for the XXI April International Scientific Conference on Economic and Social Development] / Moscow: Visshaya shkola ekonomiki, 2020, 148 p.
15. Sidorov M.A. Ob uskorenii rosta ekonomiki rossiiskikh regionov na osnove razvitiya mezhtsepochek sozdaniya stoimosti [On accelerating the growth of the Russian regions' economy based on the development of interregional value chains]. Problemi razvitiya territorii [Problems of Territory's Development], 2022, vol. 26, no. 5, pp. 10–23. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.2
16. Ilin V.A., Uskova T.V., Lukin Ye.V. et al. Transformatsiya mezhtsepochek sozdaniya stoimosti: problemi i perspektivi [Transformation of Interregional Value Chains: Problems and Prospects] : monogr. Vologda : Vologod. Nauch. tsentr RAN, 2021, 244 p.
17. Anzolin G. Productive development policies in the mining value chain: Policy opportunity and alignment. Inter-American Development Bank (IDB) Working Paper, 2021. DOI: 10.18235/0003886
18. Savona M., Bontadini F. Revisiting the natural resource curse: Backward linkages for export diversification and structural economic transformation. Development and Change, 2023, vol. 54, pp. 378–421. DOI: 10.1111/dech.12754
19. Nikitenko S.M., Goosen Ye.V. Tsepochniki dobavlennoi stoimosti kak instrument razvitiya ugolnoi otrasli [Value chains as a tool for the development of the coal industry]. EKO [ECO], 2017, no. 9, pp. 104–124.
20. Kryukov V.A., Samsonov N.Yu., Kryukov Ya.V. Mezhtsepochniki tekhnologicheskikh tsepochek v osvoenii Popigaiskogo mestorozhdeniyaalmaz-lonsdaleitovogo sirya [Interregional technological chains in the development of the Popigai deposit of diamond-lonsdaleite raw materials]. EKO [ECO], 2016, no. 8, pp. 51–66.
21. Analiz rinka akkumulyatornykh batarei v Rossii v 2020–2024 gg. Prognoz na 2025–2029 gg. [Analysis of the battery market in Russia in 2020–2024. Forecast for 2025–2029]. BusinesStat. Available at: https://businesstat.ru/images/demo/rechargeable_batteries_russia_demo_businesstat.pdf (accessed: 20.01.2026).

Информация об авторе

Нараева Ольга Сергеевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства, Сибирское отделение Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ecpro@mail.ru

Information about the author

Olga S. Nagaeva — Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ecpro@mail.ru

Статья поступила в редакцию 31.03.2026; одобрена после рецензирования 17.05.2026; принята к публикации 04.06.2026.

The article was submitted 31.03.2026; approved after reviewing 17.05.2026; accepted for publication 04.06.2026.

СТРАТЕГИЯ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАРТОГРАФИРОВАНИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКОСИСТЕМЫ ТЕРРИТОРИИ

Евгений Васильевич Попов¹, Игорь Павлович Челак², Максим Михайлович Скворцов³

^{1–3} Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Екатеринбург, Российская Федерация

³ Департамент экономики Правительства Тюменской области, Тюмень, Российская Федерация

¹ epopov@mail.ru

² chelak-ip@ranepa.ru

³ mmskvr@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено разработке алгоритма формирования стратегии публичного управления картографированием экономической экосистемы территории в условиях цифровизации. Обоснована необходимость перехода от отраслевого к экосистемному подходу в территориальном управлении, позволяющему визуализировать взаимосвязи между субъектами экономики и выявлять точки роста. Предложенный инструментарий оптимизирует принятие управленческих решений, обеспечивает комплексное представление о структуре экономической экосистемы и способствует повышению конкурентоспособности регионов.

Ключевые слова: цифровизация, экономическая экосистема, картографирование, территориальное управление, экосистемный подход, региональное развитие

Для цитирования: Попов Е. В., Челак И. П., Скворцов М. М. Стратегия публичного управления картографированием экономической экосистемы территории // Развитие территорий. 2026. № 3. С. 102—119. EDN WCSMLI.

Economic research

Original article

STRATEGY FOR PUBLIC MANAGEMENT OF MAPPING THE ECONOMIC ECOSYSTEM OF A TERRITORY

Evgeny V. Popov¹, Igor P. Chelak², Maxim M. Skvortsov³

^{1–3} Ural Institute of Management — branch of RANEPa, Yekaterinburg, Russian Federation

³ Department of Economics of the Government of the Tyumen Region, Tyumen, Russian Federation

¹ epopov@mail.ru

² chelak-ip@ranepa.ru

³ mmskvr@gmail.com

Abstract. The research is devoted to the development of an algorithm for forming a strategy for public management of mapping the economic ecosystem of a territory in the context of digitalisation. The necessity of transitioning from a sectoral to an ecosystem approach in territorial management is substantiated, which makes it possible to visualise the relationships between economic actors and identify growth points. The proposed toolkit optimises managerial decision-making, provides a comprehensive view of the structure of the economic ecosystem, and contributes to increasing the competitiveness of regions.

Keywords: digitalisation, economic ecosystem, mapping, territorial management, ecosystem approach, regional development

For citation: Popov E. V., Chelak I. P., Skvortsov M. M. Strategy for Public Management of Mapping the Economic Ecosystem of a Territory. Territory Development. 2026;(3):102—119. (In Russ.). <https://elibrary.ru/wcsmlI>.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена стремительной трансформацией экономических процессов в условиях цифровизации и необходимостью совершенствования подходов к территориальному управлению на основе экосистемного мышления. В современных условиях цифровой трансформации экономики традиционные методы стратегического планирования и управления региональным развитием демонстрируют ограниченную эффективность, что требует поиска новых инструментов анализа и визуализации сложных экономических взаимосвязей.

Картографирование экономической экосистемы территории становится важнейшим инструментом, позволяющим визуализировать взаимосвязи между субъектами экономической деятельности, выявлять потенциальные точки роста и определять направления стратегического развития региона. В отличие от классического отраслевого подхода, экосистемный подход рассматривает экономику как совокупность взаимосвязанных сегментов, включающих транспорт, образование, строительство, науку и инновации, а также здравоохранение, сельское хозяйство, энергетику и другие значимые отрасли, функционирующие в рамках определенной территориальной локализации.

Научная проблема исследования заключается в отсутствии целостного алгоритма формирования стратегии публичного управления картографированием экономической экосистемы территории. Существующие подходы к стратегическому планированию в публичном управлении не в полной мере учитывают особенности экосистемного подхода и методологии картографирования экосистем. Отсутствие системного представления о процессе управления картографированием экономических экосистем создает разрыв между потенциалом экосистемного подхода и возможностями его практического применения в системе государственного и муниципального управления.

Целью исследования является разработка алгоритма формирования стратегии публичного управления картографированием экономической экосистемы территории.

Достижение поставленной цели позволит создать научно обоснованный инструментарий для оптимизации процессов принятия управленческих решений в области регионального развития, обеспечит комплексное представление о структуре и динамике экономической экосистемы территории и будет способствовать повышению конкурентоспособности регионов в условиях новых экономических вызовов.

Понятие экономической экосистемы территории

Концепция экономической экосистемы берет свое начало от идей Джеймса Мура, который еще в 1990-х гг. определил экосистему как экономическое сообщество, поддерживаемое базисом из взаимодействующих организаций и отдельных лиц [1]. За последние десятилетия данная концепция претерпела значительную эволюцию, распространившись из бизнес-среды на все уровни экономической деятельности, включая территориальное развитие.

В современной научной литературе понятие «экономическая экосистема территории» является относительно новым и активно развивающимся. Анализ литературы показывает, что данный термин представляет собой синтез экосистемного подхода, заимствованного из биологии и экономической географии.

Критический анализ литературы показывает отсутствие единого общепринятого определения данного понятия. Так, Г. И. Гладкевич [2 ; 3] подчеркивает важность категорий территории и пространства в экономической географии, что создает теоретическую основу для понимания экономической экосистемы территории, однако не дает четкого определения самого концепта.

Автор В. Н. Незамайкин в работах по комплексному управлению природными ресурсами территорий рассматривает экономические и экологические аспекты территориальных систем, но не использует непосредственно термин «экономическая экосистема» [4].

Как ранее отмечали авторы, это стейкхолдерское представление экономики территории как набора значимых заинтересованных сторон социально-экономической общности, основанное на взаимодействии субъектов хозяйствования,

социально-экономических и институциональных связях [5]. Экономическая экосистема территории представляет собой сложную и динамичную систему взаимосвязанных экономических субъектов, функционирующих в пределах определенного географического пространства, гармонизация взаимодействия которых осуществляется за счет формирования общих целей развития.

Существенным ограничением представленных определений является недостаточная проработка взаимосвязи между экономическими, социальными и экологическими компонентами экосистемы, что затрудняет комплексное понимание данного феномена.

Картографирование экономической экосистемы территории

Картографирование экономической экосистемы территории является инновационным методологическим подходом к визуализации, анализу и планированию территориального развития. Согласно определению межгосударственного стандарта ГОСТ 21667-76 «Картография. Термины и определения», картографирование — это процесс создания карты или серии карт, представляющих такую область, как территория, водный объект или небесное тело. В контексте экономических экосистем картографирование приобретает специфические черты и функции.

Исследователи В. С. Тикунов и Д. А. Цапук в монографии «Устойчивое развитие территории: картографо-геоинформационное обеспечение» развивают концепцию использования геоинформационных систем (ГИС) для картографирования территориальных систем. Кроме того, отмечена важность интеграции различных тематических слоев для комплексного представления территории [6].

Автор А. Р. Батуев в работе «Геоинформационное картографирование для сбалансированного территориального развития» подчеркивает, что современные методы картографирования позволяют интегрировать экономические, социальные и экологические параметры территории в единую систему, что полностью соответствует экосистемному подходу [7].

Исследователь А. В. Тебекин с соавторами отмечает, что картографирование является процессом фиксации результа-

тов исследований, который получил широкое применение благодаря своей ассоциативной метафоре. При этом важно отметить, что картографирование экосистем выходит за рамки простого описания состояния элементов системы, включая анализ взаимосвязей между ними и прогнозирование их развития [8].

Существенный вклад в методологию картографирования экономических экосистем внесли B. Spigel и R. Harrison, предложившие концепцию «многослойного картографирования», учитывающую институциональные, культурные и социально-экономические аспекты территориального развития. Их исследование основано на сравнительном анализе экономических экосистем в разных странах и предлагает систему индикаторов для комплексной оценки экосистемной зрелости территорий. Особую ценность представляет разработанный алгоритм идентификации потенциальных точек роста на основе анализа структурных взаимосвязей между элементами экономической экосистемы [9].

Интересный подход к геопространственному картографированию экономических экосистем предложили D. Audretsch и M. Belitski, интегрировавшие методы больших данных и машинного обучения для создания динамических карт региональных экосистем. Исследователи доказывают, что традиционные статичные методы картографирования утрачивают актуальность в условиях возрастающей скорости экономических изменений [10]. Предложенная методология позволяет отслеживать эволюцию экономических экосистем в реальном времени, что существенно повышает ценность картографирования как инструмента стратегического управления территориальным развитием.

Новаторский подход к визуализации и анализу взаимосвязей в экономических экосистемах представлен в работе E. Stam и A. Van de Ven, которые разработали методологию «экосистемного компаса» для оценки состояния и потенциала предпринимательских экосистем. Исследователи предложили интегрированную систему показателей, охватывающую десять ключевых доменов экосистемы, и соответствующий инструментарий для их картографирования. Данный подход был успешно апробирован в не-

скольких европейских регионах и продемонстрировал высокую эффективность в выявлении структурных дисбалансов и перспективных направлений развития территорий [11].

В исследовании J. Vasslides и O. Jensen представлена методология «когнитивного картографирования» экономических экосистем, основанная на анализе их восприятия различными группами стейкхолдеров. Авторы подчеркивают необходимость учета субъективного фактора при картографировании экономических экосистем, аргументируя это тем, что различия в восприятии экосистем значимо влияют на поведение экономических агентов и, следовательно, на траекторию развития территории [12].

Авторы статьи предлагают рассматривать картографирование экосистемы территории как процесс изучения различных отраслей и сфер деятельности с постоянным привлечением заинтересованных сторон для создания гибкой стратегии развития экосистемы территории [5]. Согласно разработанной методологии картографирования, в качестве сегментов экономической экосистемы целесообразно выделять различные сферы и отрасли, такие как транспорт, образование, строительство, наука и инновации, здравоохранение, сельское хозяйство и др.

Критический анализ литературы выявляет, что большинство исследований по картографированию экономической экосистемы территории имеют фрагментарный характер, фокусируясь либо на экономических, либо на экологических аспектах, но редко объединяя их в единую комплексную картину. Методология картографирования нелинейных взаимосвязей между элементами экосистемы недостаточно проработана, а это является важной характеристикой экосистемного подхода.

Публичное управление картографированием экономической экосистемы территории

Публичное управление картографированием экономической экосистемы территории представляет собой специфическую область управленческой деятельности, направленную на организацию процесса изучения и визуализации элементов экосистемы с привлечением всех

заинтересованных сторон и обеспечением общественного контроля над этим процессом.

Важной характеристикой общественного регулирования картографическими процессами является направленность этого регулирования на достижение транспарентности административных постановлений и их признания посредством гражданского участия. Открытость управленческих решений, базирующихся на обратных откликах от компонентов экосистемы, представляет собой преимущество государственного администрирования в развитии территориальной экосистемы. Данная методология также способствует всестороннему анализу разнообразных экономических аспектов, а общедоступность такого регулирования гарантирует социальное признание принимаемых постановлений.

Исследователь Е. Л. Россейкина [13 ; 14] в работах по региональной экономике и управлению рассматривает региональные аспекты управления территориальными системами, однако не фокусирует внимание на управлении картографированием экосистем.

Автор С. В. Ломакин в исследовании «Картографирование социально-экономических процессов в разрезе муниципальных образований для управления земельно-имущественным комплексом» затрагивает вопросы управления картографическими данными, но ограничивается только земельно-имущественной составляющей [15].

Исследователи О. И. Дубровин и И. В. Полуэктова обращают внимание на то, что «общегеографические и тематические карты и атласы» могут служить основой картографического обеспечения управления административной областью, но не рассматривают специфику управления процессом картографирования [16].

Влияние цифровизации и необходимость стратегических решений

Влияние цифровизации на картографирование экономической экосистемы территории является одним из ключевых аспектов, определяющих современное состояние и перспективы развития данной области.

Так, Д. В. Лисицкий и С. Ю. Кацко в статье «Изменение сущности и функций

картографических изображений на современном этапе развития общества» отмечают, что цифровизация кардинально меняет не только технологии создания карт, но и их функциональное назначение, превращая их из средства визуализации в инструмент анализа и принятия решений [17].

Другие исследователи — Н. А. Слука, В. С. Тикунов и И. А. Исаев — обращают внимание на возможности геоинформационного картографирования для изучения сложных пространственных объектов, к которым, несомненно, относятся и экономические экосистемы территорий [18].

В то же время анализ литературы показывает недостаточную проработку вопросов стратегического управления процессами цифрового картографирования экономических экосистем. Отсутствуют исследования, рассматривающие долгосрочные последствия внедрения цифровых технологий картографирования и их влияние на развитие территорий.

Не уделено должного внимания вопросам интеграции различных цифровых платформ и баз данных для комплексного картографирования экономических экосистем, а также проблемам стандартизации и обеспечения совместимости различных цифровых картографических материалов.

Проблемы разработки алгоритма формирования стратегии публичного управления картографированием экономической экосистемы территории

Несмотря на прогресс в изучении экономических экосистем территорий и разработку методологии их картографирования, в научной литературе и практике публичного управления наблюдается значительный пробел: отсутствует целостный алгоритм формирования стратегии публичного управления картографированием экономической экосистемы территории.

В свою очередь, существующие подходы к стратегическому планированию в публичном управлении не в полной мере учитывают особенности экосистемного подхода и методологии картографирования экосистем. Это создает разрыв между потенциалом экосистемного подхода и возможностями его практического применения в системе государственного и муниципального управления.

Отсутствие алгоритма формирования стратегии публичного управления картографированием экономической экосистемы территории приводит к фрагментарности и несогласованности действий органов власти, снижает эффективность использования картографирования как инструмента стратегического планирования и ограничивает возможности для вовлечения заинтересованных сторон в процесс принятия решений.

Исследования авторов ранее уже затрагивали вопросы методологии картографирования экономической экосистемы, пришло время предложить комплексный подход к формированию стратегии публичного управления данным процессом [5].

Таким образом, разработка алгоритма формирования стратегии публичного управления картографированием экономической экосистемы территории представляет собой актуальную научную и практическую задачу, решение которой позволит повысить эффективность управления территориальным развитием в условиях цифровой трансформации экономики.

Методология исследования

В рамках данного исследования методологическое обеспечение сформировано с учетом многоаспектности изучаемого феномена картографирования экономической экосистемы территории в контексте разработки стратегии публичного управления.

Объектом исследования выступает экономическая экосистема территории как комплексная система взаимодействующих экономических субъектов, функционирующих в рамках определенной территориальной локализации и имеющих общие цели развития. Экономическая экосистема рассматривается как совокупность взаимосвязанных сегментов (отраслей и сфер деятельности), включающих транспорт, образование, строительство, науку и инновации, здравоохранение, сельское хозяйство, энергетику и другие значимые отрасли экономики региона.

Предметом исследования являются экономические отношения по управлению картографированием экономической экосистемы территории, выражающиеся в системе взаимодействий между стейкхолдерами, а также в механизмах

принятия управленческих решений и инструментах стратегического планирования социально-экономического развития территорий на основе экосистемного подхода.

В качестве основного метода исследования применяется метод системного логического анализа, который позволяет выявить существующие закономерности функционирования экономической экосистемы территории, определить ключевые элементы процесса картографирования и сформировать целостное представление о стратегии публичного управления данным процессом.

Дополнительно используется структурно-функциональный подход к анализу региональных команд управления и функций региональных управленцев, что дает возможность изучить организационные и управленческие аспекты процесса картографирования экосистемы территории. Данный подход обеспечивает понимание распределения функциональных обязанностей между различными уровнями публичного управления и выбора механизмов принятия стратегических решений по развитию территории.

Информационную базу исследования составляют научные публикации, представленные в открытом доступе и проиндексированные в авторитетных базах данных ScienceDirect и E-Library. Особую значимость представляют работы, посвященные теоретическим и практическим аспектам экосистемного подхода в экономике, а также методологии картографирования социально-экономических систем и стратегиям публичного управления территориальным развитием.

Существенный вклад в информационное обеспечение исследования внесли авторские разработки по институциональному механизму публичного управления картографированием экосистемы территории, в которых рассматриваются вопросы формирования типовой схемы карты отрасли и сферы деятельности экономической экосистемы, включающей показатели, участников, продукты деятельности, тенденции развития, экспертные оценки и аналитические выводы.

Значимое место в информационной базе занимают исследования по направлениям экономического анализа результатов картографирования экосистемы территории, которые позволяют сформиро-

вать научно обоснованный подход к разработке стратегий социально-экономического развития регионов с учетом специфики их экономических экосистем.

Комплексное использование указанных методов и информационных источников обеспечивает формирование целостного методологического подхода к исследованию стратегии публичного управления картографированием экономической экосистемы территории, что позволит получить обоснованные научные результаты и практические рекомендации для совершенствования механизмов территориального развития.

Формирование стратегии публичного управления развитием территории

Стратегия публичного управления территориальным развитием в современных условиях претерпевает существенную трансформацию в связи с внедрением экосистемного подхода. Одним из ключевых инструментов, обеспечивающих результативность данной стратегии, становится картографирование экономической экосистемы территории, позволяющее визуализировать взаимосвязи между субъектами экономической деятельности и определить ключевые направления стратегического развития.

Считаем, что если основой классической стратегии выступает выявление конкурентных достоинств, то центральным элементом стратегии создания экосистемы является достижение гармонии усилий всех заинтересованных сторон за счет синхронизации целей развития. Этот тезис закладывает ключевой принцип при разработке подходов к государственному регулированию процесса составления карт экосистемы региона. Необходимость координации усилий разнородных экономических субъектов продиктована комплексным характером территориального роста и потребностью в учете мнений различных заинтересованных сторон.

Обоснование формирования стратегии публичного управления картографированием экономической экосистемы территории

Необходимость формирования стратегии публичного управления картографированием экономической экосистемы территории обусловлена рядом фак-

торов, среди которых ключевыми являются:

— стремительное внедрение цифровых технологий в хозяйственную деятельность, что определило новую парадигму экономического анализа — анализ экономических экосистем;

— потребность в структурном изучении экономических экосистем территорий, обусловленная слабой проработкой данной темы в научной литературе и практической необходимостью формирования научно обоснованных стратегий социально-экономического развития;

— усиление значимости пространственной взаимозависимости между экологическими и социально-экономическими процессами на территории, что создает уникальный контекст для разработки стратегий планирования и принятия политических мер.

Авторы, основываясь на проведенном анализе научных работ, практического опыта и разрабатываемых подходов, предлагают концептуальную основу для формирования стратегии публичного управления картографированием экономической экосистемы территории (рис. 1).

Рис. 1. Концептуальная основа формирования стратегии публичного управления картографированием экономической экосистемы территории (составлено авторами)

Conceptual framework for developing a public management strategy for mapping the economic ecosystem of a territory (compiled by the authors)

Экосистема территории характеризуется высокой сложностью связей ее элементов и включает в себя *пространство* (совокупность естественных и антропогенных образований), *человека* — основного актора, преобразующего пространство и формирующего *экономику*, и *государство*, объединяющее людей и экономических субъектов на определенной территории. В основе ценностного предложения, которое объединяет участников экосистемы территории, определяет их поведение, синхронизирует результаты усилий и задает направление развития, находится цель [19].

Основным инструментом формирования стратегии публичного управления является стратегический диалог, позволяющий формировать целостное и общее понимание проблем и перспективных направлений развития для всех субъектов экосистемы (бизнеса, науки, общественных организаций и власти) [20]. Именно стратегический диалог «связывает» все последующие шаги в предлагаемом алгоритме (рис. 2) и обеспечивает непрерывность и транспарентность формирования и актуализации стратегии публичного управления.

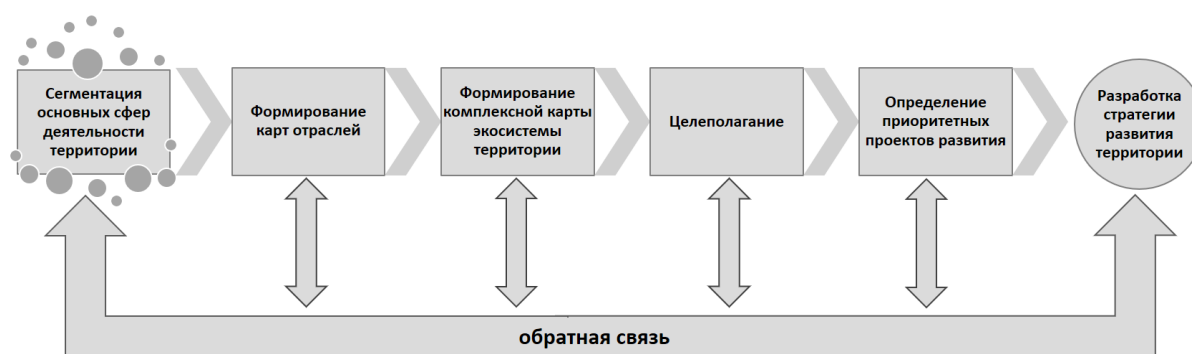

Рис. 2. Алгоритм формирования стратегии публичного управления картографированием экономической экосистемы территории (составлено авторами)
Algorithm for forming a public management strategy for mapping the economic ecosystem of a territory (compiled by the authors)

Как обозначено на схеме, алгоритм формирования стратегии публичного управления картографированием экономической экосистемы территории осуществляется в семь этапов:

1. Сегментация и определение основных сфер деятельности и отраслей территории. На данном этапе производится анализ существующей экономической структуры территории с выделением ключевых отраслей и сфер деятельности. Чтобы составить карту экосистемы территории, необходимо определить основные сферы деятельности и отрасли, представленные на этой территории, создать карты отраслей и понять целевое состояние развития территории [5].

2. Составление карт отраслей и сфер деятельности. Схема карты отрасли и сферы деятельности экономической экосистемы должна включать: показатели, участников, продукты деятельности, тенденции развития, экспертные оценки и выводы по развитию данной сферы экономической активности [5].

Ключевым инструментом на данном этапе стратегического планирования является проведение SWOT-анализа для каждой отдельной отрасли, а также для рассматриваемой территории в целом. В соответствии с современными методическими подходами данный инструмент позволяет системно оценить внутренние и внешние факторы, определяющие потенциал развития объекта анализа. В частности, как отмечается в исследовательских материалах, анализ ситуации проводится посредством выявления и детального рассмотрения четырех основных компонентов: сильных и слабых сторон (характеризующих внутренние возможности и ограничения), а также внеш-

них возможностей и угроз (определяемых внешней средой и ее изменениями).

Принципиально важным аспектом эффективного проведения SWOT-анализа является соблюдение ряда базовых методологических принципов. Во-первых, рекомендуется придерживаться концепции оптимальной простоты, что предполагает недопущение излишней детализации, способной усложнить восприятие и снизить практическую ценность полученных результатов. Во-вторых, особое внимание должно уделяться тщательному анализу внешних факторов, так как именно они в наибольшей степени определяют стратегические ориентиры и потенциал для реализации новых возможностей или, напротив, возникновения угроз. В-третьих, критерий успешности SWOT-анализа заключается в формулировании обоснованной и реализуемой стратегической идеи, интегрирующей выявленные возможности и ресурсы с учетом потенциальных рисков.

Среди практических инструментов, способствующих повышению эффективности проведения SWOT-анализа, можно выделить метод «снежного кома». Его сущность заключается в поэтапном групповом обсуждении, в ходе которого участники посредством мозгового штурма формулируют перечень сильных и слабых сторон, возможностей и угроз, после чего осуществляется тематическое объединение и структурирование высказанных идей. Такой подход позволяет учесть широкий спектр мнений и экспертных оценок, а также способствует выявлению скрытых взаимосвязей между отдельными аспектами деятельности, что в итоге обеспечивает более глубокое и всестороннее осмысление стратегиче-

ских перспектив развития отрасли или территории.

3. Формирование комплексной карты экосистемы территории. Данный этап предполагает интеграцию отраслевых карт в единую карту экосистемы территории с выявлением межотраслевых взаимосвязей, «узких мест» и потенциальных точек роста.

4. Целеполагание. Общей рамкой для определения целей является ценностное предложение, которое объединяет участников экосистемы территории, определяет их поведение и синхронизирует результаты усилий, а в итоге задает направление развития. Как правило, это определяется с учетом государственной политики и региональных особенностей территории. На уровне Российской Федерации приняты национальные цели развития. На уровне субъекта Российской Федерации, как правило, приняты стратегии социально-экономического развития региона, которыми установлены соответствующие цели [19].

Методологически обоснованная партисипативность процесса определения целей и приоритетов развития позволяет нивелировать информационную асимметрию, минимизировать транзакционные издержки и обеспечить легитимацию управленческих решений. Многосторонний стратегический диалог конституирует коммуникационную платформу для синхронизации разнонаправленных интересов, их последующего согласования и трансформации в коллективное видение будущего территориальной экосистемы.

5. Определение приоритетных проектов развития. Методологический процесс идентификации и селекции приоритетных проектов развития представляет собой комплексный аналитический инструмент, базирующийся на многомерном исследовании картографических данных экосистемы территории. Данный этап реализуется посредством многофакторной оценки характеристик и интегральных показателей территориальной экосистемы с последующей дифференциацией проектных инициатив по критериям социально-экономической значимости и стратегической перспективности.

Аналитическая процедура определения приоритетности проектов развития предполагает алгоритмизированную последовательность исследовательских дей-

ствий, включающих декомпозицию целевых индикаторов, моделирование причинно-следственных взаимосвязей между компонентами экосистемы, пространственно-временное прогнозирование динамики территориальных процессов и верификацию полученных результатов через систему критериальных оценок.

Определяющим фактором эффективности данного этапа является реализация принципа мультиагентного взаимодействия, предусматривающего интеграцию в стратегический диалог репрезентативного спектра заинтересованных субъектов. Как отмечается в современных исследованиях территориального планирования, активное вовлечение стейкхолдеров различных уровней в процесс стратегирования территориального развития обеспечивает конвергенцию индивидуальных интересов с общественными целями, способствуя формированию консенсусного представления о векторах трансформации экосистемы [21].

Интегративный анализ взаимообусловленности структурных элементов экосистемы территории обеспечивает возможность идентификации проекто-драйверов, обладающих мультипликативным эффектом воздействия на комплекс взаимосвязанных параметров территориальной системы. В данном контексте первостепенное значение приобретает методология оценки корреляционных зависимостей между различными сегментами экосистемы и верификация гипотез о характере их взаимовлияния посредством экономико-математического моделирования и цифровизации.

6. Разработка стратегии социально-экономического развития территории. Содержательная компонента сформированной в результате многоаспектного аналитического процесса карты экосистемы территории представляет собой фундаментальную информационно-методологическую платформу для конструирования комплексной стратегии социально-экономического развития территориального образования. Данный стратегический документ, базирующийся на системном картографировании экосистемных взаимосвязей, в полной мере коррелирует с нормативно-правовыми требованиями и концептуальными положениями, регламентированными Федеральным

законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и сопутствующими подзаконными актами.

Структурно-функциональная архитектура карты экосистемы территории, интегрирующая многомерные параметры социально-экономических, пространственных, инфраструктурных и институциональных характеристик территории, обеспечивает возможность формирования стратегии, отвечающей принципам комплексности, сбалансированности и преемственности стратегического планирования. Инкорпорирование в стратегию социально-экономического развития многовекторной аналитики экосистемных взаимосвязей позволяет преодолеть традиционные методологические ограничения отраслевого подхода и создать синергетическую модель территориального развития.

В научной литературе отмечается, что трансформация дискретных компонентов карты экосистемы территории в интегральную стратегию социально-экономического развития предполагает применение совокупности методологических инструментов стратегирования, обеспечивающих конвертацию идентифицированных экосистемных взаимосвязей в систему целевых ориентиров, задач и механизмов их достижения. Данный процесс характеризуется мультидименсиональностью и предполагает последовательную артикуляцию стратегических приоритетов на основе анализа пространственно-функциональных взаимосвязей между элементами территориальной экосистемы [22].

Методологическая корреляция экосистемного картографирования и стратегического планирования территориального развития реализуется через систему прикладных механизмов, включающих матричный анализ взаимовлияния экосистемных сегментов, методы сценарного моделирования и прогнозирования, инструментарий стратегического позиционирования территории в системе межрегиональных и международных экономических взаимодействий, а также механизмы проектного управления, обеспечивающие реализацию стратегических инициатив.

7. Создание системы мониторинга и корректировки стратегии (обратная связь).

Заключительным компонентом процесса формирования стратегии территориального развития является конструирование многоуровневой системы мониторинга реализации стратегических инициатив и определение адаптационных механизмов ее корректировки, отражающих диалектику трансформаций экзогенных и эндогенных факторов социально-экономической системы. Данный этап характеризуется высокой методологической сложностью, обусловленной необходимостью интеграции инструментария оценки эффективности реализуемых стратегических решений в общую архитектуру стратегического управления территориальным развитием.

В современной научной парадигме стратегического менеджмента, берущей начало в фундаментальных работах П. Друкера [23] и И. Ансоффа [24], система мониторинга и корректировки стратегии рассматривается как имманентный элемент управленческого цикла, обеспечивающий реализацию принципов адаптивности и рефлексивности стратегического планирования.

Методологическая основа разработки системы мониторинга реализации стратегии базируется на системно-параметрическом подходе, предполагающем формирование многоуровневой иерархии индикаторов, дифференцированных по следующим классификационным основаниям:

- 1) функциональная направленность (индикаторы оценки социальных, экономических, экологических, инфраструктурных и институциональных аспектов территориального развития);
- 2) временной горизонт (оперативные, тактические и стратегические индикаторы);
- 3) уровень агрегирования (интегральные и частные индикаторы);
- 4) характер измерения (количественные и качественные индикаторы);
- 5) тип целеполагания (целевые и контрольные индикаторы);
- 6) проектный подход (контрольные точки, мероприятия и результаты).

В процессе формирования системы мониторинговых индикаторов исключительно важно соблюдение принципа каскадирования системы показателей, обеспечивающего декомпозицию стратегических целей территориального развития в систему тактических задач с последую-

щей их трансформацией в комплекс операционных мероприятий. В свою очередь, мероприятия имплементируются в проекты и/или комплексы процессных мероприятий, которые становятся структурными элементами государственных программ — основного инструмента реализации стратегии регионального развития.

Для оценки хода достижения стратегических целей и анализа изменения значений сформированных индикаторов, помимо классических подходов (аналитические отчеты и их рассмотрение органами государственного управления и высшим должностным лицом территории, оценка эффективности реализации государственных программ и др.), необходимо продолжение стратегического диалога. Это позволит оперативно и комплексно реагировать на отклонения и корректировать как мероприятия, так и стратегические цели.

Данный методологический подход создает предпосылки для обеспечения согласованности стратегических, тактических и оперативных аспектов управления территориальным развитием и обеспечивает реализацию принципа «живая стратегия».

Достоинства и недостатки предложенного алгоритма

Достоинства:

— наличие системного подхода к анализу и развитию экономической экосистемы территории, который позволяет учитывать многоаспектность территориального развития;

— вовлечение заинтересованных сторон в стратегический диалог, что повышает легитимность принимаемых решений и обеспечивает учет интересов различных субъектов экономической деятельности;

— визуализация взаимосвязей между элементами экосистемы, позволяющая выявить «узкие места» и потенциальные точки роста;

— процессно-ориентированный подход к картографированию и планированию, который, согласно исследованиям, помогает продемонстрировать ряд качеств, которые менеджеры ценят в стратегических инструментах, включая пошаговый систематический анализ ситуации с учетом разных точек зрения, изучение свя-

зей между взаимосвязанными элементами системы;

— проектная логика в организации последующей реализации стратегии развития и выстраивания системы мониторинга, что позволяет качественно управлять изменениями;

— соответствие законодательству о стратегическом планировании в России, что обеспечивает практическую применимость предложенного алгоритма.

Недостатки:

— высокая трудоемкость и временные затраты на реализацию всех этапов алгоритма, что может быть критичным в условиях ограниченности ресурсов;

— необходимость привлечения высококвалифицированных экспертов для проведения анализа и разработки стратегии, что может быть проблематично для некоторых территорий;

— сложность согласования интересов различных стейкхолдеров, что может привести к затягиванию процесса разработки стратегии и снижению ее эффективности;

— риск формального подхода к картографированию экосистемы территории без учета реальных проблем и потребностей;

— возможное отсутствие необходимой информационной базы для проведения качественного анализа, особенно на уровне муниципальных образований.

Итак, научная новизна полученного результата заключается в разработке алгоритма формирования стратегии публичного управления картографированием экономической экосистемы территории, дополняющего методы формирования стратегических планов развития территорий.

Элементом научной новизны предложенного алгоритма формирования стратегии публичного управления картографированием экономической экосистемы территории является интеграция процессного и экосистемного подходов к стратегическому планированию территориального развития. В отличие от традиционных подходов, ориентированных на поиск конкурентных преимуществ, предложенный алгоритм фокусируется на поиске согласованности действий различных субъектов экономической деятельности и формировании многосторонних партнерств.

Новизна также заключается в разработке схемы карты отрасли и сферы деятельности экономической экосистемы, которая позволяет визуализировать не только текущее состояние, но и тенденции развития, что создает основу для проактивного стратегического управления территориальным развитием.

Предложенный подход к вовлечению заинтересованных сторон в стратегический диалог обеспечивает формирование общего понимания тенденций и перспектив развития экосистемы территории, а также создает условия для постоянной адаптации стратегии к меняющимся обстоятельствам и в условиях высокой неопределенности внешней среды способствует реализации принципа «живой стратегии».

Тактические приемы публичного управления картографированием экономической экосистемы территории

Результативное картографирование экономической экосистемы требует выработки комплекса тактических приемов, обеспечивающих системность и последовательность этого процесса. На основании проведенного исследования можно выделить тактические приемы, которые целесообразно использовать органам публичного управления.

Прием 1. Сегментирование экономической экосистемы с акцентом на межотраслевые взаимосвязи. Сегментирование экономической экосистемы территории должно проводиться с учетом не только традиционного отраслевого деления, но и существующих межотраслевых взаимосвязей. При этом сердцем традиционной стратегии является поиск конкурентных преимуществ, а сердцем стратегии формирования экосистемы — поиск согласованности. Этот подход требует выявления и анализа связей между различными сегментами экосистемы, что позволяет обнаружить потенциальные точки роста и барьеры развития.

Органам публичного управления рекомендуется использовать для сегментирования не только статистические данные, но и экспертные оценки, опросы представителей бизнеса и научного сообщества. Особое внимание следует уделять критическим факторам, которые могут определить успех экосистемы [25].

Прием 2. Привлечение стейкхолдеров к процессу картографирования на основе механизмов общественного участия. Особенностью тактики публичного управления картографированием экосистемы является вовлечение заинтересованных сторон, таких как отраслевые/межотраслевые участники и эксперты, в стратегический диалог для обеспечения всестороннего и общего понимания тенденций и перспектив развития экосистемы территории.

В тактическом плане это означает необходимость организации серии круглых столов, стратегических сессий и форсайтов с участием представителей бизнеса, науки, образования, общественных организаций. Важным аспектом является обеспечение прозрачности процесса картографирования и учет мнений всех заинтересованных сторон.

Практика показывает, что привлечение стейкхолдеров к картографированию экономической экосистемы не только повышает качество получаемой информации, но и способствует формированию консенсуса относительно приоритетных направлений развития территории.

Прием 3. Итеративное построение карт отраслей с постоянным обновлением данных. Экономическая экосистема территории — динамичная система, находящаяся в процессе постоянных изменений. Поэтому тактика управления картографированием должна предусматривать итеративный подход, при котором карты отраслей регулярно обновляются с учетом новых данных и изменений во внешней и внутренней среде.

Органам публичного управления необходимо создать систему мониторинга ключевых показателей развития экономической экосистемы и обеспечить оперативный сбор актуальной информации. Важным элементом такой системы должны стать цифровые инструменты визуализации данных, позволяющие наглядно представлять динамику развития экосистемы.

Схема экономической экосистемы данной отрасли должна содержать информацию об индикаторах, действующих лицах, результатах производства, направлениях эволюции, мнениях специалистов, а также заключения о перспективах этого сектора хозяйственной деятельности. Необходимо поддерживать система-

тическое обновление всех компонентов этой схемы.

Прием 4. Использование процессно-ориентированного подхода к управлению картографированием. В тактическом плане управление картографированием экономической экосистемы территории требует применения процессно-ориентированного подхода [5]. Процессно-ориентированный подход помогает продемонстрировать ряд качеств, которые менеджеры ценят в стратегических инструментах, включая пошаговый систематический анализ ситуации с учетом разных точек зрения (разных действующих лиц), изучение связей между взаимосвязанными элементами системы.

Для органов публичного управления это означает необходимость разработки четких регламентов процесса картографирования, определения ответственных, сроков и ожидаемых результатов каждого этапа. При этом важно обеспечить гибкость процесса, позволяющую учитывать особенности различных отраслей и сфер деятельности.

Прием 5. Комбинирование количественных и качественных методов анализа при картографировании. Тактика управления картографированием экономической экосистемы должна предусматривать комбинирование количественных и качественных методов анализа. Статистические данные и формализованные показатели должны дополняться экспертными оценками, результатами опросов и фокус-групп.

Органам публичного управления рекомендуется разработать систему индикаторов для оценки состояния и динамики развития экономической экосистемы, включающую как объективные показатели (объем производства, количество занятых, объем инвестиций и др.), так и субъективные оценки (уровень удовлетворенности предпринимателей условиями ведения бизнеса, экспертные оценки перспектив развития отрасли и др.).

Прием 6. Формирование проектных команд для картографирования отдельных сегментов экосистемы. Практика показывает, что эффективным тактическим приемом является формирование проектных команд для картографирования отдельных сегментов экономической экосистемы. В состав таких команд целесообразно включать представителей ор-

ганов публичного управления, бизнеса, научных и образовательных организаций, общественных объединений.

Важным аспектом является обеспечение координации деятельности различных проектных команд и интеграция результатов их работы в единую карту экономической экосистемы территории.

Кейс Тюменской области: практическое применение тактических приемов

Опыт Тюменской области представляет особый интерес с точки зрения практического применения тактических приемов публичного управления картографированием экономической экосистемы территории. Картирование сегментов экономической экосистемы на территории формирует основу для государственного управления развитием различных отраслей Тюменской области [5].

Правительство Тюменской области реализует комплексный подход к управлению развитием экономической экосистемы региона, основанный на систематическом картографировании ее сегментов.

Рассмотрим примеры применения описанных тактических приемов.

В области сегментирования экономической экосистемы Тюменской области был использован дифференцированный подход с выделением как традиционных отраслей (нефтегазовый комплекс, сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность), так и перспективных направлений развития (цифровая экономика, туризм, креативные индустрии). При этом особое внимание уделялось определению межотраслевых взаимосвязей и оценке их влияния на развитие экономики региона в целом [26].

Активное привлечение стейкхолдеров к процессу картографирования экономической экосистемы осуществлялось через организацию стратегических сессий, круглых столов и экспертных обсуждений. Примером может служить ежегодный Тюменский промышленный форум, в рамках которого проводятся обсуждения перспектив развития различных отраслей с участием представителей бизнеса, науки и власти [25].

Итеративное построение карт отраслей с постоянным обновлением данных обеспечивается через систему мониторинга социально-экономического развития региона. Органы публичного управ-

ления Тюменской области используют цифровые технологии для сбора и анализа данных о развитии различных сегментов экономической экосистемы, что позволяет оперативно обновлять отраслевые карты.

Применение процессно-ориентированного подхода к управлению картографированием в Тюменской области проявилось в разработке четких регламентов взаимодействия департаментов и управлений правительства области при сборе и анализе информации о развитии различных отраслей.

Комбинирование количественных и качественных методов анализа при картографировании экономической экосистемы Тюменской области осуществляется через интеграцию статистических данных с результатами опросов предпринимателей и экспертными оценками. Это позволяет получить более полную и объективную картину состояния и перспектив развития экономики региона.

Формирование проектных команд для картографирования отдельных сегментов экосистемы в Тюменской области реализуется через создание рабочих групп по развитию приоритетных направлений экономики. В состав таких групп входят представители профильных департаментов правительства области, бизнес-ассоциаций, научных и образовательных организаций.

Практика Тюменского региона демонстрирует, что внедрение указанных стратегических методов государственного администрирования процесса картирования хозяйственной экосистемы обеспечивает не только формирование подробной схемы региональной экономики, но и ее эффективное использование при выработке аргументированных административных решений. При обнаружении посредством методологии картирования уязвимости и выявлении новых векторов развития открывается возможность принимать долгосрочные решения касательно совершенствования определенных элементов экономической структуры области.

Особое внимание в Тюменской области уделяется обеспечению прозрачности управленческих решений, основанных на обратной связи от элементов экосистемы, что является преимуществом государственного управления развитием

экосистемы территории. Такой подход обеспечивает наиболее полное рассмотрение различных аспектов экономической деятельности, а публичность управления гарантирует общественную легитимность принимаемых решений [5].

Таким образом, опыт Тюменской области демонстрирует эффективность применения комплекса тактических приемов публичного управления картографированием экономической экосистемы территории. При этом важным фактором успеха является системный подход к организации этого процесса и ориентация на использование результатов картографирования для разработки и реализации стратегии социально-экономического развития региона.

Опираясь на результаты картографирования экономической экосистемы, правительство Тюменской области формирует приоритетные проекты развития в различных отраслях и сферах деятельности. Содержание этой карты позволит уже в ближайшее время разработать новую стратегию социально-экономического развития, соответствующую законодательству о стратегическом планировании в России.

Заключение

Проведенное исследование стратегии публичного управления картографированием экономической экосистемы территории позволяет сформулировать ряд ключевых выводов, имеющих теоретическую и практическую значимость.

В рамках данного исследования был разработан и обоснован алгоритм формирования стратегии публичного управления картографированием экономической экосистемы территории, включающий два подхода (основой для гармонизации усилий участников экосистемы территории является общая цель, а основной инструмент — стратегический диалог) и шесть взаимосвязанных этапов (сегментация, составление карт отраслей и SWOT-анализ территории, формирование комплексной карты экосистемы, определение приоритетных проектов развития, разработка стратегии социально-экономического развития территории и формирование системы мониторинга и корректировки).

Исследование подтвердило, что экосистемный подход к территориальному

развитию обеспечивает глубокое понимание взаимосвязей между различными отраслями и сферами деятельности, позволяя выявлять скрытые взаимозависимости и потенциальные точки роста. Картографирование экономической экосистемы выступает эффективным инструментом визуализации этих взаимосвязей, что способствует принятию более обоснованных стратегических решений.

Разработанная методология картографирования сегментов экономической экосистемы территории, включающая показатели, участников, продукты деятельности, тенденции развития и экспертные оценки, создает комплексный аналитический инструментарий для органов публичного управления. При этом особую значимость приобретает метод «снежного кома» как способ вовлечения широкого круга стейкхолдеров в процесс анализа и планирования.

В ходе исследования было выявлено, что эффективность процесса определения приоритетных проектов развития напрямую связана с имплементацией принципа мультиагентного взаимодействия, предусматривающего интеграцию в стратегический диалог репрезентативного спектра заинтересованных субъектов. Партисипативность данного процесса позволяет нивелировать информационную асимметрию, минимизировать трансакционные издержки и обеспечить легитимацию управленческих решений.

Особую значимость в контексте формирования стратегии публичного управления картографированием экономической экосистемы имеет идентификация проектов-драйверов, обладающих мультипликативным эффектом воздействия на комплекс взаимосвязанных параметров территориальной системы. Методология оценки корреляционных зависимостей между различными сегментами экосистемы и верификация гипотез о харак-

тере их взаимовлияния посредством экономико-математического моделирования становятся необходимыми элементами стратегического планирования.

Результаты исследования демонстрируют, что карта экономической экосистемы территории представляет собой фундаментальную информационно-методологическую платформу для конструирования комплексной стратегии социально-экономического развития территориального образования. Стратегический документ, базирующийся на системном представлении о территориальной экосистеме, обеспечивает целостность и взаимосвязанность планируемых мероприятий с учетом внутренних взаимозависимостей и внешних вызовов.

Таким образом, предложенный в исследовании подход к формированию стратегии публичного управления картографированием экономической экосистемы территории представляет собой научно обоснованный инструментарий, способствующий повышению эффективности территориального развития в условиях цифровой трансформации экономики и перехода к экосистемному подходу в управлении. Практическая реализация данного подхода позволит органам публичного управления разрабатывать более точечные и эффективные меры поддержки различных сегментов экосистемы с учетом их взаимного влияния и потенциальных синергетических эффектов.

Перспективным направлением дальнейших исследований может стать разработка цифровых инструментов для автоматизации процесса картографирования экономических экосистем и создание интегрированных систем поддержки принятия решений на основе анализа больших данных о функционировании территориальных экосистем.

Список источников

1. Moore J. F. Predators and prey: A new ecology of competition. Harvard Business Review. 1993. Vol. 71, no. 3. P. 75—86.
2. Гладкевич Г. И. Категория территории и пространства в экономической географии // Теоретические проблемы социально-экономической географии и совершенствование подготовки современного учителя : тез. Всесоюз. науч.-практ. конф., Смоленск, 19—20 мая 1991 г. / отв. ред. А. П. Катровский. Смоленск : Смол. гос. пед. ин-т, 1991. Ч. I. С. 14—15. EDN YFJOOD.
3. Гладкевич Г. И. Методические подходы к изучению природопользования в социально-экономической географии // Теоретические и методические подходы в экономической и социальной географии : сб. ст. / отв. ред. В. Л. Бабурин, М. С. Савоскул. М. : Мос. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2019. С. 195—220. EDN UITTZR.

4. Незамайкин В. Н. Комплексное управление природными ресурсами территорий. М. : Экзамен, 2006. 191 с. EDN QRKKER.
5. Попов Е. В., Челак И. П., Скворцов М. М. Картографирование сегментов экономической экосистемы территории // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 3. С. 101—110.
6. Тикунов В. С., Цалук Д. А. Устойчивое развитие территории: картографо-геоинформационное обеспечение. Москва. ; Смоленск : Смол. гос. ун-т, 1999. 173 с. EDN SWSKQK.
7. Батуев А. Р. Геоинформационное картографирование для сбалансированного территориального развития // География и природные ресурсы. 2007. № 2. С. 197—199. EDN IAIPNP.
8. Тебекин А. В., Тебекин П. А., Егорова А. А. Картографирование как исходный фрейм к дорожной карте познания стратегических перспектив развития // Журнал экономических исследований. 2022. Т. 8, № 3. С. 3—16. EDN MKTKMX. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49275612>.
9. Spigel B., Harrison R. Toward a process theory of entrepreneurial ecosystems. *Strategic Entrepreneurship Journal*. 2018. Vol. 12, no. 1. P. 151—168. DOI: 10.1002/sej.1268
10. Audretsch D. B., Belitski M., Guerrero M. The dynamic contribution of innovation ecosystems to Schumpeterian firms: A multi-level analysis // *Journal of Business Research*. 2022. Vol. 144. P. 975—986. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.02.037
11. Stam E., Van de Ven A. Entrepreneurial Ecosystem Elements // *Small Business Economics*. 2021. Vol. 56. DOI: 10.1007/s11187-019-00270-6
12. Vassilides J., Jensen O. Fuzzy cognitive mapping in support of integrated ecosystem assessments: Developing a shared conceptual model among stakeholders // *Journal of Environmental Management*. 2015. Vol. 166. P. 348—356. DOI: 10.1016/j.jenvman.2015.10.038
13. Россейкина Е. Л. Региональная экономика и управление. Воронеж, 2004. Ч. 3. 393 с.
14. Россейкина Е. Л. Региональная экономика и управление. Воронеж, 2003. Ч. 2. 694 с.
15. Ломакин С. В. Картографирование социально-экономических процессов в разрезе муниципальных образований для управления земельно-имущественным комплексом // Кадровое обеспечение управления земельно-имущественными ресурсами и охраны черноземов при реализации национальных проектов в регионе : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 2008. С. 28—32.
16. Дубровин О. И., Полуэктова И. В. Общегеографические и тематические карты и атласы как основа картографического обеспечения управления административной областью // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 2009. Т. 14, № 1. С. 170—172.
17. Лисицкий Д. В., Кацко С. Ю. Изменение сущности и функций картографических изображений на современном этапе развития общества // Геодезия и картография. 2008. № 2. С. 28—30.
18. Слука Н. А., Тикунов В. С., Исаев И. А. Геоинформационное картографирование и изучение сложных объектов на примере демоэкономической динамики городского развития мира // Геоинформационное картографирование в географии и геоэкологии : сб. ст. / под ред. Ю. А. Нестерова. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2010. С. 4—20.
19. Попов Е. В., Челак И. П., Скворцов М. М. Институциональный механизм публичного управления картографированием экономической экосистемы территории // Государственная служба. 2025. Т. 27, № 5. С. 55—63.
20. Попов Е. В., Скворцов М. М. Публичное управление развитием экосистемы территории // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 3. С. 10—27. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.2
21. Курганов М. А. Управление региональным развитием на основе стейкхолдерского подхода: ключевые тенденции и теоретическая модель // Экономика и предпринимательство. 2022. № 5 (142). С. 630—635. DOI: 10.34925/EIP.2022.142.5.120. EDN BQKWZB.
22. Фролов Д. П., Соловьева И. А. Будущее стратегий территориального развития: анализ современных методологий // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 10 (433). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/budushee-strategiy-territorialnogo-razvitiya-analiz-sovremennyh-metodologiy> (дата обращения: 17.06.2025).
23. Друкер П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке / пер. с англ. Н. М. Макарова. М. : Вильямс, 2004. 272 с.
24. Ансофф И. Стратегическое управление / пер. с англ. Е. Л. Леонтьева. М. : Экономика, 1989. 519 с.
25. Попов Е. В. Дифференция воздействия стейкхолдеров на институты экосистемы // *Journal of Institutional Studies*. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsiya-vozdeystviya-steykholderov-na-instituty-ekosistemy> (дата обращения: 17.03.2026).
26. Бабицина И. М. Развитие региональной экономики на примере Тюменской области // Молодой ученый. 2014. № 6 (65). С. 377—382. URL: <https://moluch.ru/archive/65/10615/> (дата обращения: 17.03.2026).

References

1. Moore J.F. Predators and prey: A new ecology of competition. *Harvard Business Review*, 1993, vol. 71, no. 3, pp. 75–86.
2. Gladkevich G.I. Kategoriya territorii i prostranstva v ekonomicheskoi geografii [The category of territory and space in economic geography]. *Teoreticheskie problemi sotsialno-ekonomicheskoi geografii i sovershenstvovanie podgotovki sovremennogo uchitelya : tezisi Vsesoyuznoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Smolensk, 19–20 May 1991 g.* [Theoretical Problems of Socio-Economic Geography and Improvement of Teacher Training : Abstracts of the All-Union Scientific-Practical Conference, Smolensk, 19–20 May 1991] / otv. red. A.P. Katrovskii. Smolensk : Smol. gos. ped. in-t, 1991, part I, pp. 14–15. EDN YFJOOD.
3. Gladkevich G.I. Metodicheskie podkhodi k izucheniyu prirodopolzovaniya v sotsialno-ekonomicheskoi geografii [Methodological approaches to the study of nature management in socio-economic geography]. *Teoreticheskie i metodicheskie podkhodi v ekonomicheskoi i sotsialnoi geografii* [Theoretical and Methodological Approaches in Economic and Social Geography] : sb. st. / otv. red. V.L. Baburin, M.S. Savoskul. Moscow: Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova, 2019, pp. 195–220. EDN UITZR.
4. Nezamaikin V.N. Kompleksnoe upravlenie prirodnimi resursami territorii [Integrated Management of Natural Resources of Territories]. Moscow: Ekzamen, 2006, 191 p. EDN QRKKER.
5. Popov Ye.V., Chelak I.P., Skvortsov M.M. Kartografirovaniye segmentov ekonomicheskoi ekosistemi territorii [Mapping the segments of the economic ecosystem of a territory]. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenie zapiski* [State and Municipal Management. Scientific Notes], 2024, no. 3, pp. 101–110.
6. Tikunov V.S., Tsapuk D.A. Ustoichivoe razvitiye territorii: kartografo-geoinformatsionnoe obespecheniye [Sustainable Development of a Territory: Cartographic and Geoinformation Support]. Moscow ; Smolensk : Smol. gos. un-t, 1999, 173 p. EDN SWSKQK.
7. Batuev A.R. Geoinformatsionnoe kartografirovaniye dlya sbalansirovannogo territorialnogo razvitiya [Geoinformation mapping for balanced territorial development]. *Geografiya i prirodnie resursy* [Geography and Natural Resources], 2007, no. 2, pp. 197–199. EDN IAIPNP.
8. Tebekin A.V., Tebekin P.A., Yegorova A.A. Kartografirovaniye kak iskhodnii freim k dorozhnoi karte poznaniya strategicheskikh perspektiv razvitiya [Mapping as an initial frame for the road map of understanding strategic development prospects]. *Zhurnal ekonomicheskikh issledovaniy* [Journal of Economic Research], 2022, vol. 8, no. 3, pp. 3–16. EDN MKTKMX. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49275612>.
9. Spigel B., Harrison R. Toward a process theory of entrepreneurial ecosystems. *Strategic Entrepreneurship Journal*, 2018, vol. 12, no. 1, pp. 151–168. DOI: 10.1002/sej.1268
10. Audretsch D.B., Belitski M., Guerrero M. The dynamic contribution of innovation ecosystems to Schumpeterian firms: A multi-level analysis. *Journal of Business Research*, 2022, vol. 144, pp. 975–986. DOI: 10.1016/j.jbusres.2022.02.037
11. Stam E., Van de Ven A. Entrepreneurial Ecosystem Elements. *Small Business Economics*, 2021, vol. 56. DOI: 10.1007/s11187-019-00270-6
12. Vasslides J., Jensen O. Fuzzy cognitive mapping in support of integrated ecosystem assessments: Developing a shared conceptual model among stakeholders. *Journal of Environmental Management*, 2015, vol. 166, pp. 348–356. DOI: 10.1016/j.jenvman.2015.10.038
13. Rosseikina Ye.L. Regionalnaya ekonomika i upravlenie [Regional economics and management]. Voronezh, 2004, part 3, 393 p.
14. Rosseikina Ye.L. Regionalnaya ekonomika i upravlenie [Regional economics and management]. Voronezh, 2003, part 2, 694 p.
15. Lomakin S.V. Kartografirovaniye sotsialno-ekonomicheskikh protsessov v razreze munitsipalnikh obrazovaniy dlya upravleniya zemelno-imushchestvennim kompleksom [Mapping socio-economic processes at the municipal level for the management of land and property complexes]. *Kadrovoye obespecheniye upravleniya zemelno-imushchestvennymi resursami i okhrani chernozemov pri realizatsii natsionalnikh proektov v regione : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Personnel Support for the Management of Land and Property Resources and Protection of Black Soils in the Implementation of National Projects in the Region : Materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference], 2008, pp. 28–32.
16. Dubrovin O.I., Poluektova I.V. Obshchegeograficheskie i tematicheskie karti i atlas kak osnova kartograficheskogo obespecheniya upravleniya administrativnoi oblastyu [General geographic and thematic maps and atlases as a basis for cartographic support for the management of an administrative region]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Yestestvennie i tekhnicheskije nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Natural and Technical Sciences], 2009, vol. 14, no. 1, pp. 170–172.
17. Lisitskii D.V., Katsko S.Yu. Izmeneniye sushchnosti i funktsii kartograficheskikh izobrazheniy na sovremennom etape razvitiya obshchestva [Change in the essence and functions of cartographic representations at the current stage of social development]. *Geodeziya i kartografiya* [Geodesy and Cartography], 2008, no. 2, pp. 28–30.

18. Sluka N.A., Tikunov V.S., Isaev I.A. Geoinformatsionnoe kartografirovaniye i izuchenie slozhnykh obektov na primere demoeconomicheskoi dinamiki gorodskogo razvitiya mira [Geoinformation mapping and study of complex objects using the example of demo-economic dynamics of world urban development]. Geoinformatsionnoe kartografirovaniye v geografii i geoeologii [Geoinformation Mapping in Geography and Geoecology] : sb. st. / pod red. Yu.A. Nesterova. Voronezh : Voronez. gos. un-t, 2010, pp. 4–20.
19. Popov Ye.V., Chelak I.P., Skvortsov M.M. Institutsionalnii mekhanizm publich-nogo upravleniya kartografirovaniem ekonomicheskoi ekosistemi territorii [Institutional mechanism of public management of mapping the economic ecosystem of a territory]. Gosudarstvennaya sluzhba [Gosudarstvennaya Sluzhba], 2025, vol. 27, no. 5, pp. 55–63.
20. Popov Ye.V., Skvortsov M.M. Publichnoye upravleniye razvitiem ekosistemi territorii [Public management of the development of a territorial ecosystem]. Problemy razvitiya territorii [Problems of Territorial Development], 2023, vol. 27, no. 3, pp. 10–27. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.2
21. Kurganov M.A. Upravleniye regionalnim razvitiem na osnove steikholderskogo podkhoda: klyuchevye tendentsii i teoreticheskaya model [Managing regional development on the basis of the stakeholder approach: key trends and a theoretical model]. Ekonomika i predprinimatelstvo [Economy and Entrepreneurship], 2022, no. 5 (142), pp. 630–635. DOI: 10.34925/EIP.2022.142.5.120.
22. Frolov D.P., Soloveva I.A. Budushchee strategii territorialnogo razvitiya: analiz sovremennykh metodologii [The future of territorial development strategies: analysis of modern methodologies]. Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika [Regional Economics: Theory and Practice], 2016, no. 10 (433). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/budushchee-strategiy-territorialnogo-razvitiya-analiz-sovremennyh-metodologiy> (accessed: 17.06.2025).
23. Druker P.F. Zadachi menedzhmenta v XXI veke [Management challenges in the 21st century] / per. s angl. N.M. Makarova. Moscow: Vilyams, 2004, 272 p.
24. Ansoff I. Strategicheskoye upravleniye [Strategic Management] / per. s angl. Ye.L. Leonteva. Moscow : Ekonomika, 1989, 519 p.
25. Popov Ye. V. Differentsiya vozdeystviya steikholderov na instituty ekosistemi [Differentiation of stakeholder influence on ecosystem institutions]. Journal of Institutional Studies [Journal of Institutional Studies], 2021, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsiya-vozdeystviya-steikholderov-na-instituty-ekosistemy> (accessed: 17.03.2026).
26. Babitsina I.M. Razvitiye regionalnoi ekonomiki na primere Tyumenskoj oblasti [Regional economic development on the example of Tyumen Oblast]. Molodoi uchenii [Young Scientist], 2014, no. 6 (65), pp. 377–382. Available at: <https://moluch.ru/archive/65/10615/> (accessed: 17.03.2026).

Информация об авторах

Попов Евгений Васильевич — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований, Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: epopov@mail.ru

Челак Игорь Павлович — кандидат экономических наук, заместитель директора Центра социально-экономических исследований, Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: chelak-ip@ranepa.ru

Скворцов Максим Михайлович — соискатель, Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург; директор Департамента экономики Правительства Тюменской области, Тюмень, Российская Федерация. E-mail: mmskvr@gmail.com

Information about the authors

Evgeny V. Popov — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Economics), Director of the Centre for Socio-Economic Research, Ural Institute of Management — Branch of RANEPa, Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: epopov@mail.ru

Igor P. Chelak — Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director of the Centre for Socio-Economic Research, Ural Institute of Management — Branch of RANEPa, Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: chelak-ip@ranepa.ru

Maxim M. Skvortsov — Applicant for a degree, Ural Institute of Management — Branch of RANEPa, Yekaterinburg; Director of the Department of Economics of the Government of Tyumen Oblast, Tyumen, Russian Federation. E-mail: mmskvr@gmail.com

Статья поступила в редакцию 24.03.2026; одобрена после рецензирования 12.04.2026; принята к публикации 04.06.2026.

The article was submitted 24.03.2026; approved after reviewing 12.04.2026; accepted for publication 04.06.2026.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И ПРОЦЕССЫ

INFORMATION SYSTEMS AND PROCESSES

Развитие территорий. 2026. № 3. С. 120—132.
Territory Development. 2026;(3):120—132.

Информационные системы и процессы

Научная статья
УДК 004.81
EDN WOYKJB

МОДЕЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО АГЕНТА НА ОСНОВЕ МЕТОДА АНАЛИЗА ФОРМАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ И DEEPSEEK ДЛЯ ЗАДАЧ РЕГИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Светлана Сергеевна Михайлова¹, Соелма Доржигушаевна Данилова², Александр Николаевич Тимофеев³

^{1–3} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

¹ ssmihajlova@fa.ru

² sddanilova@fa.ru

³ antimofeev@fa.ru

Аннотация. В статье предложена концептуальная модель интеллектуального агента, объединяющая метод анализа формальных понятий (АФП) с большой языковой моделью DeepSeek. АФП формализует понятия и анализирует данные в форме «объект-признак». В статье излагаются теоретические положения АФП — формальные контексты, решетки понятий, связи Галуа, а также описываются возможности DeepSeek. Предложенная гибридная модель обеспечивает решение трех классов задач пространственного развития: кластеризацию территориальных объектов, выявление импликационных зависимостей в пространственных данных и поддержку принятия решений.

Ключевые слова: анализ формальных понятий, DeepSeek, интеллектуальные агенты, пространственное развитие, решетка понятий, принятие решений

Благодарности: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования: Михайлова С. С., Данилова С. Д., Тимофеев А. Н. Модель интеллектуального агента на основе метода анализа формальных понятий и DeepSeek для задач регионального центра пространственного развития // Развитие территорий. 2026. № 3. С. 120—132. EDN WOYKJB.

MODEL OF AN INTELLIGENT AGENT BASED ON FORMAL CONCEPT ANALYSIS AND DEEPSEEK FOR THE TASKS OF A REGIONAL SPATIAL DEVELOPMENT CENTRE

Svetlana S. Mikhailova¹, Soelma D. Danilova², Alexander N. Timofeev³

^{1–3} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

¹ ssmihajlova@fa.ru

² sddanilova@fa.ru

³ antimofeev@fa.ru

Abstract. The article proposes a conceptual model of an intelligent agent that combines the method of Formal Concept Analysis (FCA) with the large language model DeepSeek. FCA formalises concepts and analyses data in the form of “object-attribute”. The article presents the theoretical foundations of FCA — formal contexts, concept lattices, Galois connections — and describes the capabilities of DeepSeek. The proposed hybrid model provides solutions to three classes of spatial development tasks: clustering of territorial objects, identification of implicative dependencies in spatial data, and decision support.

Keywords: Formal Concept Analysis, DeepSeek, intelligent agents, spatial development, concept lattice, decision-making

Acknowledgments: The article was prepared based on the results of research carried out using budget funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation: Mikhailova S.S., Danilova S.D., Timofeev A.N. Model of an Intelligent Agent Based on Formal Concept Analysis and DeepSeek for the Tasks of a Regional Spatial Development Centre. Territory Development. 2026;(3):120—132. (In Russ.). <https://elibrary.ru/woykjb>.

1. Введение

Бурное развитие больших языковых моделей и их широкое применение в различных сферах человеческой деятельности определяют возможность их использования в качестве интеллектуальных агентов для решения задач пространственного развития. Сегодня множество разнородных аналитических материалов, для которых характерна высокая степень неопределенности, создают проблему для эффективного принятия решений, в том числе и с помощью традиционных геоинформационных систем (ГИС). Несмотря на то что ГИС обладают мощными инструментами для решения задач пространственного развития, их слабым местом является ограниченность в семантической обработке слабоструктурированной информации и выявлении в ней скрытых закономерностей между данными. В создаваемом региональном (виртуальном) центре пространственного развития предлагается привлечь большие языковые модели в качестве интеллектуальных агентов, которые будут оказывать экспертную помощь лицу, принимающему решение. Одним из видов интеллектуальных агентов может послужить агент, который будет построен на

основе метода анализа формальных понятий (АФП) в интеграции с большой языковой моделью DeepSeek.

Метод анализа формальных понятий, введенный Р. Вилле в 1980-х гг., основан на математическом аппарате решеток Галуа [1 ; 2]. Метод позволяет формально описывать понятия предметной области как базовые элементы мышления, а также выявлять скрытые зависимости в массивах данных и выполнять иерархическую группировку объектов по общим признакам [1]. В результате этого неструктурированная информация, представленная на естественном языке, преобразовывается в иерархическую структуру понятий, которая становится основой эффективной классификации, визуализации и исследования сложных многомерных данных. Также известно, что большие языковые модели, в том числе DeepSeek, демонстрируют высокую эффективность обработки естественно-языковых текстов и автоматизации аналитических задач [3].

Таким образом, в работе определена цель, заключающаяся в разработке концептуальной модели интеллектуального агента на основе метода АФП с использованием DeepSeek, которая обеспечит более эффективный анализ данных и их

интерпретацию при решении комплексных задач пространственного развития — от кластеризации территориальных объектов до поддержки принятия решений в пространственном планировании.

2. Теоретические основания

2.1. Метод анализа формальных понятий

Метод АФП широко применяется в методах искусственного интеллекта, таких как машинное обучение, построение онтологий, информационный поиск, интеллектуальный анализ данных [4 ; 5]. Основу метода АФП составляет модель формального контекста, которая определяется как тройка множеств:

$$K = (G, M, I), \quad (1)$$

где G — множество объектов анализируемой задачи;

M — множество признаков (атрибутов), которыми могут обладать объекты;

$I \subseteq G \times M$ — отношение инцидентности между объектами и признаками [6].

Формальный контекст можно представлять в виде двумерной матрицы (таблицы), где строкам соответствуют объекты, столбцам — признаки, пересечение строки и столбца помечается специальным символом, если объект g характеризуется признаком m [1]. Такое представление удобно для восприятия человеком на этапе обследования данных. Для компьютерной обработки целесообразно эту матрицу заполнять нулями и единицами.

Для определения формальных понятий необходимо применить к формальному контексту операторы вывода Галуа [1 ; 7]:

$$A' = \{m \in M \mid \forall g \in A, glm\}; \quad (2)$$

$$B' = \{g \in G \mid \forall m \in B, glm\}. \quad (3)$$

Множество A' для подмножества объектов $A \subseteq G$ является множеством всех общих признаков этих объектов. Соответственно, множество B' — это подмножество всех объектов, обладающих всеми признаками $B \subseteq M$.

Тогда формальным понятием будет пара (A, B) , где $A \subseteq G$, $B \subseteq M$, $A' = B$ и $B' = A$.

При этом множество A определяет объем понятия, B — содержание понятия [8].

Множество всех формальных понятий, упорядоченное отношением вложенности, образует решетку понятий, которая визуализирует иерархическую структуру данных [6].

Важной составляющей АФП является анализ импликаций вида $A \rightarrow B$, где $A, B \subseteq M$, которые интерпретируются как «если объект обладает всеми признаками из A , то он обладает и всеми признаками из B » [6].

2.2. DeepSeek: архитектура и возможности

Архитектура DeepSeek включает три инновационных механизма, каждый из которых вносит вклад в эффективность гибридного АФП-агента (табл. 1).

Таблица 1

Архитектурные особенности DeepSeek и их роль в гибридном АФП-агенте
Architectural Features of DeepSeek and Their Role in the Hybrid FCA Agent

Механизм	Проблема АФП	Суть метода	Эффект для гибридной системы
Mixture-of-Experts (MoE)	Экспоненциальный рост сложности при большом числе признаков ($M > 10^3$)	Разреженная активация: 37 млрд из 671 млрд параметров на токен	Декомпозиция решетки на подрешетки; параллельная кластеризация по группам признаков
Multi-Head Latent Attention (MLA)	Невозможность обработки объектов, описанных длинными текстами	Сжатие KV-кэша, экономия памяти до 93 %	Реализация «толстого формального контекста»; извлечение признаков из сотен страниц документов
FP8 training	Длительная адаптация к новым предметным областям	8-битная арифметика на этапе обучения	Сокращение fine-tuning на 60—70 %; оперативная поддержка новых градостроительных задач

Рассмотрим архитектуру инновационных механизмов подробно.

Разреженная архитектура Mixture-of-Experts (MoE). DeepSeek, в отличие от

плотных моделей, активирует лишь подмножество специализированных экспертов. Например, DeepSeek-V3 использует 37 млрд на токен из 671 млрд парамет-

ров, что значительно снижает вычислительные затраты без потери репрезентативности [9]. Такая архитектура приобретает принципиальное значение для интеграции с АФП, так как построение полной решетки понятий для формального контекста сопряжено с экспоненциальной сложностью. Механизм МоЕ позволит декомпозировать глобальную задачу таким образом, что разные эксперты будут отвечать за кластеризацию по различным группам признаков, например, таких как транспортная доступность, экология, социальная инфраструктура.

Механизм многоголового латентного внимания (MLA). Механизм MLA предназначен для решения проблемы ограничения на длину контекста с помощью сжатия ключей и значений. При применении этого механизма объем контекста сокращается до 7 % от исходного, и экономия памяти составляет примерно 93 % [9]. Это позволяет модели работать с контекстами большого размера, что очень важно для реализации «толстого формального контекста». В итоге DeepSeek будет способна одномоментно хранить в памяти большое количество признаков, которые извлекались из многостраничных документов, таких как, например, детальные планы городских районов.

Низкоточное обучение (FP8 training). Данная технология позволяет ускорить процесс тренировки модели и процесс вывода, что дает возможность снизить потребность в вычислительных ресурсах без значимой потери точности вычислений [9]. Для предлагаемого гибридного интеллектуального агента при переходе между различными предметными областями это становится существенной особенностью. Каждый новый пространственный контекст, например, смена задачи исследования транспортной сети на анализ доступности школ, требует донастройки семантического модуля. При этом FP8 training позволяет сократить время дообучения на 60—70 % по сравнению с форматами FP32 или BF16. При этом сохраняется высокое качество извлечения импликаций, тем самым достигается высокая оперативность при принятии решений в пространственном планировании.

Выбор DeepSeek для интеллектуального агента регионального центра пространственного развития обусловлен

и наличием таких характеристик (факторов):

1) как правовой статус и соответствие законодательству. Модель DeepSeek официально зарегистрирована в Российской Федерации [10 ; 11], что гарантирует полное соблюдение норм Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Это позволяет исключить риски, сопряженные с трансграничным перемещением данных, и легально задействовать модель в проектах государственного и коммерческого характера;

2) техническая доступность и локализация. Модель DeepSeek функционирует на территории России без необходимости использования VPN [10 ; 11]. Это обеспечивает стабильную, бесперебойную работу центра пространственного развития;

3) открытая архитектура и адаптируемость. На территории России DeepSeek корректно распознает и обрабатывает русскоязычные запросы, а также не привязана к иностранным платежным инструментам [10 ; 11];

4) аналитическая эффективность. По результатам бенчмаркинга DeepSeek V4 лидирует среди бесплатных моделей при решении математических и аналитических задач, набирая 91,2 балла на тесте MMLU-Pro [12]. Высокая производительность модели полностью соответствует строгим критериям, предъявляемым к интеллектуальному агенту, функционирующему на основе формального концептуального анализа.

Итак, совокупность перечисленных характеристик — правовая безупречность, техническая доступность, открытость архитектуры и аналитическая результативность — делает DeepSeek оптимальным фундаментом для построения гибридного АФП-агента, предназначенного для решения задач пространственного развития в российских регуляторных и технологических условиях. Дополнительным преимуществом является адаптация модели к русскому языку, что подтверждается ее высокой эффективностью при обработке естественного языка, в аналитических исследованиях, прогнозировании и автоматизации [3 ; 8 ; 13].

2.3. Интеграция АФП и LLM: нейро-символический подход

Синтез формального концептуального анализа и больших языковых моделей образует нейро-символический контур,

в котором DeepSeek и АФП-компонент реализуют взаимодополняющие функции. Метод АФП предоставляет строгую математическую основу для выявления концептуальных структур и имплицитных связей. В свою очередь, большие языковые модели (LLM) обеспечивают гибкую обработку запросов на естественном языке и генерацию интерпретируемых пояснений.

Интеграция DeepSeek и АФП органично продолжает исследования научной школы В. К. Финна в области автоматического порождения гипотез [14—17].

В ДСМ-методе (метод Дж. Ст. Милля) выделяются три типа правил вывода: сходство, различие и сопутствие изменений. В терминах АФП эти правила получают формальную интерпретацию: правило сходства соответствует построению формального понятия (A, B) ; правило различия — выявлению импликации вида $\{m_1, \dots, m_k\} \rightarrow \{n\}$ [6], где отсутствие признаков-условий m_i влечет отсутствие признака-следствия n ; правило сопутствия изменений помогает отслеживанию динамики формального контекста

при добавлении или удалении объектов. DeepSeek автоматизирует этот процесс, извлекая из неструктурированных текстов исходные формальные контексты и формируя множество гипотетических импликаций для последующей проверки экспертом.

Предлагаемый в данной работе контур обработки данных включает пять последовательных этапов:

- 1) входной поток — неструктурированные документы пространственного развития поступают в DeepSeek;
- 2) семантический парсинг — DeepSeek извлекает множество объектов G и множество признаков M , формируя формальный контекст $K = (G, M, I)$;
- 3) АФП-вычисления — модуль строит решетку понятий и множество импликаций;
- 4) интерпретация — DeepSeek генерирует естественно-языковые объяснения результатов;
- 5) обратная связь — пользователь уточняет запрос, инициируя новый цикл. Замыкание контура обеспечивает итеративное уточнение формального контекста (рис. 1).

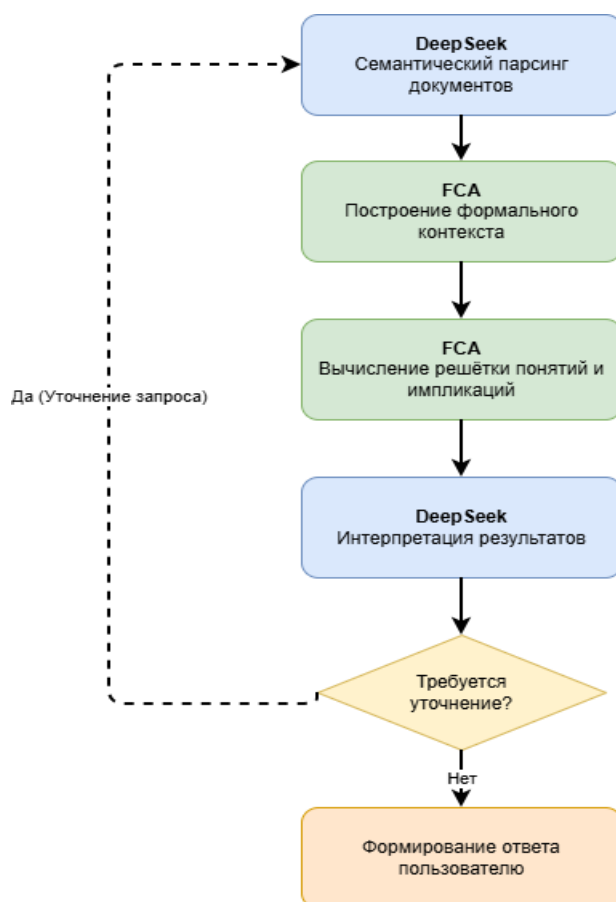

Рис. 1. Нейро-символический цикл взаимодействия DeepSeek и АФП (FCA)
Neuro symbolic cycle of interaction between DeepSeek and FCA

Рассмотрим пример извлечения формального контекста. Дан фрагмент градостроительного регламента: «*Район А имеет плотность застройки 85 %, удален от линии метро на 2 км, обеспечен школой в радиусе 500 м. Район Б имеет плотность застройки 60 %, удален от метро на 1,5 км, школой не обеспечен. Район В имеет плотность застройки 90 %, удален от метро на 3 км, обеспечен школой*». DeepSeek преобразует этот текст в формальный контекст:

где $G = \{\text{район А, район Б, район В}\}$,
 $M = \{\text{высокая плотность } (> 80 \%),$
 средняя плотность (60—80 %),
 удаленность от метро > 2 км,
 наличие школы в 500 м}.

После того как бинарное отношение I устанавливает принадлежность признаков

соответствующим объектам, АФП-компонент выявляет импликацию следующего вида: *наличие высокой плотности застройки и удаленности от метро (более 2 км) влечет присутствие школы в данной локации*. Такая закономерность может указывать на существование корреляции между активным освоением периферийных территорий и приоритетным размещением там социальной инфраструктуры.

3. Архитектура модели интеллектуального агента АФП-DeepSeek

Как показано на схеме (рис. 2), архитектура предлагаемой модели интеллектуального агента включает три основных компонента, между которыми четко распределены функции в рамках нейросимволического цикла обработки данных.

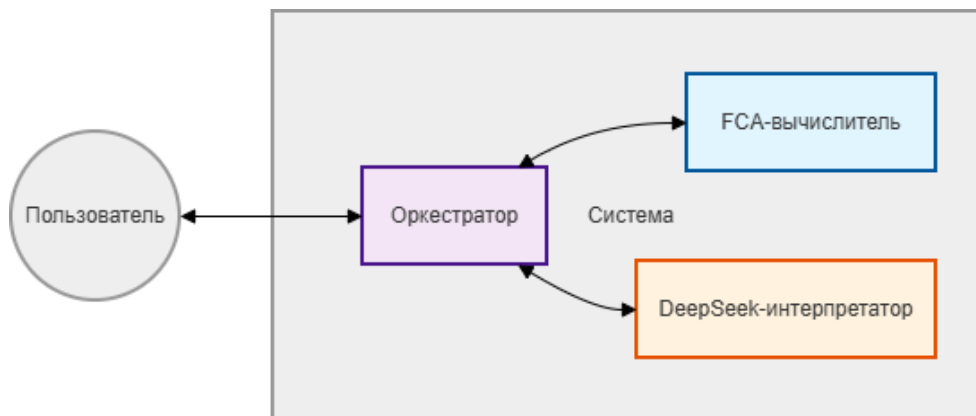

Рис. 2. Концептуальная схема модели интеллектуального агента АФП-DeepSeek
 Conceptual scheme of the FCA DeepSeek intelligent agent model

Модуль АФП-вычислитель реализует математический аппарат формального концептуального анализа и решает следующие вычислительные задачи:

- построение формального контекста на базе семантически размеченных данных;
- вычисление решетки понятий с применением алгоритмов типа Next Closure или инкрементальных методов;
- извлечение всех истинных импликаций и формирование минимального базиса Дюкенна — Гийга [6].

В рамках задач пространственного развития функционал модуля включает:

- формализацию предметной области: создание формального контекста, где объекты — территориальные единицы (районы, кварталы), атрибуты — характеристики пространственного развития

(плотность застройки, транспортная доступность, экология);

- иерархическую визуализацию: построение решетки понятий для выделения кластеров территорий со схожими свойствами;

- извлечение знаний: генерацию импликаций, например {высокая плотность застройки} → {высокий спрос на парковочные места}, которые служат обоснованием для градостроительных решений;

- концептуальное шкалирование для обработки многозначных признаков [1].

Поскольку построение решетки понятий является вычислительно трудоемкой задачей, ее автоматизация предлагается путем бинаризации признаков с использованием разреженных автокодировщиков (Sparse Autoencoders, SAE). В рамках

этого подхода SAE выполняет следующие операции:

- проекцию вектора активаций DeepSeek в пространство скрытых признаков. Поскольку DeepSeek использует архитектуру МоЕ, получение вектора активаций будет заключаться в отслеживании не абстрактных слоев, а конкретных экспертов. На практике это может быть выполнено с помощью библиотеки PyTorch [9];

- с помощью функции активации, например, ReLU или TopK, принудительно можно обнулить признаки и оставить только те признаки, которые активны для конкретного понятия;

- на выходе непрерывные значения функций могут быть превращены в бинарные сигналы, которые сформируют матрицу инцидентности.

DeepSeek-интерпретатор — большая языковая модель, выполняющая две основные функции: семантическую обработку документов и генерацию ответов. На этапе восходящего преобразования ($data \rightarrow context$) она осуществляет семантический парсинг слабоструктурированных документов, извлекая объекты G и признаки M и формируя бинарную матрицу I. На этапе нисходящего преобразования ($lattice \rightarrow text$) она генерирует интерпретируемые ответы на естественном языке, объясняя полученные импликации и кластеры.

DeepSeek-интерпретатор в задачах пространственного развития выполнит следующие задачи:

- семантическую обработку слабоструктурированных документов пространственного развития, семантический анализ запросов пользователя на естественном языке для выделения ключевых сущностей и параметров анализа для задачи, поставленной лицом, принимающим решение;

- генерацию интерпретаций результатов АФП-анализа: DeepSeek сможет объяснить, почему определенные территориальные объекты были сгруппированы в одно понятие, какие атрибуты являются общими и какие различия существуют между соседними понятиями в решетке;

- формулировку рекомендаций на основе выявленных импликаций и кластеров. Например: *«На основе анализа формальных понятий рекомендуется разместить новый детский сад в рай-*

оне X, который имеет схожие характеристики с районами Y и Z, где наблюдается дефицит дошкольных учреждений»;

- автоматическую документацию результатов анализа.

Оркестратор — координационный модуль, управляющий взаимодействием между АФП-вычислителем и DeepSeek-интерпретатором. Он принимает задачу пользователя на естественном языке, иницирует семантический парсинг, передает сформированный формальный контекст в АФП-вычислитель, получает результаты (решетку и импликации) и направляет их в DeepSeek-интерпретатор для генерации финального ответа. При необходимости оркестратор поддерживает итеративный режим: уточняющие запросы пользователя иницируют новый цикл обработки.

Таким образом, решение задачи пространственного развития в рамках предлагаемой модели реализуется через последовательное выполнение следующих этапов: формулировку задачи (пользователь описывает проблемную ситуацию на естественном языке); сбор и структурирование данных (DeepSeek идентифицирует релевантные источники информации и преобразует их в формат, пригодный для АФП-анализа); построение формального контекста (АФП-вычислитель формирует формальный контекст на основе подготовленных данных); анализ решетки понятий (вычисляется решетка и выявляются кластеры объектов); извлечение импликаций (обнаруживаются зависимости между атрибутами); интерпретацию и визуализацию (DeepSeek генерирует отчет и практические рекомендации).

4. Сценарии применения в задачах пространственного развития

Анализ формальных понятий позволяет выполнять концептуальную кластеризацию территориальных единиц на основе множества признаков. В отличие от традиционных методов кластеризации, АФП предоставляет иерархическую структуру (решетку), которая показывает не только то, какие объекты похожи, но и то, какие признаки их объединяют на разных уровнях обобщения.

Например, в решении задачи анализа районов города по таким признакам, как «наличие школ», «транспортная до-

ступность», «экологическая обстановка», «уровень преступности», «плотность населения», решетка понятий позволяет выделить:

— районы с высоким уровнем социального благополучия (наличие школ, хорошая транспортная доступность);

— районы, требующие первоочередного внимания (дефицит инфраструктуры);

— районы со специфическими характеристиками (например, «спальные районы» с высокой плотностью населения, но низкой обеспеченностью социальными объектами).

DeepSeek интерпретирует результаты кластеризации и отвечает на вопросы пользователя: «Почему район А был от-

несен к той же группе, что и район Б?», «Какие районы наиболее похожи на район В по заданным критериям?».

Рассмотрим работу модели на конкретном примере. Даны три текста на естественном языке:

T1 = «Я живу в панельке на окраине, тут тихо, только мамы с колясками гуляют по детским площадкам»;

T2 = «Работники офисов спешат на встречу в центре города, вокруг сверкают витрины»;

T3 = «Утром жители спальных районов едут в центр на работу».

Для них автокодировщик SAE построит матрицу формального контекста $K = (G, M, I)$ (табл. 2).

Таблица 2

Матрица формального контекста, построенного автокодировщиком SAE
Formal context matrix constructed by the SAE autoencoder

(G) / (M)	m_1 — «Жилье / Дома»	m_2 — «Тишина / Уют»	m_3 — «Окраина»	m_4 — «Бизнес / Деньги»
g_1 — «Панелька на окраине»	1	1	1	0
g_2 — «Детские площадки»	1	1	0	0
g_3 — «Жители едут в центр»	1	0	1	0
g_4 — «Деловой центр»	0	0	0	1

В строках таблицы приведены выявленные в текстах T1, T2 и T3 объекты, образующие множество G, а в столбцах — выявленные признаки, образующие множество M, соответствующие конкретным активированным экспертам нейросети. Наличие единицы на пересечении объекта и признака означает наличие отношения I между множествами объектов и признаков.

Строки таблицы представляют собой множество объектов G, извлеченных из текстов T1, T2 и T3. Столбцы образуют множество признаков M, которые соответствуют активированным экспертам нейросети. Единица на пересечении строки (объекта) и столбца (признака) указывает на наличие отношения инцидентности I между ними, формируя тем самым формальный контекст $K = (G, M, I)$.

С помощью операторов Галуа для рассматриваемого формального контекста была выведена решетка формальных понятий, состоящая из девяти пар (рис. 3).

Анализ полученной решетки понятий позволяет сделать ключевые выводы о структуре городского пространства и сформулировать конкретные рекомендации по ее модернизации.

На самом верхнем уровне иерархии пара $(\{g_1, g_2, g_3, g_4\}, \emptyset)$ представляет всю рассматриваемую территорию без общих признаков, однако уже на следующем уровне происходит четкое разделение.

Пара $(\{g_1, g_2, g_3\}, \{m_1\})$ определяет формальное понятие «жилая зона», которое объединяет все территории с жилой застройкой. Деловой же центр g_4 стоит обособленно со своим отличительным признаком «Бизнес / Деньги». Такая структура отражает жесткую монофункциональную модель города, где жилые окраины размещены отдаленно от делового центра, что характерно для классической советской градостроительной традиции.

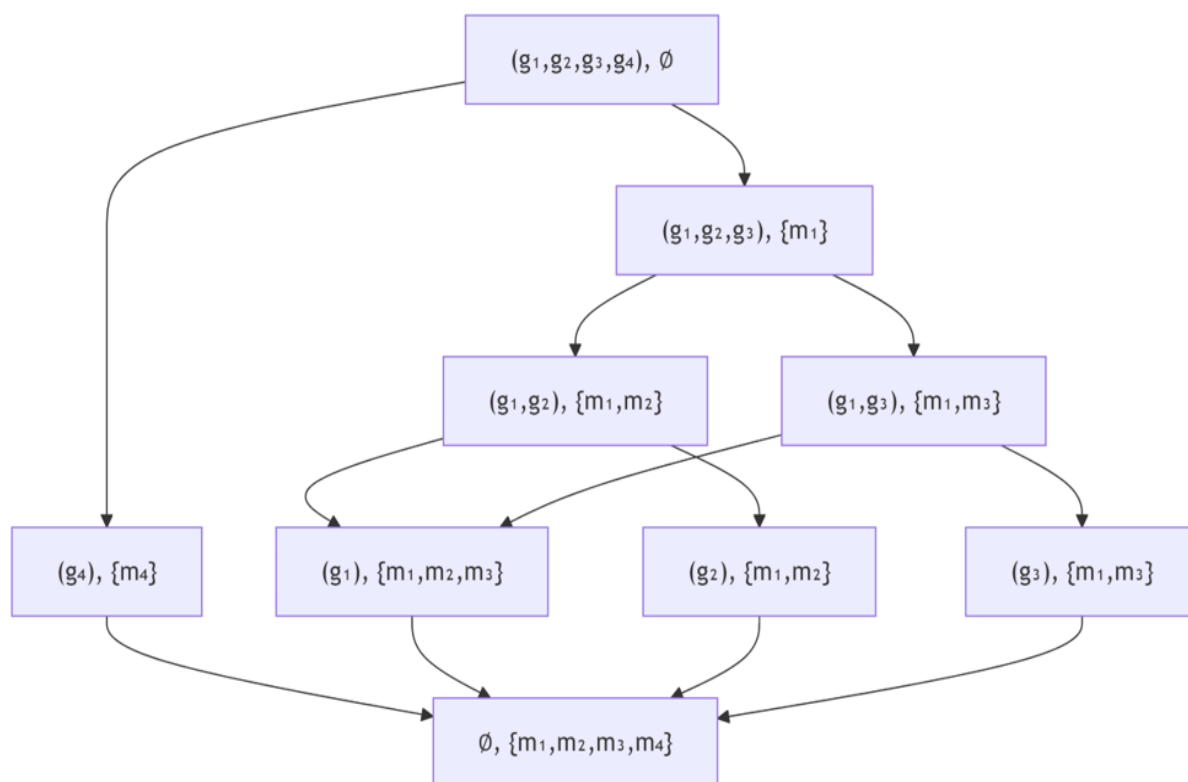

Рис. 3. Решетка формальных понятий
Concept lattice

На основе метода Дюкенна — Гийга проведен импликационный анализ, выявлены две зависимости: $\{m_3\} \rightarrow \{m_1\}$ (Окраина $\rightarrow$ Жилье) и $\{m_2, m_3\} \rightarrow \{m_1\}$ (Тишина + Окраина $\rightarrow$ Жилье). Они указывают на то, что окраинные зоны в рассматриваемом городе являются исключительно жилыми, а наличие тишины выступает дифференцирующим признаком внутри этого класса, что подтверждает полученную модель.

Таким образом, модель интеллектуального агента АФП-DeerSeek фиксирует существующую моноцентричную структуру, не отражающую современные тренды полицентризма. Основной дисбаланс заключается в монофункциональности окраинных территорий, что порождает маятниковую миграцию и транспортную нагрузку. Точками роста выступают районы типа g_1 , сочетающие окраинное расположение с комфортной средой, опыт которых следует масштабировать. В качестве первоочередных мер рекомендуется стимулирование локальной занятости на окраинах, повышение комфортности транзитных зон и развитие полицентричной структуры. Для мониторинга динамики пространственного развития предлагается использовать регу-

лярное построение формальных контекстов на основе актуальных данных.

5. Обсуждение

5.1. Сильные стороны модели

Архитектура предложенной гибридной модели обладает рядом ключевых преимуществ, которые делают ее эффективным инструментом для поддержки принятия решений в области пространственного развития:

1) математическая строгость и объективность. Метод АФП предоставляет формальные, верифицируемые критерии анализа, что исключает субъективизм при обосновании градостроительных решений [1]. Решения, основанные на выявленных импликациях (например, «если окраина, то жилье»), имеют под собой строгую логическую базу, а не статистическую корреляцию;

2) интеллектуальный интерфейс и адаптивность. Использование DeerSeek позволяет пользователю обращаться к системе на естественном языке, не требуя освоения формальных нотаций. Система самостоятельно преобразует поступающие запросы в вычисляемые команды, обеспечивая гибкий многофакторный анализ в диалоговом режиме и делая

инструмент доступным для экспертов без углубленной математической подготовки [3 ; 8 ; 14];

3) выявление скрытых, нетривиальных закономерностей. Решетки понятий и импликации АФП способны обнаруживать неочевидные семантические связи между территориальными объектами, что расширяет границы традиционного корреляционного и регрессионного анализа. Благодаря этому появляется возможность выявлять глубинные структурные особенности городской среды [1 ; 6], остающиеся незамеченными при использовании стандартных аналитических методов.

5.2. Ограничения и вызовы

Наряду с отмеченными достоинствами, практическая реализация модели сталкивается с рядом ограничений и сложностей, которые следует принимать во внимание при организации аналитических процессов:

1) высокая вычислительная сложность. Построение решетки понятий сопряжено с потенциально экспоненциальным ростом ее размера в зависимости от объема формального контекста — явление, известное как «комбинаторный взрыв» [1 ; 18]. Для крупных городов с тысячами территориальных единиц и сотнями признаков построение полной решетки становится вычислительно трудоемкой задачей, требующей значительных ресурсов или применения методов приближенного анализа;

2) зависимость от качества данных. Результаты АФП напрямую зависят от полноты и корректности исходных данных. Пропуски, шумы и семантические противоречия в исходных датасетах способны приводить к искажению импликаций и формированию тривиальной (неинформативной) структуры решетки;

3) критичность выбора признаков. Эффективность метода критически зависит от этапа концептуализации — формирования релевантного набора признаков. Неудачный выбор атрибутов, их избыточность или, наоборот, неполнота приводят к получению либо слишком общих, либо нерелевантных результатов;

4) проблемы масштабируемости и пространственной логики. Классический бинарный подход АФП не учитывает топологические и метрические свойства пространства (например, удаленность объектов, наличие общей границы). Инте-

грация этих аспектов требует дополнительных моделей или гибридизации с геоинформационными системами;

5) риски интеграции с LLM (большими языковыми моделями). Использование облачных версий больших языковых моделей для обработки градостроительных данных создает риски нарушения конфиденциальности. Этот вызов успешно решается за счет адаптации архитектуры DeepSeek для локального развертывания непосредственно в контуре организации [8 ; 13], что гарантирует безопасность данных.

5.3. Направления будущих исследований

В качестве перспективных направлений дальнейших исследований могут быть выделены:

1) разработка методов редукции решеток для больших пространственных данных (например, iceberg lattices) [1 ; 19];

2) интеграция пространственных метрик (расстояний, площадей, связности) в АФП;

3) создание стандартизированных библиотек признаков для различных типов территорий;

4) развитие методов автоматического извлечения формальных контекстов из неструктурированных текстов с использованием DeepSeek;

5) разработка интерактивных инструментов визуализации решеток на картографической основе;

6) исследование гибридных подходов, сочетающих АФП с кластерным анализом и ассоциативными правилами.

6. Заключение

В статье предложена концептуальная модель интеллектуального агента, объединяющая анализ формальных понятий с большой языковой моделью DeepSeek. Анализ формальных понятий обеспечивает математически строгую основу для кластеризации объектов, выявления иерархических структур и импликационных зависимостей в пространственных данных. DeepSeek, в свою очередь, предоставляет гибкий интерфейс для взаимодействия на естественном языке и генерацию интерпретируемых объяснений.

Предлагаемая модель открывает новые возможности для решения задач пространственного развития — от кластеризации территориальных объектов и вы-

явления скрытых закономерностей до поддержки принятия градостроительных решений. Дальнейшие исследования должны быть направлены на масштабируемость, интеграцию пространственных метрик и адаптацию методов для работы с большими объемами данных.

Развитие гибридных нейро-символических систем, сочетающих формальные методы (АФП) с генеративными моделями (DeepSeek), представляет собой перспективное направление в области интеллектуального анализа данных и поддержки принятия решений.

Список источников

1. Ganter B., Wille R. Formal Concept Analysis: Mathematical Foundations. Berlin: Springer, 1999. 284 p.
2. Wille R. Restructuring lattice theory: An approach based on hierarchies of concepts // Ordered Sets. Ed. I. Rival. Dordrecht: Springer, 1982. P. 445—470.
3. Су Ф. Искусственный интеллект больших моделей как драйвер трансформации качественной производительности в строительной отрасли: механизмы, пути и практические исследования на примере DeepSeek [Large model artificial intelligence as a driver of qualitative productivity transformation in the construction industry: mechanisms, paths and practical studies using DeepSeek] // Строительные и дорожные машины. 2024. Т. 68, № 3—4. С. 40—52.
4. Formal Concept Analysis / S. Andrews et al. // Strategic Intelligence Management. 2013. P. 209—233. (дата обращения: 12.05.2026).
5. Ignatov D. I. Introduction to Formal Concept Analysis and Its Applications in Information Retrieval and Related Fields. 2017. URL: <https://arxiv.org/abs/1703.02819> (дата обращения: 12.05.2026).
6. Guigues J. L., Duquenne V. Familles minimales d'implications informatives résultant d'un tableau de données binaires // Mathématiques et Sciences humaines. 1986. № 95. P. 5—18.
7. Denniston J. T., Melton A., Rodabaugh S. E. Formal Contexts, Formal Concept Analysis, and Galois Connections. 2013. URL: <https://arxiv.org/abs/1309.5134> (дата обращения: 12.05.2026).
8. Timashev S. Artificial Intelligence in Risk-Based Design and Operation of Infrastructures: Dangers and Opportunities // International Journal for Computational Civil and Structural Engineering. 2025. Vol. 20, no. 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/artificial-intelligence-in-risk-based-design-and-operation-of-infrastructures-dangers-and-opportunities>
9. DeepSeek LLM Technical Documentation // DeepSeek AI. 2024—2025. URL: <https://github.com/deepseek-ai> (дата обращения: 02.06.2026).
10. Роспатент одобрил регистрацию товарного знака популярного в России китайского ИИ-стартапа // Информационное агентство SakhaNews / ТАСС. 2026. 4 марта. URL: <https://sakhaneews.ru> (дата обращения: 25.04.2026).
11. Китайская компания DeepSeek регистрирует свои товарные знаки в России // Агентство городских новостей «Москва». 2025. 12 февраля. URL: <https://mskagency.ru> (дата обращения: 12.05.2026).
12. BRIDGE: Benchmarking Large Language Models for Understanding Real-world Clinical Practice Text. 2025. URL: <https://arxiv.org/abs/2504.19467> (дата обращения: 12.05.2026).
13. Кулешова Ю. И. Нейронная сеть DeepSeek и ее применение // Ломоносов-2025 : материалы Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. М. : МГУ, 2025. С. 120—125.
14. Климова С. Г., Михеенкова М. А., Финн В. К. ДСМ-метод в качественном социологическом исследовании: основные принципы и опыт использования // Социологический журнал. 2016. Т. 22, № 2. С. 8—30. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.2.4255.
15. Финн В. К. ДСМ-метод как средство анализа каузальных зависимостей в интеллектуальных системах // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2000. № 11.
16. Финн В. К., Михеенкова М. А. О ситуационном расширении ДСМ-метода автоматического порождения гипотез // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2000. № 11. С. 20—28.
17. Финн В. К. Эвристика обнаружения эмпирических закономерностей и принципы интеллектуального анализа данных // Искусственный интеллект и принятие решений. 2018. № 3. С. 3—19. DOI: 10.14357/20718594180311.
18. Kuznetsov S. O., Obiedkov S. A. Comparing Performance of Algorithms for Generating Concept Lattices // Journal of Experimental & Theoretical Artificial Intelligence. 2002. Vol. 14, no. 2—3. P. 189—216.
19. DeepSeek License Agreement. Version 1.0 // GitHub: deepseek-ai/DeepSeek-V2. URL: <https://github.com/deepseek-ai/DeepSeek-V2/blob/main/LICENSE-MODEL> (дата обращения: 25.04.2026).

References

1. Ganter B., Wille R. Formal Concept Analysis: Mathematical Foundations. Berlin: Springer, 1999, 284 p.
2. Wille R. Restructuring lattice theory: An approach based on hierarchies of concepts. Ordered Sets. Ed. I. Rival. Dordrecht: Springer, 1982, pp. 445–470.
3. Su F. Iskusstvennii intellekt bolshikh modelei kak draiver transformatsii kachestvennoi proizvoditelnosti v stroitelnoi otrasli: mekhanizmi, puti i prakticheskie issledovaniya na primere DeepSeek [Large model artificial intelligence as a driver of qualitative productivity transformation in the construction industry: mechanisms, paths and practical studies using DeepSeek]. Stroitelnie i dorozhnie mashini [Construction and Road Machinery], 2024, vol. 68, no. 3–4, pp. 40–52.
4. Andrews S. i et al. Formal Concept Analysis. Strategic Intelligence Management, 2013, pp. 209–233 (accessed: 12.05.2026).
5. Ignatov D.I. Introduction to Formal Concept Analysis and Its Applications in Information Retrieval and Related Fields. 2017. Available at: <https://arxiv.org/abs/1703.02819> (accessed: 12.05.2026).
6. Guigues J.L., Duquenne V. Familles minimales d'implications informatives résultant d'un tableau de données binaires. *Mathématiques et Sciences humaines*, 1986, no. 95, pp. 5–18.
7. Denniston J.T., Melton A., Rodabaugh S.E. Formal Contexts, Formal Concept Analysis, and Galois Connections, 2013. Available at: <https://arxiv.org/abs/1309.5134> (accessed: 12.05.2026).
8. Timashev S. Artificial Intelligence in Risk-Based Design and Operation of Infrastructures: Dangers and Opportunities. International Journal for Computational Civil and Structural Engineering, 2025, vol. 20, no. 11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/artificial-intelligence-in-risk-based-design-and-operation-of-infrastructures-dangers-and-opportunities>
9. DeepSeek LLM Technical Documentation. DeepSeek AI, 2024–2025. Available at: <https://github.com/deepseek-ai> (accessed: 02.06.2026).
10. Rospatent одобрил регистрацию товарного знака популярного в России китайского ИИ-стартапа [Rospatent approved the registration of the trademark of the Chinese AI start-up popular in Russia]. Informationsnoe agentstvo SakhaNews / TASS [SakhaNews Information Agency / TASS], 2026, 4 March. Available at: <https://sakhanews.ru> (accessed: 25.04.2026).
11. Kitaiskaya kompaniya DeepSeek registriruet svoi tovarnie znaki v Rossii [Chinese company DeepSeek registers its trademarks in Russia]. Agentstvo gorodskikh novostei “Moskva” [Moscow City News Agency], 2025, 12 February. Available at: <https://mskagency.ru> (accessed: 12.05.2026).
12. BRIDGE: Benchmarking Large Language Models for Understanding Real-world Clinical Practice Text, 2025. Available at: <https://arxiv.org/abs/2504.19467> (accessed: 12.05.2026).
13. Kuleshova Yu.I. Neironnaya set DeepSeek i yee primeneniye [The DeepSeek neural network and its applications]. Lomonosov-2025 : materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodikh uchenikh [Lomonosov-2025 : materials of the International Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Researchers]. Moscow: MGU, 2025, pp. 120–125.
14. Klimova S.G., Mikheenkova M.A., Finn V.K. DSM-metod v kachestvennom sotsio-logicheskom issledovanii: osnovnye printsipi i opit ispolzovaniya [DSM-method in qualitative sociological research: basic principles and experience of use]. Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal], 2016, vol. 22, no. 2, pp. 8–30. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.2.4255.
15. Finn V.K. DSM-metod kak sredstvo analiza kauzalnykh zavisimostei v intellektualnykh sistemakh [DSM-method as a tool for analysing causal dependencies in intelligent systems]. Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2. Informationsionnye protsessy i sistemi [Scientific and Technical Information. Series 2. Information Processes and Systems], 2000, no. 11.
16. Finn V.K., Mikheenkova M.A. O situatsionnom rasshirenii DSM-metoda avtomaticheskogo porozhdeniya gipotez [On the situational extension of the DSM-method of automatic hypothesis generation]. Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2. Informationsionnye protsessy i sistemi [Scientific and Technical Information. Series 2. Information Processes and Systems], 2000, no. 11, pp. 20–28.
17. Finn V.K. Evristika obnaruzheniya empiricheskikh zakonornostei i printsipi intellektualnogo analiza dannikh [Heuristics for discovering empirical patterns and principles of data mining]. Iskusstvennii intellekt i prinyatie reshenii [Artificial Intelligence and Decision Making], 2018, no. 3, pp. 3–19. DOI: 10.14357/20718594180311.
18. Kuznetsov S.O., Obiedkov S.A. Comparing Performance of Algorithms for Generating Concept Lattices. Journal of Experimental & Theoretical Artificial Intelligence, 2002, vol. 14, no. 2–3, pp. 189–216.
19. DeepSeek License Agreement. Version 1.0. GitHub: deepseek-ai/DeepSeek-V2. Available at: <https://github.com/deepseek-ai/DeepSeek-V2/blob/main/LICENSE-MODEL> (accessed: 25.04.2026).

Информация об авторах

Михайлова Светлана Сергеевна — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой математики и анализа данных, ведущий научный сотрудник Института цифровых технологий, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: ssmihajlova@fa.ru

Данилова Соелма Доржигушаевна — кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института цифровых технологий, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: sddanilova@fa.ru

Тимофеев Александр Николаевич — кандидат технических наук, младший научный сотрудник Института цифровых технологий, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: antimofeev@fa.ru

Information about the authors

Svetlana S. Mikhailova — Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Mathematics and Data Analysis, Leading Researcher at the Institute of Digital Technologies, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: ssmihajlova@fa.ru

Soelma D. Danilova — Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of Digital Technologies, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: sddanilova@fa.ru

Alexander N. Timofeev — Candidate of Sciences (Engineering), Junior Researcher at the Institute of Digital Technologies, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: antimofeev@fa.ru

Статья поступила в редакцию 04.06.2026; одобрена после рецензирования 14.06.2026; принята к публикации 15.06.2026.

The article was submitted 04.06.2026; approved after reviewing 14.06.2026; accepted for publication 15.06.2026.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бахлов Игорь Владимирович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Российская Федерация. E-mail: bahlov@mail.ru

Бахлова Ольга Владимировна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Российская Федерация. E-mail: olga.bahlova@mail.ru

Вавилина Надежда Дмитриевна — доктор социологических наук, доцент, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Центр социологических исследований», Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: vavilina-nd@ranepa.ru

Данилова Соелма Доржигушаевна — кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института цифровых технологий, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: sddanilova@fa.ru

Кольцова Анастасия Алексеевна — кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории оптимизации регионального природопользования, Институт водных и экологических проблем, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Хабаровск, Российская Федерация. E-mail: never_give_up@mail.ru

Котова Наталья Евгеньевна — младший научный сотрудник, Институт экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: nkotova@fa.ru

Марголин Андрей Маркович — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, проректор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: margolin-am@ranepa.ru

Мирзеханова Зоя Гавриловна — доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории оптимизации регионального природопользования, Институт водных и экологических проблем, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Хабаровск, Российская Федерация. E-mail: lorp@iver.as.khb.ru

Михайлова Светлана Сергеевна — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой математики и анализа данных, ведущий научный сотрудник Института цифровых технологий, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: ssmihajlova@fa.ru

Нагаева Ольга Сергеевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства, Сибирское отделение Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: espro@mail.ru

Овечкина Наталья Ивановна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: n.i.ovechkina@edu.nsuem.ru

Попов Евгений Васильевич — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований, Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: eropov@mail.ru

Решетников Станислав Борисович — старший научный сотрудник, Институт экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: reshetnikovst@gmail.com

Сильвестров Сергей Николаевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: ssilvestrov@fa.ru

Скворцов Максим Михайлович — соискатель, Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург; директор Департамента экономики Правительства Тюменской области, Тюмень, Российская Федерация. E-mail: mmskvr@gmail.com

Тимофеев Александр Николаевич — кандидат технических наук, младший научный сотрудник Института цифровых технологий, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: antimofeev@fa.ru

Челак Игорь Павлович — кандидат экономических наук, заместитель директора Центра социально-экономических исследований, Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: chelak-ip@ranepa.ru

Шмарихина Елена Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: e.s.shmarihina@edu.nsuem.ru

Шпигунова Юлия Михайловна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр социологических исследований», Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: shpigunova-ym@ranepa.ru

AUTHOR AFFILIATIONS

Igor V. Bakhlov — Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University named after N. P. Ogarev, Saransk, Russian Federation. E-mail: bakhlov@mail.ru

Olga V. Bakhlova — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor, Professor of the Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University named after N. P. Ogarev, Saransk, Russian Federation. E-mail: olga.bakhlova@mail.ru

Nadezhda D. Vavilina — Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, Head of the Research Laboratory "Centre for Sociological Research", Siberian Institute of Management — Branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: vavilina-nd@ranepa.ru

Soelma D. Danilova — Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of Digital Technologies, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: sddanilova@fa.ru

Anastasiya A. Koltsova — Candidate of Sciences (Geography), Researcher at the Laboratory for Optimisation of Regional Nature Management, Institute of Water and Ecology Problems, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russian Federation. E-mail: never_give_up@mail.ru

Natalia E. Kotova — Junior Researcher, Institute of Economic Policy and Economic Security Problems, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: nkotova@fa.ru

Andrey M. Margolin — Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honoured Economist of the Russian Federation, Vice-Rector, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: margolin-am@ranepa.ru

Zoya G. Mirzekhanova — Doctor of Sciences (Geography), Professor, Chief Researcher at the Laboratory for Optimisation of Regional Nature Management, Institute of Water and Ecology Problems, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russian Federation. E-mail: lorp@ivep.as.khb.ru

Svetlana S. Mikhailova — Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Mathematics and Data Analysis, Leading Researcher at the Institute of Digital Technologies, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: ssmihajlova@fa.ru

Olga S. Nagaeva — Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ecpro@mail.ru

Natalia I. Ovechkina — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: n.i.ovechkina@edu.nsuem.ru

Evgeny V. Popov — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Economics), Director of the Centre for Socio-Economic Research, Ural Institute of Management — Branch of RANEPa, Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: epopov@mail.ru

Stanislav B. Reshetnikov — Senior Researcher, Institute of Economic Policy and Economic Security Problems, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: reshetnikovst@gmail.com

Sergey N. Silvestrov — Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director of the Institute of Economic Policy and Economic Security Problems, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: ssilvestrov@fa.ru

Maxim M. Skvortsov — Applicant for a degree, Ural Institute of Management — Branch of RANEPa, Yekaterinburg; Director of the Department of Economics of the Government of Tyumen Oblast, Tyumen, Russian Federation. E-mail: mmskvr@gmail.com

Alexander N. Timofeev — Candidate of Sciences (Engineering), Junior Researcher at the Institute of Digital Technologies, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: antimofeev@fa.ru

Igor P. Chelak — Candidate of Sciences (Economics), Deputy Director of the Centre for Socio-Economic Research, Ural Institute of Management — Branch of RANEPa, Yekaterinburg, Russian Federation. E-mail: chelak-ip@ranepa.ru

Elena S. Shmarikhina — Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: e.s.shmarikhina@edu.nsuem.ru

Yulia M. Shpigunova — Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher at the Research Laboratory "Centre for Sociological Research", Siberian Institute of Management — Branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: shpigunova-ym@ranepa.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Общие положения

Редакция журнала «Развитие территорий» принимает к рассмотрению оригинальные, ранее нигде (в том числе в сети Интернет) не публиковавшиеся статьи.

Периодичность выхода журнала — четыре раза в год (ежеквартально). Журнал распространяется по подписке. Полнотекстовые электронные версии вышедших номеров доступны на сайте Сибирского института управления — филиала РАНХиГС.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также аспирантов и студентов (совместно с преподавателями) по следующим направлениям:

- Актуальные вопросы государственного и муниципального управления.
- Государство и гражданское общество, идеология и политика.
- Право и юридические науки.
- Экономические исследования.
- Проблемы развития экономики и управления.
- Информационные системы и процессы.
- Бизнес-информатика.
- Территория: факты, оценки, перспективы.
- Страницы истории.
- Научный поиск и предложения.

Статьи публикуются на русском языке и сопровождаются аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках.

Объем статьи должен составлять от 20 до 60 тыс. знаков (с пробелами). Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат, географических названий, собственных имен и прочих сведений ответственность несет автор.

Материалы представляются по электронной почте e-mail: rasv_ter@siu.ranepa.ru.

Взаимодействие редакционной коллегии, связанное с публикацией рукописи, осуществляется с ответственным автором, который должен представить редакционной коллегии номер мобильного телефона для рабочих контактов. Если автор один, то он является ответственным автором. Авторский коллектив самостоятельно выбирает ответственного автора данной публикации. В редакционную коллегию представляется доверенность каждого соавтора на передачу всех прав и обязанностей по взаимодействию с редколлегией при подготовке рукописи к публикации конкретному лицу. Доверенности должны быть заверены в отделе кадров по месту работы.

Плата за публикацию статьи, равно как иные сборы, с авторов не взимается. Гонорар за статью не выплачивается.

2. Порядок приема и отбора рукописей

Редакционная коллегия журнала оставляет за собой право отбора присылаемых материалов.

При поступлении статьи в редакцию проводится ее проверка на соответствие тематике журнала и требованиям к оформлению. В случае несоответствия автору дается краткий ответ с отказом в публикации.

При соответствии статьи требованиям проводится ее проверка на отсутствие некорректных заимствований (плагиат).

В случае соответствия статьи всем перечисленным требованиям она направляется на научное рецензирование. Все статьи, принятые в редакцию, обязательно проходят процедуру двойного «слепого» рецензирования (автор и рецензент не известны друг другу). Рецензирование статей осуществляют не только члены редакционного совета и редакционной коллегии, но и приглашенные эксперты — признанные специалисты в той научной области, которой соответствует тематика статьи. Выбор рецензента осуществляется редакционной коллегией.

Рекомендации рецензентов являются основанием для принятия редакционной коллегией решения об опубликовании статьи.

Статьи, получившие отрицательную оценку рецензентов, отклоняются. Отклоненные статьи авторам не высылаются, с авторами не обсуждаются и повторно не рассматриваются.

Если редакционной коллегией принято решение «Рекомендовать к публикации с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков», то автору высылаются вопросы и/или предложения рецензента и устанавливается срок для устранения указанных недостатков либо аргументированного отклонения выдвинутых замечаний (в течение 10 рабочих дней). В случае возникновения серьезных противоречий между автором и рецензентом редакционная коллегия имеет право направить статью на дополнительное рецензирование.

Срок хранения рецензий в редакции — 3 года.

Окончательное решение о публикации принимается редакционной коллегией и редакционно-экспертным советом журнала. Автор информируется о принятом решении.

Решение редакционной коллегии о допуске статьи или отказе в публикации направляется автору по электронной почте. В случае положительного решения в письме указываются сроки публикации.

Рукописи статей, рекомендованных к публикации, подвергаются редакционной обработке, которая включает литературное редактирование, корректуру, техническое редактирование. Редакция не ставит в известность авторов об изменениях и сокращениях рукописи, имеющих редакционный характер и не затрагивающих содержание статьи. При необходимости замечания редактора согласуются с автором.

3. Требования к публикациям

Основные сведения об авторе. На русском и английском языках приводят: имя, отчество, фамилию автора (полностью). Наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО); адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна).

Также указываются электронный адрес автора (e-mail); открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии). Адрес организации (учреждения), где работает или учится автор, может быть указан в полной форме. Электронный адрес автора приводят без слова «e-mail», после электронного адреса точку не ставят. ORCID приводят в форме электронного адреса в сети Интернет. В конце ORCID точку не ставят. Наименование организации (учреждения), ее адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

Содержание статьи: оригинальность текста, актуальность проблемы, четкая формулировка темы статьи, соответствие содержания статьи заявленной в названии теме, высокий научный уровень (признанные в науке методы исследования, корректность статистического анализа, обоснованность полученных данных, аргументированные выводы, логичность и полнота раскрытия темы), научный, научно-публицистический стиль изложения, терминологическая точность.

Структура статьи: введение (обоснование актуальности исследования, постановка проблемы, обзор литературы по тематике исследования); определение целей и задач; методы (описание научного инструментария исследования); результаты (представление основных фактических данных, обсуждение, интерпретация полученных данных, предложения по практическому применению и/или дальнейшему исследованию); заключение (выводы, подведение итогов статьи без повторения уже использовавшихся формулировок).

Аннотация: объем — от 100 до 150 слов, представляется на русском и английском языках. В аннотации необходимо отразить актуальность темы исследования, постановку проблемы, основные результаты и выводы. Аннотация должна отражать логику изложения материала в статье, лаконично и точно излагать основные идеи и выводы исследования.

Ключевые слова: объем — от 6 до 12 слов, должны отражать специфику темы статьи, объекта или результатов исследования на русском и английском языках.

4. Правила оформления научной статьи

Общие требования. Рукопись статьи оформляется в редакторе Microsoft Office Word и прикрепляется в формате *.doc, *.docx. Поля сверху, снизу, слева и справа — 2 см. Выравнивание по ширине. Абзацный отступ — 0,5 см. Межстрочный интервал полуторный. Переносы включены.

Шрифт представляемой в редакцию статьи — Times New Roman. Размер шрифта — 14 пт. В верхнем левом углу листа должен стоять УДК. Ниже по центру полужирным шрифтом прописными буквами печатается название статьи (на русском и английском языках). Далее фамилия автора, инициалы, строкой ниже — полное название организации, e-mail. Ниже через строку помещается аннотация и ключевые слова. Далее этот блок повторяется на английском языке. Еще через строку помещают основной текст статьи. (См. пример структуры статьи.)

Список источников. Размещается непосредственно после основного текста статьи. В список включают библиографические записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Записи нумеруют и располагают в порядке цитирования источников. При этом сначала следуют источники на русском языке, после них — на иностранном языке. В список литературы не включаются нормативные правовые акты (законы, указы, постановления, стандарты и др.). Идентифицирующие сведения (наименование, номер, дата и др.) о такого рода документах приводятся в тексте при их первом упоминании. Список приводят в двух вариантах: на русском языке, оформленном в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка», и в романском алфавите, оформленном в соответствии с требованиями международной библиографической и реферативной базы Scopus. Фамилии авторов статей на английском языке представляются в международной системе транслитерации Британского Института Стандартов (www.translit.ru, меню Варианты, пункт BSI). Английские источники остаются без изменений, русскоязычные источники транслитерируются с помощью программы Translit (www.translit.ru, меню Варианты, пункт BSI) (см. пример пристатейного списка).

Дополнительные сведения. На последней странице на русском и английском языках приводятся: фамилия, полные имя и отчество (при наличии последнего), ученая степень и звание (при наличии), официальное название организации, должность, полный адрес организации (с указанием почтового индекса), служебный e-mail, номер служебного и контактного (мобильный, по возможности) телефонов.

5. Оформление отдельных элементов текста

Аббревиатуры. В тексте без расшифровки допустимо использовать только общепринятые аббревиатуры. К ним относятся пять общепринятых сокращений: *т. е.*, *и т. д.*, *и т. п.*, *и др.*, *и пр.*, а также *в.*, *вв.*, *г.*, *гг.* (при датах), *г.*, *д.*, *обл.*, *с.* (при географических названиях), *гл.*, *ч.*, *п.*, *подп.*, *разд.*, *рис.*, *с.*, *см.*, *ср.*, *табл.* (при ссылках и сопоставлении), *руб.* (рубль), *долл.* (доллар) и некоторые другие.

Не допускается использовать сокращения: *т. о.* — таким образом, *т. н.* — так называемый и *т. к.* — так как.

Помимо общепринятых аббревиатур в работах могут применяться авторские сокращения. При этом после их первого упоминания в тексте необходимо в скобках указать аббревиатуру, например средства вычислительной техники (СВТ).

Рисунки должны быть четкими, подлежащими редактированию, диаграммы и графики составлены в программах Microsoft Graph или Microsoft Office Excel, фотографии — контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подрисуючную подпись. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносится в подрисуючную подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисуючная подпись должна быть лаконичной и соответствовать содержанию рисунка (10 пт).

Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Содержание таблиц должно быть связано с той мыслью в тексте, после изложения которой дается ссылка на таблицу. Название таблицы должно точно отражать ее содержание, заголовки граф — соответствовать их содержанию. Все данные внутри таблицы — 10 пт, головка таблицы выделяется жирным шрифтом.

Размеры рисунков и таблиц — не более 80 × 80 мм (на одну колонку), 170 × 170 мм (на две колонки) в начале или конце полосы. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. Рисунки и таблицы располагаются в тексте *после ссылки на них*.

Формулы. Простые внутристрочные и однострочные могут быть набраны символами, без использования специальных редакторов. Сложные и многострочные формулы должны быть набраны в редакторе формул MathType 5. Смещение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается. Индексы и показатели степени должны быть четко ниже или выше строки. В случае ссылки на формулы в тексте нумерация формул дается справа в круглых скобках, а сама формула размещается отдельной строкой по центру. Если на конкретную формулу нет дополнительных ссылок в тексте или она в тексте единственная, то нумерация не нужна. Длина формулы — не более 70 мм.

Буква «ё» употребляется только в целях смысловоразличения слов, в именах и фамилиях согласно записи в документах, удостоверяющих личность.

Примечания, комментарии и другие пояснения основного текста можно размещать в подстрочных ссылках.

Цитаты. При использовании цитат обязательно обозначение границ заимствованных материалов в целях различения авторского и неавторского текстов. При прямом (дословном) цитировании границами служат кавычки, в которые заключается цитата, после которой ставится отсылка на источник. При косвенном цитировании (парафраз, или пересказ, — передача своими словами идей, концепций, точек зрения других лиц) левой границей служит вводная конструкция типа «По данным британских ученых...», «В работе И. Л. Михайлова...», «По мнению специалистов...», «Современные цивилисты трактуют...» и т. д. Правой границей является отсылка на источник заимствования.

Ссылки. На весь заимствованный материал (прямая цитата, парафраз, фактический материал, таблица, рисунок и др.) даются ссылки на источники.

В журнале приняты затекстовые библиографические ссылки. Они входят в пристатейный список источников. Библиографические записи источников в пристатейном списке нумеруются, оформляются по ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка» с обязательным указанием *общего количества страниц*.

Связь между текстом и цитируемым источником устанавливают посредством отсылки, которую оформляют в виде заключенных в квадратные скобки порядкового номера источника и через запятую номера страницы. Если приводят прямую цитату, то в отсылке указывают порядковый номер и *конкретную страницу* цитаты. Если приводят косвенную цитату, то в отсылке указывают порядковый номер и *постраничную пагинацию*, в пределах которой изложен упоминаемый материал. Если в тексте речь идет в целом об издании, в отсылке указывают только порядковый номер источника. Если текст цитируется не по первоисточнику, то отсылку следует начинать словами «Цит. по:». Например: [Цит. по: 9, с. 24—25] (см. примеры оформления затекстовых ссылок).

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК

В тексте отсылки оформляются следующим образом:

При прямом цитировании

Как отмечал Н. А. Бердяев, «идею прогресса нельзя смешивать, как это достаточно уже разъяснено, с идеей эволюции» [10, с. 222].

При парафразе, или пересказе

Так, Н. А. Бердяев раскрывает метафизическую сущность прогресса, отмечая связь идеи о прогрессе с мессианской идеей религиозных верований [10, с. 222—223].

При ссылке целиком на весь источник

В контексте рассматриваемой проблемы нельзя обойти вниманием известную работу Н. А. Бердяева [10].

При цитировании не по первоисточнику

Ж. Р. Колесникова, осмысляя свою эпоху, писал о процессе «истощения творческих сил человека в результате отрыва его от духовного центра жизни и исключительное обращение к периферии жизни...» [Цит. по: 23, с. 75].

Описание источника в затекстовой ссылке:

10. Бердяев Н. А. Смысл истории. М. : Мысль, 1990. 269 с.

23. Колесникова Ж. Р. Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и русская религиозная философия начала XX века : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001. 163 с.

ПРИМЕР ПРИСТАТЕЙНОГО СПИСКА

Список источников

1. Конев Е. Прогнозируемые векторы развития зарубежных медиа // Журналистика—2018: состояние, проблемы, перспективы : материалы 20-й Междунар. науч.-практ. конф. (15—16 нояб., 2018, БГУ). Минск : БГУ, 2018. С. 294—297.

2. Ogilvi Д. Тайны рекламного двора — советы старого рекламиста. М. : Ассоциация работников рекламы, 2005. 61 с.

3. Браславец Л. А. Социальные сети как средства массовой информации: к постановке проблемы // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125—132.

4. Murphy D. Ireland and the Crimean War. Dublin : Four Courts Press, 2002. 262 p.

References

1. Konev E. Prognoziruemye vektory razvitija zarubezhnyh media [Projected vectors of development of foreign media], Zhurnalistika-2018: sostojanie, problemy, perspektivy: materialy 20-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (15—16 nojab., 2018, BGU) [Journalism-2018: state, problems, prospects : materials of the 20th International Scientific and Practical Conference (November 15—16, 2018, BSU)]. Minsk, BGU, 2018, pp. 294—297.

2. Ogilvi D. Tajny reklamnogo dvora — sovery starogo reklamista [Secrets of the advertising yard — tips of an old advertiser]. Moscow, Associacija rabotnikov reklamy, 2005, 61 p.

3. Braslavec L.A. Social'nye seti kak sredstva massovoj informacii: k postanovke problem [Social networks as mass media: towards the formulation of the problem], Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika [Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism], 2009, no. 1, pp. 125—132.

4. Murphy D. Ireland and the Crimean War. Dublin, Four Courts Press, 2002, 262 p.

ПРИМЕР СТРУКТУРЫ СТАТЬИ

Развитие территорий. 2021. № 4 (26). С. 79—84.
Territory Development. 2021;(4):79—84.

Территория: факты, оценки, перспективы

Научная статья

УДК (номер проставляет автор)

EDN (номер проставляет редакция)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Иван Сергеевич Сидоров¹, Игорь Павлович Петров²

¹Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

²Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/> (представляется автором)

²ipp86@mail.ru

Аннотация

Ключевые слова

Для цитирования: Сидоров И. С., Петров И. П. Международное гуманитарное сотрудничество как фактор развития приграничных территорий // Развитие территорий. 2021. № 4 (26). С. 79—84. EDN (номер проставляет редакция).

Territory: facts, assessments, prospects

Original article

INTERNATIONAL HUMANITARIAN COOPERATION AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF FRONTIER ZONE

Ivan S. Sidorov¹, Igor P. Petrov²

¹Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

²Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

¹kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/>

²ipp86@mail.ru

Abstract

Keywords

For citation: Sidorov I. S., Petrov I. P. International humanitarian cooperation as a factor of development of frontier zone. Territory Development. 2021;(4):79—84. (In Russ.). <https://elibrary.ru/> (the number is assigned by the editorial board).

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторах

Сидоров Иван Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Петров Игорь Павлович — магистрант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ipp86@mail.ru

Information about the authors

Ivan S. Sidorov — Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Igor P. Petrov — Master's Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ipp86@mail.ru

Статья поступила в редакцию 00.00.2000; одобрена после рецензирования 00.00.2000; принята к публикации 00.00.2000.

The article was submitted 00.00.2000; approved after reviewing 00.00.2000; accepted for publication 00.00.2000.

